А. А. УСПЕНСКІЙ.

ВЪ ПЛѢНУ

(продолженіе книги «НА ВОЙНѢ»).

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА

въ 2-хъ частяхъ.

Часть I (1915—1916 г.)

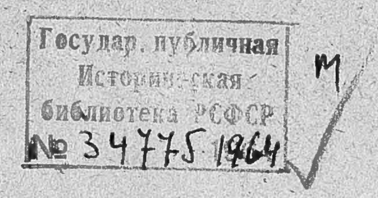
(Съ иллюстраціями).

ИЗДАНІЕ АВТОРА.
Kaunas, (Литва) Zarasų g-vė 5.
1933.

Съ заказами просятъ обращаться по адресу:

Lithuanie. Kaunas «Spauda» Maironio g-vė 5a
или къ автору — Kaunas, Zarasų g. 5.
Ats. pulkininkui A. Uspenskiui.

Karo cenzūros leista. Sp. «Menas» Kaunas, Laisvės Al. 70

Вмѣсто предисловія.

Издавая вторую книгу моихъ воспоминаній «Въ плѣну», я считаю необходимымъ сказать слѣдующее.

Когда вышла въ свѣтъ моя 1-я книга, «На войнѣ», я, кромѣ лестныхъ для меня отзывовъ и рецензій въ печати, получилъ и до сихъ получаю много писемъ съ выраженіемъ благодарности за книгу, какъ въ Литвѣ, такъ и изъ другихъ странъ и изъ разныхъ угловъ русскаго разсѣянія и не только отъ частныхъ лицъ, но и отъ участниковъ Великой войны и тѣхъ боевъ, которые я описалъ въ своей книгѣ. Лестное для меня мнѣніе и похвала послѣднихъ мнѣ дороги еще и потому, что эти глубокоуважаемыя мною лица, какъ, напр. Генералъ Адаради, б. начальникъ 27-й п. дивизіи — доблестный герой Гумбиненской побѣды, или б. начальникъ арріергарда XX корпуса — генер. маіоръ Дрейеръ, сообщили мнѣ новыя данныя объ этихъ бояхъ, а о послѣднемъ боѣ XX корпуса я нашелъ цѣнный матеріалъ въ книгѣ М. П. Каменскій. Гибель XX к-са по архивнымъ источникамъ штаба X арміи (госуд. изд. Петербургъ 1921 г.)

Затѣмъ, въ этомъ же 1932 году, лѣтомъ мнѣ была указана книга нѣмецкаго генерала ф.-Гальвица, б. командира 2-го гвард. корпуса, съ подробнымъ описаніемъ и боя у Алленбурга (Max von Gallwitz «Meine Führertätigkeit im Weltkriege» Berlin 1930. Verlag von E. G. Witter u. Sohn.) Я нашелъ въ ней «Gefecht bei Allenburg 9 Sept. 1914» (II глава) не

только подробное описаніе боя 27-го августа 1914 г., но и, —что важнѣе,— полное признаніе противникомъ успѣха обороны моста моимъ маленькимъ отрядомъ у д.д. Триммау—Шалленъ—Егерсдорфъ.

Все это и заставило меня во II книгу «Въ плѣну» (продолженіе «На войнѣ») включить то, что было пропущено въ I книгѣ.

Да не посѣтуетъ читатель за это отступленіе отъ прямой темы книги «Въ плѣну». Но, вѣдь, это такъ естественно разбираться въ дѣйствіяхъ и чувствахъ, уже пережитыхъ на войнѣ, уже прошедшихъ, но . . . такъ ярко запечатлѣвшихся въ умѣ и сердцѣ каждаго настоящаго воина, что умолчать объ этихъ чувствахъ— невозможно.

Привожу наиболѣе цѣнные отрывки изъ полученныхъ мною писемъ.

Вотъ, что пишетъ Г е н е р а л ъ К. М. А д а р и д и изъ Гельсингфорса:

«На мою долю выпала въ свое время высокая честь командовать доблестной 27-й п. дивизіей во время ея 1-го наступленія въ Вост. Пруссіи, отмѣченнаго побѣдою подъ Матишкеменомъ и Варшлегеномъ (мѣстечки около Гумбинена), смѣло можно сказать единственною за всю эту операцію.... Какъ въ этой побѣдѣ, такъ и во время 1-го за войну боя подъ Герритеномъ, *д о б л е с т н ы й У ф и м с к і й п о л к ъ с ы г р а л ъ в ы д а ю щ у ю с я р о л ь**), выказавъ выходящія изъ ряда стойкость и выносливость . . . . Ваша книга заставила меня снова пережить то время, а ваши отзывы, помѣщенные въ ней обо мнѣ, до чрезвычайности меня растрогали; они особенно цѣнны для меня, такъ какъ высказаны строевымъ офицеромъ, можетъ быть, даже не знавшимъ, нахожусь ли я вообще въ живыхъ, и попадетъ ли Вашъ трудъ когда либо въ мои руки. Въ свою очередь посылаю Вамъ оттискъ моей статьи о первыхъ бояхъ дивизіи, помѣщенный

*) Вездѣ курсивъ мой. Прим. автора.

въ «Schweizerische Monatsschrift für Offiziere aller Waffen» на нѣмецкомъ языкѣ*).

Въ позапрошломъ году я, по приглашенію общества офицеровъ Швейцарской арміи посѣтилъ цѣлый рядъ городовъ Швейцаріи, гдѣ на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ дѣлалъ сообщенія о Гумбиненскомъ сраженіи, главнымъ образомъ о славныхъ дѣйствіяхъ доблестныхъ полковъ нашей дивизіи и ея артиллеріи, стараясь дать вѣрную картину тѣхъ событій, которыя покрыли ихъ неувядаемой славой».

Отрывки изъ письма Генералъ - маіора Дрейера изъ Парижа:

Многоуважаемый Полковникъ!

Съ громаднымъ удовольствіемъ прочелъ Вашу книгу „На войнѣ". Служа въ Вильнѣ въ штабѣ корпуса, я, конечно, зналъ лично доблестные полки 27-й див. съ ихъ командирами и офицерами. Судьбѣ угодно было, чтобы съ ноября 1914 г. я раздѣлилъ съ 27-й п. дивизіей (начальникомъ штаба коей состоялъ) ея дѣйствія въ Вост. Пруссіи и ея гибель въ Августовск. лѣсахъ.

Мнѣ дорого было пережить снова, читая Вашу книгу, эти тяжелые дни и оживить многія подробности, ускользнувшія за давностью лѣтъ изъ памяти.

Мнѣ нравится Ваша манера письма, простая и ясная и я жалѣю лишь, что въ Вашу книгу не вошли нѣкоторыя подробности, особенно въ описаніи гибели XX корпуса . . . . .

Въ частности, могу Вамъ указать, что записку нѣмцамъ, отправляя раненнаго полк. Отрыганьева, писалъ я. Пожимая ему на прощанье руку и, ободряя его, вручилъ ему послѣднее, что у меня было, — полбутылки коньяку, надѣясь, что она его согрѣетъ и поможетъ ему легче перевести это путешествіе.

*) На книжкѣ генер. Адариди надпись: «Доблестному участнику описанныхъ боевъ 6. Уфимцу А. А. Успенскому отъ автора К. Адариди.

Мнѣ самому помогъ Богъ, послѣ окончанія аріергарднато боя, прорваться съ отрядомъ въ 30 чел. въ тылъ нѣмцевъ, гдѣ, въ болотѣ „Козій рынокъ“, мы шестеро—2 офицера (я и капит. Махровъ) и 4 солдата просидѣли 2 недѣли и, когда началось наступленіе отъ Гродно, вышли къ своимъ. Чтобы не подохнуть съ голоду, съѣли одну изъ нашихъ шести лошадей.

О себѣ говорю между прочимъ, ибо этотъ малый эпизодъ не прибавилъ бы цѣны къ интересу Вашего труда. Мнѣ лично книга Ваша доставила громадное удовольствіе — такъ пріятно вспомнить «минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они».

Отрывки изъ письма Генерала М. Н. Соловьева, стараго Уфимца*) изъ Нью-Іорка:

.... Читалъ я Вашу книгу „На войнѣ“ съ захватывающимъ интересомъ, гордостью, печалью, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, находя имена убитыхъ героевъ моихъ сослуживцевъ и сверстниковъ — вѣчная имъ память и свѣтлый имъ рай — мученикамъ героямъ! На стран. 9-й Вашей книги, гдѣ Вы пишете: «Столѣтній юбилей полкъ отпраздновалъ въ 1911-мъ г.», я на поляхъ книги сдѣлалъ помѣтку: «грамоту на новое знамя по Высочайшему повелѣнію я привозилъ полку изъ СПБ, гдѣ я тогда находился на службѣ въ главномъ управленіи Генер. Штаба»...

Книгу Вашу «На войнѣ», какъ имѣющую огромное значеніе для подрастающаго поколѣнія, я передалъ въ надежныя руки; Вамъ же честь и слава и низкій поклонъ от стараго Уфимца за тотъ памятникъ, который Вы воздвигли родному 106 пѣх. Уфимскому полку, а равно за ту рѣдкую, и исключительную въ наше время любовь къ своему полку вообще, такъ и отдѣльно ко

---

*) Родной братъ полк. А. Н. Соловьева, стараго Уфимца, 35 лѣтъ прослужившаго въ полку, изъ отставки явившагося въ родной полкъ на войну.

всѣмъ сослуживцамъ и особенно къ младшей братіи— солдатамъ, каковой любовью пропитана чуть ли не каждая строка «На войнѣ».

Ваша книга несомнѣнно послужитъ справочникомъ для многихъ, имѣвшихъ родственниковъ и знакомыхъ въ 27 пѣх. дивизіи.

Отрывокъ изъ письма Уфимца — ст. унт. офицера, 9-й роты срока службы 1913-го г. (кадровый), нынѣ адвоката Г. Кудрявцева из Маріамполя (Литва).

«Прочелъ Вашу книгу и тысячи воспоминаній нахлынули о родномъ 106 п. Уфимскомъ полкѣ... Все Вами описанное пришлось пережить вмѣстѣ съ командирами моей 9 й роты, нынѣ еще, какъ живые, передъ моимъ мысленнымъ взоромъ стоящими.

Очень хотѣлось бы узнать о дальнѣйшей судьбѣ Шт. Кап. Кириллова и Млодзинскаго, съ которыми я разстался въ Август. лѣсахъ, ибо мнѣ удалось пробраться въ Гродно. Къ сожалѣнію, никого изъ однополчанъ не пришлось здѣсь встрѣтить и потому, очень прошу Васъ сообщить все, что Вамъ извѣстно о моихъ бывшихъ начальникахъ и полкѣ, за что буду Вамъ чрезвычайно признателенъ».

Отрывокъ изъ письма Генерала Б. Н. Адамовича, б. начальника Виленск. воен. училища (нынѣ директора кадетскаго корпуса въ Югославіи).

«Для меня Ваша книга цѣнна особенно: въ ней поминки друзей, сослуживцевъ и учениковъ: мой благородный другъ по Японской войнѣ — К. К. Отрыганьевъ, Крикмейеръ, Симоненко, Кострица, Берзинъ и др.

Вы заслужили вниманіе правдивымъ и скромнымъ подходомъ къ разсказу. Намъ необходима правда, ложь въ литературѣ свила гнѣздо и печать часто обманываетъ людей. Я глубоко тронутъ и обрадованъ привѣтами Виленцевъ. Всегда мысленно благословляю ихъ службу *сохраненной ими Родинѣ—Литвѣ.* Для меня Литва и Россія нераздѣльны, — я ихъ кровный сынъ

Мой гербъ — «Лелива» — Литовскаго гербовника, съ 1252 г. Желаю носящимъ знакъ Виленскаго Училища *вернуть Литвѣ Вильну и Троки*. Дружески и сердечно жму Вашу руку, родныхъ Виленцевъ обнимаю».

Письмо полученное отъ присяжн. повѣреннаго Мечислава Марковскаго изъ Шавель Mečislovas Markauskas Prisiekusis advokatas.

J. M.

Ats. Pulkininkui A. Uspenskiui.

«Leiskite pareikšti padėką už malonumą, kurį aš gavau skaitydamas Tamstos puikią knygą «На войнѣ», *tą dokumentą žmogaus kančių ir tauraus didvyriškumo.* Aš skaičiau daug atminimų apie karą, bet Tamstos knyga yra ypatinga tuo, kad ji pasako apie karą, daugiau negu kai kurios kitos knygos su užsibrėžta išanksto tendencija*).

Отрывокъ из письма б. офицера XX-го корпуса Капит. 113-го Старорусск. полка С. И. Дружинина изъ Бѣлграда (Югославія).

«Съ захватывающимъ интересомъ прочелъ Ваши воспоминанія и пережилъ снова всю эпопею XX-го корпуса. Въ зарубежной литературѣ до сихъ поръ не была еще отмѣчена исторія XX-го корпуса на войнѣ въ такомъ интересномъ изложеніи, и въ этомъ смыслѣ Вы осуществили завѣтную мысль многихъ участниковъ этой героической и въ то же время трагической эпопеи.

Увѣренъ, что будущій историкъ найдетъ весьма интересный и цѣнный матеріалъ въ Вашей книгѣ».

Отрывокъ изъ письма Е. Н. Стрѣльбицкой изъ курорта Буска**).

---

*) (Переводъ) «Разрѣшите выразить Вамъ мою благодарность за то удовольствіе, которое я получилъ, читая Вашу прекрасную книгу «На войнѣ» — этотъ документъ людскихъ страданій и благороднаго героизма. Я прочиталъ много воспоминаній о войнѣ, но Ваша книга отличается тѣмъ, что она сказала о войнѣ больше, чѣмъ нѣкоторыя другія книги съ предвзятой тенденціей».

**) Е. Н. Стрѣльбицкая, присылавшая намъ въ плѣнъ для церкви посылки. Письма ея помѣщены въ книгѣ «Въ плѣну».

«Съ захватывающимъ интересомъ прочитала Вашу книгу, — скорбный крестный путь русской арміи и Вашъ, какъ ея отдѣльной единицы, и опять мнѣ приходитъ въ душу *страстная мольба, чтобы человѣчество поняло наконецъ весь ужасъ самоистребленія и дошло до того, чтобы всѣ спорные вопросы рѣшать мирнымъ путемъ»...*

Отрывокъ изъ письма Полковн. Д. П. Сверчкова изъ Парижа.

«Я прочелъ Вашу чудесную книгу въ одну ночь, — началъ читать вечеромъ и такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ наступило утро. Я могу только сказать, что «На войнѣ» одна изъ прекраснѣйшихъ и чудныхъ военныхъ книгъ, которыя я имѣлъ въ рукахъ. Славный 106-й Уфимскій полкъ, съ которымъ я былъ въ бою подъ Гумбиненомъ (какъ шт. офицеръ 3-го Сапер. бат.), получилъ отъ Васъ цѣнный подарокъ».

Отрывокъ из письма б. казачьяго офицера Эсаула Н. С. Мартенса изъ Антверпена.

«Господинъ Полковникъ,

Я не имѣю возможности назвать Васъ по имени и отчеству, тк. послѣдняго не знаю. Пользуюсь случаемъ, чтобы лично Васъ поблагодарить за Вашу прекрасную книгу и за доставленное ею удоволлствіе.

Будушій историкъ Великой войны найдетъ въ ней массу цѣнныхъ указаній, а просто русскій человѣкъ — почувствуетъ справедливую гордость передъ подвигами своихъ отцовъ и дѣдовъ. Надѣюсь, что ея широкое распространеніе позволитъ Вамъ поскорѣе издать продолженіе — «Въ плѣну».

Отрывокъ изъ письма бывш. запасн. унтер-офиц. 110-го пѣх. Камск. полка А. Красовскаго изъ Поневѣжа.

«М. Г.

Ваша книга «На войнѣ» произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Ваши, такія живыя воспоминанія о мировой войнѣ и о пережитыхъ страданіяхъ вызываютъ

горячій протестъ и крикъ: «*долой, навсгеда долой войну — это ужасное человѣческое несчастье!* Я самъ участвовалъ въ этихъ самыхъ бояхъ подъ Сталлупененомъ, Гумбиненомъ и др. При отступленіи 31-го авг. я былъ раненъ *и взятъ въ плѣнъ*, поэтому меня очень интересуетъ Ваша новая книга «*Въ плѣну*»,

Письма съ подобнымъ содержаніемъ я продолжаю получать изъ разныхъ угловъ свѣта (напр., изъ Турціи, Египта, Хабаровска) доселѣ.

II часть книги «Въ плѣну» (1917—1918 г.г.) заканчивается и скоро поступитъ въ печать. Она также, какъ и I часть, будетъ иллюстрирована снимками изъ жизни въ плѣну.

Ал. Успенскій.

1933 г.
Kaunas.

Любимому другу-женѣ
посвящаю

Въ плѣну

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

А. А. Успенскій.

Истинная жизнь бываетъ только вмѣстѣ съ свободой.

Лагарпъ.

Жизнь и такъ ужъ короткая, сокращается еще насиліями, которыя вкрадываются въ человѣческій родъ.

Боссюэтъ.

I.

Путь въ плѣнъ

(8. II. — 16 II. 1915 г.)

Первый моментъ. Поздняя попытка насъ выручить. Путь по Августовскимъ лѣсамъ и два ночлега. Агустово. Избіеніе плѣнныхъ солдатъ. Рачки—ночлегъ въ костелѣ. Нѣмецкая развѣдка полк. W. Nikolai. По вост. Пруссіи до Маркграбово. Поѣздомъ до фортовъ Neisse.

1915 годъ. 8—21 февраля — роковой день, когда въ августовскихъ лѣсахъ жалкіе остатки русскаго XX-го корпуса, а съ ними нашего 106-го п. Уфимскаго полка (27-ой дивизіи) окружены были 4-мя нѣмецкими корпусами и, послѣ неравнаго боя, принуждены были сдаться въ плѣнъ! Бой былъ неравный, потому, что русскія войска, послѣ почти непрерывныхъ, въ теченіи 12-ти дней и ночей, боевъ, остались безъ патроновъ и снарядовъ*).

Встрѣчная рѣчь старшаго нѣмецкаго генерала (командующаго арміей) съ похвалой по нашему адресу, *«несмотря на то что вы были совершенно окружены, вы всетаки ринулись въ атаку навстрѣчу смерти»*, немного тѣшила наше самолюбіе, но, тѣмъ не менѣе, стыдъ и позоръ плѣна овладѣли нашимъ сознаніемъ.... Какъ то неловко даже было, намъ глядѣть другъ другу въ глаза. Какое счастье, что наши солдаты въ этотъ моментъ уже были отъ насъ отдѣлены! Мнѣ кажется,

*) Книга «На войнѣ» гл, Х-ая.

что въ ихъ присутствіи этотъ позоръ плѣна еще болѣзненнѣе отозвался бы на нашемъ самочувствіи.

Въ первый моментъ обращеніе съ нами нашихъ побѣдителей—высшихъ нѣмецкихъ чиновъ было очень любезное. Такъ, послѣ хвалебной рѣчи и отъѣзда командующаго нѣмецкой арміей, къ намъ обратился съ рѣчью другой нѣмецкій генералъ. Между прочимъ, онъ сообщилъ, что сейчасъ же для всѣхъ насъ будетъ приготовленъ горячій завтракъ изъ колбасы и кофе. Наши лица, видимо говорили нѣмцамъ о сильномъ истощеніи и голодѣ. Стыдно признаться, но напоминаніе о пищѣ отозвалось въ моемъ сознаніи чисто животной радостью.

Въ это время прибыла нѣмецкая санитарная рота съ носилками и перевязочнымъ матеріаломъ. По командѣ своего ротнаго командира-врача, санитары быстро разсыпались въ цѣпь и, красиво равняясь, двинулись въ лѣсъ въ томъ направленіи, гдѣ только что окончился нашъ бой. Тамъ еще лежали и ожидали ихъ помощи тяжело раненые въ бою русскіе и нѣмцы. Я невольно восхищался этой нѣмецкой, чисто военной организаціей спасенія погибающихъ на войнѣ воиновъ.

Уже насъ начали разбивать по группамъ, чтобы вести въ разныя, близь лежащія деревни для завтрака, но въ это время надъ нами неожиданно стали съ трескомъ разрываться снаряды шрапнели и гранатъ, и сейчасъ же вмѣстѣ съ испугомъ, яркой молніей прорѣзало мое сознаніе радостное изумленіе: разрывы эти были отъ нашихъ русскихъ, артиллерійскихъ снарядовъ! Значитъ—насъ выручаютъ! Насъ спасаютъ! Идетъ, наконецъ, со стороны Гродно такъ страстно, такъ нестерпимо долго ожидаемая помощь!!... Въ головѣ начала мелькать мысль о возможности спасенія отъ плѣна, но... въ этотъ моментъ нѣмцы круто перемѣнили свое обращеніе съ нами. Лица побѣдителей сразу сдѣлались какими то испуганно-жестокими: рѣзкія

команды и даже ругань посыпались по нашему адресу; нѣмецкіе офицеры быстро куда-то всѣ исчезли, а по командѣ фельдфебеля насъ тѣсно окружили конвойные солдаты съ ружьями на перевѣсъ, почти бѣгомъ повели насъ въ чащу лѣса, все дальше и дальше отъ площади разрыва русскихъ снарядовъ!

Да, это былъ рѣдкій на войнѣ случай, когда съ досадой и душевной болью мы должны были, противъ своей воли, уходить отъ разрывающихся снарядовъ. Мы невольно оглядывались назадъ въ ту сторону, гдѣ еще слышались гулъ и раскаты выстрѣловъ русскихъ орудій....

И вотъ, старая картина: тѣ же Августовскіе лѣса, тѣ же сугробы и грязныя дороги, что уже 10 дней не разставались съ нами во время непрерывныхъ — днемъ и ночью—походовъ и боевъ... Та же обстановка, но... самочувствіе наше было совершенно другое!... Тогда мы, физически изнуренные — морально были сильны: мы были свободны! А сейчасъ мы—плѣнные! Насъ окружаетъ конвой изъ грубыхъ нѣмецкихъ солдатъ! На нашихъ осунувшихся лицахъ видны муки отчаянія и стыда плѣна; кромѣ того, сильная усталость и острый голодъ даютъ себя чувствовать еще сильнѣе, чѣмъ тогда, до плѣна.

Нѣмцы торопились скорѣе вывести насъ изъ раіона боевыхъ дѣйствій, часто сворачивали съ шоссе и вели лѣсомъ или полями безъ дорогъ, видимо боясь натолкнуться на какую нибудь русскую часть.

Наша группа состояла изъ доброй сотни офицеровъ во главѣ съ генераломъ Ч—вымъ. Нѣмцы, замѣтивъ генерала, идущаго въ передней шеренгѣ, предложили ему верховую лошадь, но генералъ Ч—въ отъ нея отказался и продолжалъ идти пѣшкомъ вмѣстѣ съ нами. Было часовъ 12 дня, когда гулъ русскихъ орудій сзади насъ прекратился. Это была, какъ потомъ

мы узнали, слишкомъ поздняя и въ неудачномъ направленіи, попытка выручить нашъ XX-й корпусъ.

Утомленіе и голодъ усиливались. Помню, какъ одинъ изъ конвойныхъ солдатъ, познанчикъ-полякъ, началъ дѣлить по кусочку свой хлѣбъ ближайшимъ около него, плѣннымъ офицерамъ. За это съ руганью на него накинулся старшій конвойный. — «Нельзя помогать этимъ русскимъ свиньямъ! кричалъ онъ. На привалѣ онъ пытался увѣрить насъ, что «Warschau ist schon kaput», «und Russland kaput!».

Когда мы шли по Августовскому шоссе, навстрѣчу попался намъ нѣмецкій обозъ въ удивительномъ порядкѣ: новыя съ иголочки, высокія повозки военнаго образца; породистыя, въ хорошихъ тѣлахъ, лошади и красивая, бѣлой кожи, упряжь. Когда обозъ поравнялся съ нами, начальникъ транспорта, молодой нѣмецкій офицеръ, ѣхавшій верхомъ, подскакалъ къ нашей группѣ и быстро сорвалъ съ шт.-кап. Ор-ва непромокаемый плащъ... Несмотря на наше возмущеніе и протесты, несмотря на нашу угрозу жаловаться, обозный «герой» ускакалъ съ накидкой къ своему транспорту! Этотъ печальный инцидентъ лишній разъ рѣзко напомнилъ мнѣ о нашемъ позорѣ, о нашемъ плѣнѣ.

На одной остановкѣ въ пути мы увидали колонну плѣнныхъ нашихъ солдатъ. Нѣмецкіе солдаты на нашихъ глазахъ снимали съ нихъ лучшіе сапоги, бросая имъ взамѣнъ свою плохую старую обувь.

Только въ 10 час. вечера конвойные остановили насъ на ночлегъ въ какой то деревнѣ. Намъ отвели холодный и пустой сарай, такъ какъ всѣ хаты оказались переполненными нѣмецкими войсками и уже мы начали располагаться на отдыхъ, какъ вдругъ раздалась нѣмецкая команда: идти дальше! Мы вышли изъ сарая и построились на улицѣ, и что-же? Здѣсь, ночью на морозѣ нѣмцы продержали насъ почти 3 часа! А

вѣдь многіе изъ насъ были раненые и почти всѣ больные.

На нашу просьбу пустить погрѣться въ ближайшую хату, хотя бы только нашихъ раненыхъ, нѣмецкій унт.-оф. только усмѣхнулся и рѣзко сказалъ: „verboten».

Съ грустью смотрѣлъ я на красивое звѣздное небо съ его темносиней глубиной, искалъ успокоенія отъ своихъ мрачныхъ думъ въ любованіи этимъ небомъ, но... успокоенія не находилъ.

Только въ часъ ночи, когда небо покрылось тучами и особенно усилился морозный вѣтеръ, нѣмцы разрѣшили намъ опять идти въ тотъ сарай, откуда насъ выгнали! Голодные легли мы тамъ на голомъ полу вповалку, прижавшись другъ къ другу и мертвецки заснули.

9-го февраля, въ 7 ч. утра конвойные разбудили насъ и сейчасъ же двинули дальше. Это былъ очень тяжелый переходъ. Голодъ все сильнѣе давалъ себя чувствовать, а самоюбіе не позволяло намъ просить нѣмцевъ о пищѣ. Короткій сонъ въ холодномъ сараѣ мало укрѣпилъ насъ. Еще ночью у меня возобновилась тупая боль въ правой половинѣ головы (контузія). Мѣстечки и деревни, лежащія вблизи Августовскаго шоссе, казались вымершими. Наконецъ, уже въ сумеркахъ, мы пришли въ Августово. Въ городѣ видны только нѣмецкія войска и обозы, населеніе исчезло. Самые дома съ заколоченными ставнями и дверями, выглядѣли замкнуто. Насъ ввели въ одинъ домъ, конвойные стали у всѣхъ выходных дверей. Комнаты были пустыя безъ мебели и мы расположились на грязномъ полу. Здѣсь первый разъ дали намъ изъ солдатской походной кухни по тарелкѣ какого-то, очень невкуснаго, «Hafer»—супа безъ мяса и по маленькому кусочку хлѣба.

Это — солдатскій обѣдъ у нѣмцевъ, какъ объяснилъ намъ старшій конвойный. Съ веселой ироніей вспоминали мы обѣщанный намъ наканунѣ нѣмецкимъ

генераломъ вкусный «Frühstück» изъ колбасы и кофе. За то мы съ удовольствіемъ констатировали фактъ, что наши солдаты, куда лучше, питаются, ежедневно получая и сибирское топленое масло и бѣлый хлѣбъ, фунтовую порцію мяса и очень наваристый вкусный супъ.

Поздно вечеромъ привели нѣмцы 2-ую партію нашихъ плѣнныхъ (XX-го корпуса) офицеровъ, человѣкъ 50 и, несмотря на тѣсноту помѣщенія, размѣстили ихъ вмѣстѣ съ нами. Товарищи по несчастью разсказали намъ о своемъ путешествіи сюда послѣ момента плѣна: оказалось, что и имъ не давали до сихъ поръ никакой пищи.

Стали укладываться на ночь, подстилая себѣ, кто что могъ, изъ своей жеодежды, соломы не было. Освѣщеніе тусклое отъ стеклянныхъ ручныхъ фонарей, поставленныхъ нѣмцами по одному фонарю на комнату. Тѣснота была ужасная, но за то мы согрѣлись и головная боль у меня стала утихать.

Разувшись и разыскивая въ темномъ корридорѣ путь на кухню, гдѣ, говорили, можно было помыться, я „напоролся» на огромный гвоздь и глубоко ранилъ подошву ноги... Потекла кровь. По счастью у одного моего пріятеля оказался пузырекъ съ іодомъ, которымъ я залилъ свою рану, завязавъ ее носовымъ платкомъ.

Наконецъ, часовъ въ 11 веч., заснули мы на грязномъ полу, причемъ нѣмецкіе часовые съ ружьями расположились здѣсь же въ нашихъ комнатахъ.

Рано утромъ, 10-го февр. разбудили насъ грубые окрики старшаго конвойнаго: «вставать», «строиться», «скорѣй — скорѣй», «выходите вонъ!» Встревоженные голоса нѣмцевъ и суетливость ихъ показывали, что у нихъ тамъ, на далекомъ фронтѣ что то случилось, такъ намъ казалось... Вообще, всѣ наши мысли еще неотступно были направлены туда къ Гродно, гдѣ такъ

трагически разыгралась судьба нашего XX-го корпуса!*) Мы все еще продолжали на что-то надѣяться!

Но... конвойные не ждутъ! Уже всѣ наши офицеры вышли на улицу, а я, сидя на полу, торопливо заканчивалъ перевязку раненой ноги и съ большимъ усиліемъ натягивалъ на нее сапогъ, какъ вдругъ вбѣжалъ конвойный и, больно ударивъ меня прикладомъ въ бокъ, заоралъ по нѣмецки: «вонъ, русская свинья, вонъ пошелъ!» У меня потемнѣло въ глазахъ отъ оскорбленія и, сжавъ кулаки, я хотѣлъ уже броситься на обидчика, но... быстро опомнился... — «Не попадайся въ плѣнъ, самъ виноватъ!» Эта мысль прорѣзала мое сознаніе и я смирился. Несмотря на боль ноги, я быстро выбѣжалъ изъ комнаты на улицу, гдѣ уже построились мои товарищи.

Когда я расказалъ про этотъ инцидентъ своему пріятелю кап. С., онъ сказалъ: «а знаешь, нѣмецъ могъ заколоть тебя, посчитавъ за спрятавшагося дезертира и не отвѣчалъ бы за это!»

Нѣмцы спѣшно повели насъ за городъ къ казармамъ 114-го Устюжскаго полка. Здѣсь остановили нашу партію и долго, долго держали на вѣтру и морозѣ, пока не выдали намъ хлѣбъ. Сначала выдавали этотъ хлѣбъ изъ повозокъ, пріѣхавшаго сюда их обоза, своимъ ротамъ, а мы, плѣнные офицеры, должны были стоять и наблюдать эту картину.

Видъ русскихъ казармъ и, особенно, штаба и офицерскаго собранія Устюжскаго полка съ русскимъ гербомъ на фронтонѣ — точная копія таковыхъ нашего полка въ М. Олитѣ (Вил. губ.),—напомнилъ мнѣ эту стоянку. Воспоминанія вереницей нахлынули и глаза мои наполянились слезами...

Быстро возникли въ моей памяти счастливыя картины моей офицерской жизни въ родномъ полку, мои первые служебные успѣхи, благодарность въ приказѣ

---

*) См. „На войнѣ" гл. X.

по полку за первую по успѣхамъ ротную школу; организація въ Олитѣ драматическаго кружка и устройство въ офицерскомъ собраніи спектаклей, вся та веселая жизнь, когда я былъ свободенъ! А теперь — что?! Гдѣ я? Кто я? Плѣнный!! Куда меня ведутъ?...

И вспомнилось мнѣ предсказаніе Виленскаго безногаго гадальщика Эпштейна (его возили по городу въ ручной коляскѣ).

За годъ до войны онъ, между прочимъ, предсказалъ мнѣ, что скоро меня переведутъ на западъ. На востокъ? поправилъ я его тогда, потому что въ то время хлопоталъ о переводѣ на службу на Дальній Востокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, на западъ, и противъ вашего желанія, настойчиво повторилъ Эпштейнъ.

И вотъ, его предсказаніе сбывается: меня плѣннаго ведутъ на западъ! . . . .

Я вижу безобразную картину: за то, что толпа русскихъ плѣнныхъ, голодныхъ солдатъ безъ очереди, толкая другъ друга, бросилась къ повозкѣ съ хлѣбомъ, нѣмецкіе солдаты по командѣ своего офицера стали безпощадно избивать ихъ прикладами и, даже, раздались два выстрѣла въ воздухъ. Храбрые побѣдители напомнили мнѣ теперь укротителей звѣрей въ циркѣ, но вѣдь это были не звѣри, а бѣдные плѣнные солдаты! Еще вчера они были, полные достоинства, храбрые защитники своей Родины, а сейчасъ?! Голодные и безоружные, они производятъ впечатлѣніе жалкихъ забитыхъ дѣтей. Но, возмутительнѣе всего, что эту команду, избивать безоружныхъ голодныхъ плѣнныхъ, подалъ тотъ самый рыжій нѣмецкій лейтенантъ съ необыкновенно пышными «a la Вильгельмъ» усами, который еще вчера смиренный, съ заискивающей улыбкой сидѣлъ у насъ въ плѣну! Мы сразу всѣ по усамъ узнали его: какимъ злорадствомъ сіяла его торжествующая физіономія! Увидали мы и другихъ

нѣмецкихъ офицеровъ — вчерашнихъ нашихъ «гостей».

Да, на войнѣ судьба перемѣнчива: вчера они у насъ были въ плѣну, а сегодня мы у нихъ!

Послѣ раздачи хлѣба насъ опять повели обратно въ Августово. Разстояніе около 2-хъ верстъ. Кто-то изъ насъ пошутилъ: — «здѣсь выдали хлѣбъ, въ Августово дадутъ супу, а въ Рачкахъ (верстъ 20) получимъ котлеты!» Но въ Августовѣ намъ ничего не дали, а лишь продержали на улицѣ цѣлыхъ два часа: такъ тщательна была передача нашей партіи новой конвойной командѣ, уже конной. Насъ вели теперь кирасиры, сидѣвшіе на красивыхъ породистыхъ лошадяхъ и вооруженные пиками съ флюгерами.

20 верстъ до м. Рачки, что мы прошли въ этотъ день, показались мнѣ за 40! Выданный намъ хлѣбъ мы жадно съѣли еще въ Августовѣ, и голодъ мучилъ насъ снова.

Чувство боли раненой ноги, чувство усталости и какой-то туманъ въ головѣ (послѣдствіе контузіи), все это вмѣстѣ взятое заставляло думать только объ одномъ: скоро ли будетъ остановка, пища и главное — сонъ?

Печальныя сумерки уже смѣнили этотъ тяжелый день, а мы все еще «тащились». Сопровождавшіе насъ нѣмецкіе кирасиры грозили отстававшимъ пиками. Сзади нашей группы шла небольшая колонна плѣнныхъ солдатъ, и тамъ иногда слышались отдѣльные выстрѣлы... Говорили, что это пристрѣливаютъ плѣнныхъ отставшихъ больныхъ или пытающихся въ темнотѣ бѣжать...

Уже передъ самыми Рачками, когда впереди замаячили первые огни мѣстечка, я, не въ силахъ будучи идти далѣе, присѣлъ на пень, чтобы переобуть свою истерзанную, всю въ крови, ногу. Сейчасъ же подскакалъ ко мнѣ нѣмецкій кирасиръ и прямо завизжалъ надо мной, ругаясь по нѣмецки... Проходившій мимо солдатъ моей роты — еврей подбѣжалъ ко мнѣ и взвол-

нованно закричалъ мнѣ: «Ваше Высокоблагородіе, онъ грозитъ заколоть Васъ пикой, если Вы не пойдете сейчасъ-же!» Я спокойно окончилъ перевязку и обулся. На этотъ разъ какое-то отупѣніе овладѣло моими чувствами: угроза быть заколотымъ меня вовсе не испугала, я почти потерялъ сознаніе дѣйствительности!

Морозило сильнѣе. Холодныя зимнія сумерки уже смѣнились темнотой, когда мы входили въ Рачки. Мы такъ мечтали получить здѣсь теплую комнату, горячую пищу и покойный сонъ и . . . что же?! Нѣмцы загнали насъ на ночлегъ въ холодный, неотапливаемый каменный костелъ! Усталость была такъ велика, что мы, необращая вниманія на стужу, легли на голый, кирпичный полъ въ костелѣ и... заснули! Но о, ужасъ! Черезъ пару часовъ, когда наши конечности начали буквально костенеть, одинъ за другимъ мы проснулись, вскочили и стали прыгать, охая и стоная отъ боли отмороженныхъ частей тѣла. . . . .

Огня и свѣта нѣтъ. У дверей—часовые, которые выпускаютъ насъ изъ костела, какъ арестантовъ, только по одному для исполненія естественныхъ надобностей. Изъ очереди получился длинный хвостъ. Слышно, какъ въ притворѣ костела грубо ругаются нѣмцы когда кто-нибудь не скоро возвращается обратно . . . А ѣсть такъ безумно хочется! Что у кого случайно было въ карманахъ въ моментъ плѣненія — давно съѣдено. Холодъ пронизываетъ все тѣло. Нервы натянуты до крайности. Уже начались между плѣнными офицерами мелкія препирательства изъ-за вышеупомянутой очереди... Мѣстами доходило до крупныхъ ссоръ.

Какой-то «свободомыслящій» молодой прапорщикъ закурилъ въ костелѣ папиросу. Мы стали протестовать, нашлись 2—3 «заступника» за этого прапорщика, но въ концѣ концовъ мы заставили его потушить папиросу.

Старшій конвойный на просьбу купить на наши

деньги хлѣба и соломы для подстилки, только усмѣхнулся; часовые обращались съ нами все грубѣе, совершенно не считаясь съ нашимъ званіемъ офицеровъ.

Никогда не забуду этого ночлега въ храмѣ Божіемъ! Было нестерпимо обидно отъ всѣхъ униженій и невольно глаза устремлялись вверхъ къ алтарю, къ слабо освѣщенному луннымъ свѣтомъ Лику Христа Спасителя; невольно многіе изъ насъ въ полумракѣ храма тихо плакали.

Утромъ 11-го февраля, часовъ въ 10, намъ дали чернаго эрзацъ-кофе и по куску хлѣба. Откуда-то прибывшій нѣмецкій офицеръ позволилъ намъ выходить изъ костела въ ограду, а главное, что насъ всѣхъ удивило,—предложилъ намъ, если мы желаемъ, сейчасъ же написать письма своимъ роднымъ въ Россію и что письма эти будутъ немедленно отправлены. Многіе изъ насъ наивно этому повѣрили. Появилась по его распоряженію бумага, конверты и химическіе карандаши. Усердно занялись нѣкоторые изъ насъ писаніемъ писемъ, передавая ихъ нѣмцамъ. Конечно, эти письма не дошли по адресу, а нѣмцы постарались изъ содержанія ихъ извлечь какія-нибудь, нужныя имъ данныя боевой обстановки на столь близкомъ фронтѣ, наше настроеніе и т. п. Всѣ эти письма попали не въ Россію, а въ нѣмецкую военную развѣдку.

Какъ теперь извѣстно, во главѣ этой развѣдки на фронтѣ у нѣмцевъ стоялъ знаменитый полковникъ W. Nicolai. Въ своемъ солидномъ трудѣ—книгѣ: «Тайныя силы. Международный шпіонажъ и борьба съ нимъ во время всемірной войны» онъ такъ отозвался о показаніяхъ допрашиваемыхъ имъ русскихъ плѣнныхъ:

«Русскіе солдаты (гл. V: русскій военный театръ): «Такъ какъ большинство ихъ были неграмотные, то, что они и знали, имѣло только мѣстное значеніе».

Русскіе офицеры: «русскіе офицеры оказались вѣрными своей присягѣ, Они были настоя-

щаго воинскаго воспитанія и совершенно отказывались отъ всякихъ показаній, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., командующій 2-й русской арміей Генер. Самсоновъ, при Танненбергѣ, не желая попасть въ плѣнъ, застрѣлился. Тѣмъ трагичнѣе та участь, которую русская революція уготовила русскимъ офицерамъ».

Неудивительно, что нѣмецкая военная развѣдка старалась всякими уловками, вродѣ вышеупомянутыхъ писемъ, въ первый моментъ нашего плѣна хоть что нибудь вывѣдать отъ русскихъ плѣнныхъ офицеровъ!

Мѣстные литовцы и поляки, узнавъ о заключеніи насъ, плѣнныхъ, въ костелѣ, стали подходить съ продуктами къ оградѣ костела, гдѣ мы гуляли, и, къ нашему счастью, нѣмцы не воспретили намъ покупать у нихъ хлѣбъ и даже молоко.

Такимъ образомъ, къ вечеру кое-какъ голодъ былъ утоленъ и, чисто физически, мы почувствовали себя лучше; на ночь даже раздобыли себѣ соломы для подстилки, и опять въ Храмѣ Божьемъ на полу уснули мы, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Утромъ 12 февраля повели насъ дальше.

Когда переходили границу, я, увидавъ столбы съ русскими и нѣмецкими гербами, подумалъ: «что-то насъ ждетъ въ Германіи?» и перекрестился... Обращеніе съ нами конвоя и, особенно, встрѣчавшихся жителей Восточной Пруссіи не предвѣщало ничего хорошаго: ругань, плевки, съ угрозой поднятые кулаки сопровождали насъ во всѣхъ нѣмецкихъ мѣстечкахъ.

Я, напримѣръ, какъ сейчасъ, вижу разъяренную толпу нѣмцевъ, посылающую намъ проклятья и, особенно, стоитъ въ моихъ глазахъ искаженное яростью лицо одного совершенно дряхлаго, лысаго старика, пытающагося слабой рукой бросить въ насъ камень... Возмущеніе мѣстныхъ жителей противъ русскихъ было понятно: только что возвратясь домой, послѣ

отступленія русской арміи изъ Восточной Пруссіи, многіе изъ нихъ нашли свои жилища разрушенными или сожженными послѣ упорныхъ боевъ въ теченіи почти полугодового нашего здѣсь пребыванія . . . .

Въ одномъ мѣстѣ, около Маркграбово, нѣмецкіе конвойные показали намъ на огромныя воронки въ землѣ отъ нашихъ тяжелыхъ снарядовъ, и мы, съ чувствомъ особаго удовлетворенія, констатировали, что воронки эти были не меньше воронокъ отъ нѣмецкихъ «чемодановъ».

14-го февраля, послѣ тяжелыхъ переходовъ, почти безъ пищи, посадили насъ, наконецъ, въ вагоны на ст. Маркграбово. Вагоны были 4-го класса, неотапливаемые и очень грязные. Было тѣсно, спали прямо на полу, скорчившись отъ холода. Чтобы пройти ночью въ уборную, приходилось перелѣзать черезъ спящихъ. Обращеніе конвойныхъ продолжало быть грубымъ, причемъ особенно часто любили они съ насмѣшкой повторять намъ: «Warschau kaput, Russland kaput!» На станціяхъ на вокзалы не выпускали, а запирали на замокъ наши вагоны. Мучительно было смотрѣть, какъ тамъ закусывали, а къ намъ никого не подпускали.

На одной большой станціи одному изъ насъ сдѣлалось дурно. Въ это время проходила по платформѣ нѣмецкая сестра милосердія съ графиномъ воды и стаканомъ; увидавъ ее, артил. полк. Магенъ крикнулъ ей черезъ окно по нѣмецки: «Сестрица, дайте больному напиться воды!». Но она злорадно отвѣтила: «Васъ въ Берлинѣ напоятъ!» и прошла, смѣясь, мимо. Наши конвойные тоже все время съ злорадствомъ говорили, что везутъ насъ на показъ въ ихъ столицу. Какъ велико было тогда ожесточеніе у нѣмцевъ!

Однако до Берлина мы не доѣхали, а свернули на югъ на Познань и Бреславль и, наконецъ, высадили насъ на станціи города Нейссе (Верхняя Силезія).

Нейссе—это крѣпость старой конструкціи.

16-го февраля, въ 8 ч. утра, т. е. на 8-й день плѣна, насъ привели со станціи въ одинъ изъ фортовъ крѣпости Нейссе, какъ мѣсто нашего жительства. Фортъ стараго типа, окруженный земляными валами и рвами съ водой. Прошли узкій мостъ черезъ ровъ..

Огромныя желѣзныя ворота, съ 2-мя часовыми у нихъ, раскрылись, мы вошли во внутренній дворъ форта, и ворота за нами съ визгомъ захлопнулись!... Еще слышенъ звукъ отъ двойного поворота ключа въ замкѣ, и я почувствовалъ, что мы отрѣзаны отъ внѣшняго міра, и наступаетъ жизнь въ плѣну!

II.

Плѣнъ.

ФОРТЪ № 3 NEISSE (16. II. — 15. IV.)

Наше самочувствіе. Нѣмецкая печать о бояхъ XX корпуса. Помѣщеніе, питаніе и распорядокъ на форту, прививки. Стихи. Мистицизмъ и подъемъ религіознаго чувства.

Вспоминая страшные, почти непрерывные, двѣнадцатидневные бои съ момента нашего выхода изъ окоповъ Ангерапской позиціи въ Восточн. Пруссіи (28. I—8. II) и, оглядываясь на пройденный 8-мидневный «путь въ плѣнъ» (8. II.—16. II.), я невольно поражался: откуда брались у насъ силы вынести страданія чисто физическія, какъ напр., голодъ, при полномъ изнуреніи, раненія, контузіи (почти безъ медицинской помощи) и т. п. и страданія нравственныя, какъ напр , чувство смертельной тоски, иногда прямо ужаса во время неравныхъ боевъ съ нѣмцами! Вѣдь, дѣйствительно, нѣмецкіе корпуса, преслѣдовавшіе нашъ XX-й корпусъ въ Августовск. лѣсахъ, похожи были на огромную свору собакъ, травившихъ волка.

Neisse — фортъ № 3.

(Къ стр. 26)

Какія чувства волновали меня, да, я думаю, и многихъ изъ насъ, въ тотъ моментъ, когда мы, наконецъ, предоставлены были самимъ себѣ, когда нѣмцы размѣстили насъ человѣкъ по 40 въ «Stub»ѣ съ каменными низкими сводами, дали каждому желѣзную кровать съ соломеннымъ тюфякомъ, подушкой и одѣяломъ и сами удалились?

Первое чувство было, конечно, чувство благодарности Всемогущему Богу за то, что «я остался живъ» и, сравнительно здоровъ, когда столько офицеровъ и солдатъ убито, или—еще хуже—тяжело раненые, сейчасъ въ страшныхъ мукахъ, умираютъ на полѣ боя!

Далѣе, хотя чувство позора и стыда плѣна ни на минуту не покидало меня, но къ этому чувству примѣшивалось сознаніе исполненнаго воинскаго долга передъ Родиной; при этомъ утѣшительно вспоминались слова нѣмецкаго генерала въ первый моментъ плѣна: «все, возможное въ человѣческихъ рукахъ, вы, господа, сдѣлали» . . . .

Во время пребыванія на форту, въ первые же дни, нашъ симпатичный переводчикъ принесъ намъ газету «Local Anzeiger» (Berlin) со статьей нѣм. корреспондента ротмистра Штильке объ отступленіи XX-го русскаго корпуса. Вотъ она:

«Непріятель былъ отброшенъ на Августово—Сувалки и, подъ прикрытіемъ громаднаго лѣса восточнѣе этихъ городовъ, пытался уйти подъ защиту Гродненской крѣпости.

Нашему отряду выпала задача отрѣзать противнику путь отступленія. Для этого надо было скорымъ маршемъ зайти впередъ и помѣшать его выходу изъ лѣсовъ, пока не подойдутъ другія дивизіи и кольцо корпусовъ не сомкнется вокругъ XX-го корпуса. Дорога шла черезъ безконечные лѣса, по замерзшимъ озерамъ, на Сейны — Копціево, гдѣ мы свернули на югъ и пошли на Сапоцкинъ. Все время погода была

противъ насъ. Наступила оттепель, и пѣхота еле двигалась. Чтобы быстрѣй занять важный пунктъ Сопоцкинъ, туда было отправлено нѣсколько сотъ пѣхоты на подводахъ (!), и уже, въ ночь со 2-го на 3-ье февраля, Сопоцкинъ былъ нами занятъ. Здѣсь у русскихъ былъ собранъ обозъ почти цѣлаго корпуса, который попалъ цѣликомъ въ наши руки. Утромъ представилась картина: сотни телѣгъ, повозокъ, зарядныхъ ящиковъ и т. п., сотни лошадей путались въ постромкахъ, ревущій рогатый скотъ и трупы убитыхъ защитниковъ обоза...

Наконецъ, наступилъ день 3-го февраля, полный напряженнаго состоянія и опасеній. Въ тылу мы имѣли укрѣпленную Олиту, противъ которой дѣйствовала только одна кавалерійская дивизія. Впереди—большая Гродненская крѣпость. На нашъ правый флангъ двигались передовыя части двухъ корпусовъ (?). Наша дивизія была одна на большое пространство. Другія дивизіи, которыя должны были быть правѣе насъ, еще не подошли. Каждый моментъ насъ могли обнаружить и уничтожить. Тогда начальникъ отряда отважился продвинуться передовой бригадой черезъ Глынку на Липскъ, чтобы задержать отступленіе непріятеля на шоссе Августово—Липскъ. Мы заняли Липскъ и захватили много обоза, но тутъ пришло извѣстіе, что противникъ прорвалъ сосѣднюю дивизію и двигается намъ въ тылъ и флангъ.

Чуть не плача, начальникъ отряда приказалъ главнымъ силамъ отступить назадъ, но оставилъ здѣсь на мѣстѣ посты съ пулеметами, такъ что непріятель не отважился итти по шоссе Гродно — Августово, а пошелъ на югъ.

Въ этотъ же день русская 27-ая дивизія*)

*) Нашъ 106 и 108 полки. Примѣч. автора

неожиданно напала на нашу 42-ю дивизію, которая только наканунѣ подошла къ дер. Махарце. Дивизія эта сильно пострадала, потерявъ въ бою около 5 тыс. убитыми и ранеными. Болѣе 1600 солдатъ, 8 офицеровъ, съ командиромъ полка, знамя, двѣ батареи и 6 пулеметовъ достались русскимъ, какъ трофеи. Между тѣмъ, русскіе навели понтонный мостъ черезъ рѣку Нѣманъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, такъ что каждый моментъ нужно было ожидать удара и оттуда.

Къ намъ подошла бригада кавалеріи. Непріятель вездѣ окопался въ лѣсу, и она мало могла помочь; но 6-го февраля подошла къ намъ новая пѣхотная дивизія, которая совершенно замкнула кольцо и немного разгрузила нашу дивизію. Еще 5-го февраля русскіе дѣлали упорную попытку прорвать наше кольцо, а 6-го февраля противникъ энергично пытался прорваться значительными силами, ведя атаки густыми колоннами на деревню Богатыри, чтобы пробиться на Гродно, но и эта попытка разбилась о мужество нашей пѣхоты и огонь артиллеріи, которая съ разстоянія нѣсколькихъ сотъ метровъ вырывала цѣлые ряды въ густыхъ колоннахъ атакующихъ. Это была послѣдняя героическая попытка Генерала Булгакова спасти свой корпусъ.

Чтобы спасти другіе корпуса Х-й арміи, русскіе упорно и успѣшно оказывали сопротивленіе въ раіонѣ Лыка, гдѣ они заняли проходы между озерами, лучшими сибирскими войсками, которыя вполнѣ выполнили свою задачу, несмотря на то, что нѣмцы, во что бы то ни стало, старались прорвать линію храбрыхъ сибиряковъ еще и потому, что въ этомъ раіонѣ нашими войсками командовалъ самъ Кайзеръ; однако сибиряки не только сдерживали здѣсь нѣмцевъ, но мѣстами сами переходили въ контръ-наступленіе и только 1-го февраля очистили Лыкъ, медленно отходя на юго-востокъ».

Упоминаніемъ въ этой статьѣ именно нашей 27-й дивизіи (это были нашъ 106-й и 108-й полки) нѣмцы при-

знавали и сами подтверждали геройскія дѣйствія Уфимцевъ въ славномъ бою подъ Махарцами.

Помню, какъ мы старались достать номера нѣмецких газетъ, гдѣ были эти описанія послѣднихъ боевъ нашего XX-го корпуса (Schlesische Volkszeitung 1915—II—12; Local Anzeiger 1915—III—10, Berlin. и друг.).

Съ какимъ захватывающимъ интересомъ и волненіемъ мы, плѣнные, слушали эти статьи при переводѣ ихъ на русскій языкъ! Итакъ, враги отдавали намъ должное! Значитъ, рано или поздно дойдетъ это до свѣдѣнія нашей Родины и мы, несмотря на то, что попали въ плѣнъ, можемъ вернуться домой со спокойной совѣстью. . . . .

Нѣмцы размѣстили насъ на форту очень тѣсно Каждая «Stub'a» представляла изъ себя сплошную пальню съ 2-хъ ярусными, какъ въ вагонѣ, желѣзными кроватями; при этомъ, какъ и всѣ крѣпостныя постройки, комнаты были безъ оконъ, тусклый свѣтъ днемъ попадалъ только изъ окошка въ дверяхъ; поэтому все время горѣло электричество, сильно ослабляя наше зрѣніе. Нѣкоторые офицеры, непрерывно годами жившіе въ плѣну на этихъ фортахъ, почти потеряли свое зрѣніе.

Кормили насъ очень плохо, несмотря на то, что еще тогда въ Германіи недостатка въ продовольствіи не было. Кушанья были безъ жировъ; хлѣба, правда, хорошо выпеченнаго и вкуснаго, давали очень мало; между тѣмъ мы, за время боевъ и путешествія въ плѣнъ, сильно изголодались и отощали.

Вспоминается одно праздничное меню (по случаю какого-то табельнаго дня): на первое блюдо сладкій супъ (безъ мяса), а на второе — компотъ съ фіалками и подснѣжниками! Какъ мы злились и смѣялись тогда надъ этимъ меню! Многіе изъ насъ не стали ѣсть фіалокъ и подснѣжниковъ и, вѣроятно, нѣмцы посчитали насъ за некультурныхъ «азіатовъ—варваровъ», какъ

они часто въ печати тогда называли насъ... Но, вѣдь, мы, варвары, привыкли съ умиленіемъ смотрѣть на фіалку и подснѣжникъ! Это — чудо природы, это — первая улыбка весны! Я невольно вспомнилъ тогда дивные стихи Майкова:

«Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ—цвѣтокъ,
А подлѣ сквозистый
Послѣдній снѣжокъ.
Послѣднія слезы
О горѣ быломъ
И первыя грезы
О счастьи иномъ. . . . . .»

Вотъ что напоминалъ намъ этотъ цвѣтокъ, а намъ предлагаютъ эту прелесть . . . . . съѣсть!

Все время мы чувствовали голодъ и на этой почвѣ иногда выходили некрасивыя унизительныя сцены, напр., при раздачѣ неодинаковыхъ порцій. Нѣкоторые офицеры, чтобы не чувствовать мукъ голода, умудрялись почти все время лежать на постели и спать. Счастливѣе другихъ оказались тѣ немногіе офицеры, которые имѣли съ собой деньги; они могли покупать въ маленькой солдатской «кантинѣ» — «земмель» изъ полубѣлой муки, пряники, подозрительную колбасу и очень жидкое пиво.

Въ первые же дни плѣна нѣмцы заставили насъ обмѣнять, по ихъ курсу, русскія настоящія деньги на нѣмецкія боны, специально отпечатанныя для плѣнныхъ. Настоящихъ денегъ плѣннымъ имѣть не разрѣшалось, чтобы не могли они безъ разрѣшенія что либо покупать у населенія или кого нибудь подкупить съ цѣлью побѣга и т. п. Согласно международному праву, нѣмцы выплачивали намъ $^{1}/_{3}$ нашего основного въ Россіи жалованья, причемъ изъ этихъ денегъ еще удерживали по своему разсчету деньги за наше продовольствіе.

Каждое утро мы должны были въ 7 ч. вста-

вать и, не смотря ни на какую погоду, выходить умываться на дворѣ. Конечно, это вызывалось тѣснотой помѣщенія и отсутствіемъ удобствъ на форту старинной крѣпости. Послѣ утренняго, чуть-чуть подслащеннаго сахариномъ жидкаго кофе съ чернымъ хлѣбомъ, мы выстраивались на дворѣ для длительной повѣрки. Являлся изъ города комендантъ форта, лейтенантъ (резервный офицеръ); фельдфебель по списку выкликалъ по чинамъ и фамиліямъ плѣнныхъ офицеровъ, смѣшно коверкая наши фамиліи (напр., Полковникъ Соловьевъ — Оберстъ Золóвьевъ, Шт.-кап. Цихоцкій — «Оберъ Лейтенантъ Чихоцкенъ» и т. п.; читался приказъ и разные законы и правила для военно-плѣнныхъ.

Послѣ обѣда производилась, такимъ же порядкомъ, вторая повѣрка. Когда я стоялъ на этихъ повѣркахъ, то мнѣ казалось, что я опять превратился въ юнкера.

Повторяю, нѣмцы уже тогда (1915 г.) кормили насъ плохо, но зато очень заботились о нашей гигіенѣ. Съ первыхъ же дней плѣна, къ намъ на фортъ по утрамъ являлся очень строгій военный врачъ, съ совершенно офицерской выправкой и, при помощи двухъ фельдшеровъ, дѣлалъ намъ всевозможные предохранительные уколы — прививки отъ разныхъ болѣзней, вродѣ холеры, и даже отъ чумы! Такихъ прививокъ надъ нами было произведено до 10, и все это подъ рядъ, одна за другой, во славу науки! Отъ нѣкоторыхъ прививокъ у насъ повышалась температура; никакія просьбы подождать со слѣдующей прививкой, пока не упадетъ температура, — не помогали!

Строгій врачъ былъ неумолимъ, и одинъ плѣнный полковой священникъ, боявшійся этихъ уколовъ, приведенъ былъ однажды для прививки даже силою! Въ распоряженіи врача для этой цѣли постоянно находились конвойные солдаты.

Для прогулокъ и, чтобы дать глазамъ, утомлен-

нымъ отъ постояннаго электрическаго освѣщенія въ Stubʼахъ отдыхъ, мы выходили на маленькій узкій дворикъ внутри форта.

Здѣсь близкіе валы, еще покрытые снѣгомъ, закрывали видъ на окрестности. Кромѣ того, на валу постоянно торчалъ часовой, отъ взоровъ котораго некуда было скрыться.

Скоро на нашемъ форту Nr. 3-й, среди плѣнныхъ офицеровъ, проявился поэтъ. Вотъ какъ онъ описалъ въ своихъ стихахъ «Въ плѣну» (Нейссе) нашу жизнь (иллюстраціи его же). — Даю отрывки.

«Въ плѣну»

(Картинки съ натуры)

Глава I.

Давно подъ грезами Морфея
Уснулъ весь міръ, объятый сномъ.
Затихла шумная аллея;
Не видно свѣта изъ оконъ.
Солдатъ, стоявшій у забора,
На лагерь сонный поглядѣлъ
И сну не въ силахъ дать отпора,
Слегка зѣвнулъ и захрапѣлъ.
Давно въ баракахъ ужъ молчанье,
Огни вездѣ потушены,
И штубы третьей гоготанье
Не нарушаетъ тишины.
Уснулъ Вишнюткинъ утомленный
Трехдневной карточной игрой,
Прикрывъ бумагой разграфленной
Остатки хлѣба съ колбасой.
Храпитъ «Золовьевъ» бородатый,
Уткнувшись «дындалой» въ блиндажъ;

Торчитъ затылокъ волосатый,
И сонъ его сплошной миражъ.
Не слышно шумныхъ разговоровъ,
«Махарце» слова не слыхать,
За цѣлый день, уставъ отъ споровъ,
Спѣшатъ всѣ ночью отдыхать.

Вздохнувъ предъ сномъ протяжно—тяжко
И руки на груди скрестивъ,
Уснулъ нашъ цензоръ утомленный,
За винтъ пять марокъ уплативъ.
Подъ гнетомъ тяжкихъ сновидѣній,
Поймавъ предъ сномъ большую
Храпитъ потомокъ лангобардовъ
И бредитъ, слышно, слово «рожь».
Нервозно почесавъ затылокъ,
Уснулъ нашъ ктиторъ капитанъ
Надъ Нейссе полное молчанье
И въ самомъ Нейссе тишина.

. . . .

Вотъ такъ тянулись дни, недѣли.
Ужъ показалася трава.
. . . .
Что мы въ плѣну у нѣмцевъ ѣли,
Другая передастъ глава.

Глава IV.

Отвратительно въ плѣну, нечѣмъ заниматься!
Очертѣло цѣлый день по двору шататься.
Слышать крики «Halt» и «Loss» всѣмъ надоѣдаетъ,
А бороться противъ нихъ силы не хватаетъ.
Сходишь въ абортъ раза два, да зайдешь въ кантину,
Вотъ и кончены дѣла, не поддаться-бъ сплину?!
Утромъ кофе принесутъ, поглядишь — помои,
«Etwas» хлѣба подадутъ, лишь вздохнешь съ тоскою!
Въ девять станутъ провѣрять, восемь разъ считаютъ,
Разъ пятнадцать переврутъ, держатъ — не пускаютъ.
Молча слушаешь мораль, массу наставленій,
Какъ держать себя въ плѣну безъ одушевленій!
Въ часъ плетешься на обѣдъ, лопаешь помои,
Заѣдаешь огурцомъ и бредешь въ покои.

Если хлѣба не даютъ, покупаешь «земмель»,
Чтобъ утѣшиться, прочтешь, какъ вступали въ Мемель.

Слово «ужинъ»—звукъ пустой, громкое названье,
И въ желудкѣ отъ него вѣчное урчанье!
Вынешь молча кошелекъ—пусто въ немъ, не диво!
Съ сожалѣніемъ вздохнешь: не пошлешь за пивомъ!
Конченъ день, настала ночь; я лежу, мечтаю:
Будетъ завтра хлѣбъ иль нѣтъ? пальцами гадаю.
Безъ просвѣта день за днемъ тянется, проходитъ,
Но желудокъ пополненья такъ и не находитъ!

. . . .

Глава VII.

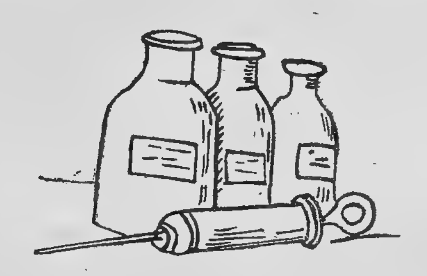
Когда имѣешь капиталъ, то скрасить жизнь всегда съумѣешь,
И, какъ бы низко ты ни палъ, навѣрно, рѣдко пожалѣешь.
Такъ нѣкто молча разсуждалъ и про себя порой мечталъ,
Досугу время посвящая, богатыхъ вѣчно осуждая...
День ожиданія утѣхъ въ немъ вызывалъ короткій смѣхъ.
Скажу короче безъ прикрасъ: день этотъ былъ лишь въ мѣсяцъ разъ.
Въ тотъ день нѣмецкій казначей, онъ былъ бездѣльникомъ, ей-ей,
На дворъ къ намъ въ крѣпость приходилъ и плѣнныхъ марками дарилъ.
Смѣшно сказать, подумать трудно, а часто приходилось нудно,
И плѣнникъ съ болью и тоской, порою забывалъ покой...
Чтобъ получить 15 марокъ, такъ легче вытерпѣть 100 палокъ!
Я полагаю—казначей, навѣрно, раньше пасъ свиней.
Построивъ насъ, онъ долго ходитъ, на пальцахъ сдѣлаетъ разсчетъ

Финансы давъ, съ тоской сердечной, поправивъ на рукѣ кольцо,
Домой уходитъ онъ безпечно, съ улыбкой глупой на лицѣ.
Насъ распускаютъ по баракамъ, за «пипифаксъ» кой-что возьмутъ,
Но одѣляютъ только бракомъ и то лишь въ сутки разъ дадутъ.
Бракъ этотъ старыя газеты и ихъ англійскими зовутъ.
Въ нихъ спеціально для «клозета» нѣмецкій вздоръ писать даютъ.

. . . .

Глава VIII.

Нѣмецкій врачъ — большой педантъ, на сапогахъ онъ носитъ рантъ,
Хоть медицины и не знаетъ, однако важность напускаетъ;
А для острастки многихъ лицъ, онъ при себѣ имѣетъ шприцъ.

Прививка требуетъ сноровки и долгодневной подготовки;
И кто сему не обученъ, тотъ въ медицинѣ не силенъ.
Но врачъ апломбомъ обладалъ и знанье этимъ замѣнялъ.
Къ тому же былъ всегда готовъ онъ къ дѣлу перейти отъ словъ.

Кто подвергался добровольно и истязанье принималъ,
Тому нѣмецкій «Arzt» спокойно бурду какую то впускалъ.
Упрямыхъ силой приводили; для этой цѣли былъ конвой.
По одиночкѣ ихъ вводили, и врачъ былъ неизмѣнно злой.
. . . .

Глава IX.

Чтобъ жить въ плѣну слегка прилично, держи себя во всемъ отлично,
Властямъ нѣмецкимъ угождай и ихъ отмѣнно почитай.
Воздай фельдфебелю почетъ, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ
Лишь коменданту отдаетъ, тебя-жъ за пѣшку признаетъ.
Въ семьѣ всегда не безъ урода, либералисты нынче въ модѣ,
Ни съ чѣмъ считаться не желаютъ и ихъ слова не убѣждаютъ...
Для нихъ воздѣйствій цѣлый рядъ тѣ, кто солиднѣй, сочинятъ.
Одинъ изъ старшихъ такъ рѣшилъ, обдумалъ все и заявилъ.
Недолго строился фундаментъ, украшенъ каждый аппартаментъ.
Таблицей правилъ и угрозъ, но эти правила—«наркозъ».
Они на время возбуждаютъ, но никого не убѣждаютъ;
И къ нимъ давно любовный пылъ въ душахъ измученныхъ остылъ.
. . . .

Заключеніе.

Я написалъ совсѣмъ немного и могъ бы больше написать,

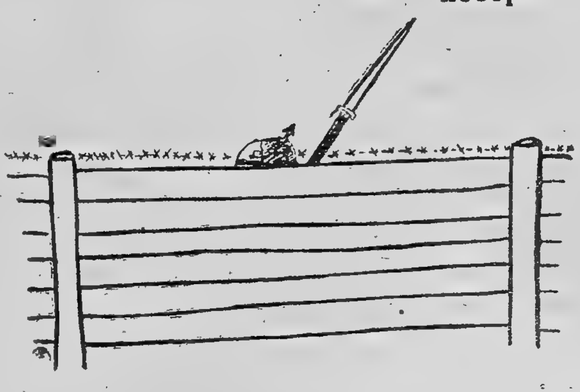
Боюсь задѣть въ стихахъ иного, а также лишнее сказать.

Друзья! примите эту сказку безъ лишней злобы на меня

И не сердитесь за прикраску: мы всѣ здѣсь тѣсная семья.

Не обижать я собирался, хотѣлъ лишь скрасить вашъ досугъ,

Чтобъ легче плѣнъ всѣмъ показался среди, порой, позорныхъ мукъ.

Эти стихи «доморощеннаго поэта, какъ нельзя лучше характеризируютъ наши первые дни въ плѣну съ точки зрѣнія веселаго, молодого офицера. Написалъ онъ ихъ съ цѣлью «скрасить нашъ досугъ, чтобы легче плѣнъ намъ показался среди порой позорныхъ мукъ» и, конечно, цѣли онъ достигъ: стихи его пріобрѣтались нами на расхватъ!

Часто по вечерамъ въ 10 ч., когда по приказу коменданта всѣ должны были лежать въ своихъ кроватяхъ, а спать еще не хотѣлось, этотъ же «поэтъ» развлекалъ насъ своими смѣшными анекдотами. Правда, на анекдоты мы переходили уже послѣ серьезныхъ разсказовъ о пережитомъ на войнѣ. Боевые эпизоды, особенно изъ послѣдней страшной эпопеи XX-го кор-

пуса, разные необыкновенные случаи на войнѣ, служили неистощимой темой для разсказовъ.

Особенно интересны были разговоры на тему о фатализмѣ. Такъ, Саратовцы вспомнили случай на войнѣ съ подполк. ихъ полка Янчисомъ (литовецъ). Это былъ доблестный командиръ баталіона, отличившійся въ Гумбиненскомъ бою, одинъ изъ первыхъ иниціаторовъ глубокихъ налетовъ въ тылу нѣмцевъ.

Во время окопной войны на Ангерапѣ (Вост. Пруссія), 12-го ноября нѣмецкая артиллерія особенно сильно обстрѣливала расположеніе баталіона подполк. Янчиса. Самъ командиръ б—на съ командой телефонистовъ и солдатами для связи помѣщался не въ окопахъ, а въ полуразрушенномъ домѣ на 2-мъ этажѣ, откуда удобнѣе было наблюдать за позиціей нѣмцевъ; домъ расположенъ былъ непосредственно за окопами ротъ и вотъ—артиллерійскій снарядъ влетаетъ въ окно дома, разбиваетъ телефонный аппаратъ и походную кровать подп. Янчиса и убиваетъ двухъ телефонистовъ.... Подп. Янчисъ, писавшій въ этотъ моментъ въ той же комнатѣ донесеніе, остался невредимъ. Другой на его мѣстѣ сейчасъ же оставилъ бы это помѣщеніе и перебрался бы внизъ въ баталіонный окопъ, что вырытъ около дома. Но Янчисъ—фаталистъ, глубоко вѣритъ: «что судьбой предназначено—неизбѣжно» и остается со своимъ штабомъ въ той же комнатѣ на 2-мъ этажѣ и... только поставилъ новый телефонный аппаратъ да приказалъ починить свою разбитую койку и зашелевать окно. И, дѣйствительно: нѣмцы послѣ этого случая въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца до 10-го декабря, когда наша дивизія была снята съ позиціи, ежедневно обстрѣливали участокъ подп. Янчиса; снаряды ложились и рвались совершенно близко, попадая въ самый окопъ штаба б-на, но ни одинъ снарядъ не попалъ въ домъ, гдѣ попрежнему находился подп. Янчисъ!

Вспомнили мы и другой случай. Былъ въ нашемъ полку подпор. Ш., который съ самаго начала войны все время до славнаго боя подъ Махарце, т. е. въ теченіе почти полгода, пребывалъ въ тылу на нештатной должности помощника командира нестроевой роты. Недовольство этимъ офицеромъ было большое, особенно ввидутой громадной убыли въ бояхъ убитыхъ или раненыхъ строевыхъ офицеровъ; уже появились на замѣну ихъ «прапорщики запаса» и прапорщики изъ фельдфебелей, произведенные за боевыя отличія, а подпор. Ш., благодаря протекціи завѣдующаго хозяйствомъ, продолжалъ сидѣть въ обозѣ. Наконецъ, обратилъ на это вниманіе командиръ полка и подпор. Ш. возвратился изъ обоза въ свою роту уже при отходѣ нашемъ съ Ангерапа. И что же? Въ первомъ же бою 3-го февраля подъ Махарцами онъ былъ убитъ!

Между прочимъ, нѣкоторые изъ насъ теперь вспомнили, какое необыкновенно удрученное выраженіе лица было у него утромъ до боя, въ день его смерти, буквально за нѣсколько часовъ. На лицѣ его была видна «печать смерти», та обреченность, о которой упоминаетъ въ своемъ «Героѣ нашего времени» Лермонтовъ—тоже фаталистъ.

Вспоминали мы и чудесное явленіе Креста на небѣ передъ гибелью XX-го корпуса и многое другое таинственное и непонятное...

Да, въ полумракѣ нашей Stub'ы, при тускломъ свѣтѣ маленькой электрической лампочки, лежа, по приказу нѣмцевъ, въ постеляхъ, въ задушевныхъ серьезныхъ разговорахъ дѣлились мы еще не такъ давно пережитыми впечатлѣніями боевъ; потомъ постепенно переходили къ легкимъ разговорамъ и всегда заканчивали анекдотами подъ громкій хохотъ всей Stub'ы, пока не приходилъ въ комнату, для повѣрки, ночной обходъ — начальникъ караула съ 2-мя солдатами и дежурнымъ фельдфебелемъ. Всѣ, словно на позиціи, въ

походномъ снаряженіи и въ каскахъ. Мгновенно у насъ водворялась тишина...

Громко стучатъ по каменному полу подкованные гвоздями сапоги нашихъ «охранителей,» рѣзко свѣтитъ лучъ ручного электрическаго фонарика по нашимъ лицамъ и слышится громкій шопотъ: «eins, zwei, drei»!.. Этотъ обходъ совершался часовъ въ $11^{1}/_{2}$ и всегда производилъ на меня удручающее впечатлѣніе. Послѣ ухода нѣмцевъ нѣкоторые неугомонные весельчаки еще пытаются разсказывать анекдоты, но уже публика утомлена, раздаются протесты и, наконецъ, сонъ смежаетъ наши очи.

Утромъ опять умываніе на дворѣ при падающемъ позднемъ снѣгѣ, опять повѣрка и чтеніе правилъ, какъ держать себя въ плѣну. . . Настроеніе подавленное. Особенно грустно было не имѣть никакихъ извѣстій съ Родины. Нѣмецкія правила разрѣшали военно-плѣннымъ писать по 2 открытки и 1 закрытому письму въ мѣсяцъ, что мы аккуратно исполняли, но у насъ не было увѣренности, что эти письма доходятъ.

Съ момента плѣна особенно усилилась тоска по Родинѣ. Что тамъ о насъ думаютъ? Не осуждаютъ ли насъ? Скоро ли тамъ станетъ извѣстна страшная героически-трагическая эпопея XX-го корпуса, который въ теченіе 12-ти дней и ночей, почти непрерывно отбивался отъ многочисленнаго сильнѣйшаго противника, постепенно истекая кровью, и въ то-же время наносилъ врагу огромныя потери?

Какъ должны волноваться и страдать за насъ наши близкіе, родные, не получая отъ насъ такъ долго (больше мѣсяца) никакихъ извѣстій!

Всѣ эти мысли не давали намъ покоя. Какъ разъ въ это тяжелое время, когда скорбная душа искала утѣшенія и требовала духовной пищи, наступила Страстная Седмица Великаго Поста. Въ плѣну на форту съ нами оказались два полковыхъ священника. У одного

изъ нихъ были запасные Святые Дары для причащенія умирающихъ и Святой Антиминсъ, что полагается на Престолъ для совершенія Обѣдни. Явилась мысль устроить Богослуженіе. Наша Stub'а, узнавъ отъ Уфимцевъ, что я въ своемъ полку исполнялъ должность церковнаго ктитора, выбрала меня ктиторомъ.

Въ нашемъ «склепѣ», въ проходѣ между двумя комнатами, была широкая арка, здѣсь то и устроили мы импровизированную часовенку. Послѣ длинныхъ переговоровъ съ нѣмцами, на собраныя по подпискѣ деньги, удалось мнѣ черезъ переводчика купить въ гор. Нейссе 3 картины: «Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ», «Богоматери со Св. Младенцемъ» и «Моленіе о Чашѣ» и къ нимъ 3 лампадки. Эти священныя изображенія повѣсилъ я на стѣнахъ арки; здѣсь же нѣкоторые изъ насъ укрѣпили свои маленькіе образочки — «благословенія» на войну нашихъ отцовъ, матерей, женъ, или, просто, свои натѣльные крестики. Черезъ переводчика же купилъ я 100 парафиновыхъ свѣчей, восковыхъ не достали. Командиръ 211-го Никольск. полка полков. Шебурановъ самъ сколотилъ изъ новыхъ досокъ жертвенникъ для Богослуженія и Запрестольный Крестъ. Нашлись офицеры, которые сшили изъ сатина и серебрянаго позумента и облаченіе — ризу для батюшки.

И вотъ, въ Великій Четвергъ, вечеромъ, когда зажгли священный огонекъ въ лампадкахъ передъ иконами, и всѣ офицеры встали съ зажженными въ рукахъ свѣчами слушать чтеніе 12-ти Евангелій о Страстяхъ Господнихъ, когда импровизированный хоръ офицеровъ стройно запѣлъ: «Слава долготерпѣнію Твоему, Господи», умиленію и слезамъ нашимъ не было конца . . .

Висящіе на стѣнахъ арки - часовни шейные крестики и образочки — благословеніе родныхъ, напоминали намъ о Небесной помощи, благодаря которой мы избѣжали смерти . . . Вотъ, виситъ и моя иконочка

Казанской Божіей Матери, съ которой я никогда въ бояхъ не разставался, и передъ моимъ мысленнымъ взоромъ ярко встали страшные моменты боевъ!

Вотъ 1-ый бой — Сталлупененъ, гдѣ я, идя въ атаку и мысленно простясь съ жизнью, изступленно молился Богу . . .

Вотъ, не менѣе страшный, но побѣдный Гумбиненскій бой, давшій намъ во Франціи названіе «спасителей Парижа» . . .

Вотъ бой за Алленбургскій мостъ. Какъ горячо молился я въ ту ночь передъ этимъ образочкомъ Казанской Божіей Матери, и Она тогда покрыла насъ своимъ Святымъ Покровомъ! Безъ Ея Небесной помощи развѣ смогла бы одна рота съ батареей задержать на сутки и не пустить на мостъ цѣлый полкъ съ тяжелой артиллеріей?!

Ночная атака у Капсодзе . . .

Бой у Герритена . . .

Вездѣ эта иконочка была со мной, на моей груди.

Бой у Скроблиненской рощи на рѣкѣ Віекъ . . . Я вспомнилъ, какъ въ моемъ окопѣ все тогда сгорѣло, кромѣ этого образочка Царицы Небесной . . . Онъ тогда только потемнѣлъ отъ огня, и я сейчасъ невольно пристально смотрю на него, и съ умиленіемъ ясно вижу эту черноту отъ ожога на ризѣ Божіей Матери! . . Со слезами молилъ я тогда Ея заступленія передъ страшнымъ неравнымъ боемъ, гдѣ 2 роты (моя и 9-ая) могли быть отрѣзанными отъ полка и погибнуть! И Она заступилась!

Дальше. . . Крестный путь и «голгофа» XX-го корпуса. . . Недаромъ передъ этимъ мы видѣли таинственный Крестъ на небѣ! . .

Вотъ страшная картина послѣ побѣднаго боя у Махарце 3-го февр.: все шоссе у озера Сервы и обѣ опушки лѣса покрыты были трупами и, казалось, самый воздухъ плакалъ и ревѣлъ отъ тѣхъ стоновъ и воя

раненыхъ и умирающихъ, что неслись тогда къ Небу изъ лѣса и изо всѣхъ хатъ дер. Сервски Лясъ!!

Бѣдный Шаломицкій, въ какихъ страшныхъ мукахъ умиралъ онъ тогда въ хатѣ съ пробитымъ пулею нѣмецкаго офицера черепомъ!

Вотъ послѣдній страшный бой у Волкуше, бой превратившійся въ «бойню»!

Быстро, какъ тѣни, мелькаютъ въ моей памяти убитые въ бояхъ наши герои — уфимцы во главѣ съ доблестнымъ командиромъ Полк. Отрыганьевымъ: «Мишель» Поповъ, Коля Нечаевъ, Подполк. Красиковъ, Кап. Епикацеро, мой другъ Митя Трипецкій, Кап. Пузиновскій, Шт. Кап. Куницкій, молодые офицеры: Буровъ и Сквиренко, несчастный Капит. Кемпинскій, Кап. Гарнышъ, Кап. Приходко и др. славные уфимцы — офицеры, на полѣ брани свою жизнь положившіе! А герои унт.-офицеры?! А незамѣтные герои — рядовые?! Сколько ихъ полегло въ кровавыхъ бояхъ!

Всѣ они теперь, какъ живые, встали передъ моимъ духовнымъ взоромъ, когда мы, оставшіеся въ живыхъ, встали на молитву, и началась всенощная...

Я, какъ сейчасъ, вижу эту трогательную въ плѣну картину: многихъ, и сѣдыхъ и юныхъ, плачущихъ офицеровъ, которые, какъ дѣти, не могли сдержать себя и всхлипывали, стоя со свѣчами у своихъ постелей. Это былъ незабываемый моментъ: наша скорбь о плѣнѣ и наша тоска по Родинѣ вылились въ этихъ слезахъ!

Но, вотъ, батюшка началъ читать 1-ое Евангеліе — предсмертная бесѣда Іисуса Христа съ Апостолами, и дивныя слова о любви и всепрощеніи успокаиваютъ взволнованную мою душу. Кромѣ того, знакомые мелодичные церковные напѣвы напоминали намъ о Родинѣ! Вѣдь, сейчасъ и тамъ наши близкіе, родные и друзья молятся Богу, слушая повѣствованіе о Страданіяхъ Спасителя.

На душѣ стало еще легче. . .

Когда, послѣ этой необыкновенной Всеношной, я вышелъ изъ нашего склепа на узкій крѣпостной дворикъ, была темная ночь. Я посмотрѣлъ на небо и невольно залюбовался яркими звѣздами! . . . Мнѣ вспомнились стихи поэта:

«Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды!
Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ!»

. . . .

Въ Великую Пятницу, опять вечеромъ, послѣ всенощвой, мы совершили крестный ходъ — («Погребеніе Христа») со Святой Плащаницей (Ее изображалъ Свят. Антиминсъ), около валовъ, внутри нашего форта. Хоръ офицеровъ стройно пѣлъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!»

Скорбный, величественный напѣвъ молитвенно звучалъ въ чуждой намъ обстановкѣ старой нѣмецкой крѣпости . . . Нѣмцы (администрація форта) смотрѣли теперь сь почтеніемъ на нашу процессію, а вѣдь какихъ трудовъ стоило нашему старшему на форту полковн- Пузанову уговорить коменданта, чтобы разрѣшилъ намъ этотъ крестный ходъ!

Вообще, послѣ всего перенесеннаго нами на войнѣ, гдѣ каждому изъ насъ смерть много разъ заглядывала въ очи, явился необыкновенный религіозный подъемъ! Многіе офицеры, до войны совершенно не вѣрующіе, или индиферентно относившіеся къ религіи, стали теперь вѣрующими.

Непередаваемо огромную радость въ эти дни доставило намъ извѣстіе о взятіи нашими войсками крѣпости. Перемышль. Въ нѣмецкихъ газетахъ говорилось объ этомъ вскользь, но мы знали, какое большое и политическое и стратегическое, значеніе имѣло паденіе этой крѣпости. Послѣ прочтенія телеграммы объ этой серьезной побѣдѣ, громкими криками «ура» мы выразили нашу радость. Настроеніе наше улучшалось.

Въ Великую Субботу утромъ пришло распоряже-

ніе нѣмецкихъ властей о переводѣ всей нашей группы изъ форта № 3 въ лагерь военноплѣнныхъ, въ гор. Нейссе.

Сборы были небольшіе. Каждый офицеръ собралъ свои пожитки, заключавшіеся въ подушкѣ и одѣялѣ, или лишней парѣ бѣлья и т. п. вещей, купленныхъ въ кантинѣ на форту, и мы небольшой группой, сопровождаемые конвоемъ, двинулись въ гор. Нейссе.

III.

Лагерь военно-плѣнныхъ Нейссе

(15/IV—1/VIII 1915 г.)

Бараки. Пасха. Русская печать о бояхъ XX корпуса Нѣмецкія манифестаціи. Побѣги. Репрессіи. Составъ плѣнныхъ офицеровъ. Переписка съ родными.

Нейссе — небольшой, но благоустроеный городъ съ асфальтированными улицами и площадями, съ красивыми домами и большими садами; освѣщается электричествомъ; расположенъ на рѣкѣ того-же названія.

На большой, пыльной площади этого города, около артиллерійскихъ каменныхъ казармъ, устроенъ былъ нѣмцами концентраціонный лагерь плѣнныхъ офицеровъ. Лагерь состоялъ изъ 12 досчатыхъ 2-хъ этажныхъ бараковъ — «коробокъ», съ плоскими изъ толя крышами. Кругомъ лагерь обнесенъ двумя деревянными заборами и колючей проволокой. У заборовъ снаружи и внутри часовые.

Эти легкіе, дачной постройки, бараки лѣтомъ отъ солнца накаливались, такъ что иногда было трудно

дышать, а зимой совершенно не держали тепла. Быть можетъ, нѣмцы построили такіе холодные бараки, разсчитывая на скорое окончаніе войны, но я знаю, что многіе плѣнные офицеры прожили въ нихъ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ.

При входѣ въ лагерь, небольшое 2-хъ этажное каменное зданіе — «кантина», гдѣ продавались табакъ, папиросы и очень скверное пиво.

Въ Великую Субботу, какъ только мы прибыли въ новый лагерь и размѣстились по баракамъ, мы сейчасъ же занялись устройствомъ церкви, чтобы отпраздновать наступающее Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Для Богослуженія всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій (въ данномъ случаѣ православнаго, католическаго и лютеранскаго), нѣмцы отвели намъ бывшій манежъ — конюшню.

Нами мобилизованы были всѣ наши художественныя, а, главное, «столярныя силы». Быстро поставленъ былъ въ этомъ манежѣ иконостасъ — ширмы, на которыя надѣли иконы, принесенныя нами съ 3-го форта; устроенъ алтарь, т. е. Престолъ и Жертвенникъ и Запрестольный Крестъ — работы все того же полк. Шебуранова; запрестольный Семисвѣчникъ и подъсвѣчники въ церкви — работы оружейнаго мастера Николаева.

Царскія Врата изображала голубая завѣса изъ матеріи съ вышитымъ на ней серебрянымъ Крестомъ.

Работа длилась цѣлый день, и къ вечеру храмъ былъ готовъ для празднованія самаго торжественнаго, «Праздника Праздниковъ» Св. Пасхи.

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ получить разрѣшеніе коменданта на ночное Богослуженіе. Въ 10 ч. веч. церковь — манежъ была уже полна народу: собрались всѣ плѣнные офицеры, не только русскіе, но и французы, бельгійцы и англичане; своего храма они еще не успѣли устроить.

Общій видъ лагеря воен-плѣн. въ г. Нейссе.

(Къ стр. 48)

Группа англійскихъ офицеровъ въ лагерѣ воен-плѣн. Нейссе.

(Къ стр. 57)

Когда зажгли лампадки и свѣчи и хоръ запѣлъ: «Христосъ Воскресе», святая пасхальная радость на мигъ затушила тупую боль отъ сознанія, что мы въ плѣну. Четыре плѣн. полковыхъ священника и хоръ офицеровъ совершили внутри храма-манежа крестный ходъ; нѣмцы не разрѣшили идти снаружи, хотя вокругъ зданія манежа были и заборы, и проволока, и часовые.

Въ лагерѣ Нейссе мы нашли ранѣе прибывшихъ сюда плѣнныхъ: французовъ, англичанъ, бельгійцевъ и русскихъ лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка офицеровъ (2-ой Самсоновской арміи). Завязалось знакомство, а у нѣкоторыхъ изъ насъ и дружба. Товарищи по несчастью, мы дѣлились нашими впечатлѣніями и разсказали о трагедіи Самсоновской арміи и нашего XX-го корпуса. Вообще, «несчастье сближаетъ людей», а обстановка плѣна создавала среди насъ истинныхъ друзей.

Среди разныхъ разсказовъ о послѣднихъ бояхъ XX-го корпуса, мнѣ пришлось узнать многое, чего раньше я не зналъ. Я только теперь услышалъ о геройскихъ дѣйствіяхъ арріергарда XX-го корпуса подъ командой доблестнаго начальника штаба нашей 27-й дивизіи Генер. Штаба полк. Дрейера. Офицеры этого арріергарда, попавшіе въ плѣнъ, разсказывали о многихъ героическихъ эпизодахъ боя, когда послѣднія войска XX-го корпуса дорого продавали свою жизнь и свободу.

Разсказы эти такъ были полны картинами изумительнаго геройства русской пѣхоты и артиллеріи, что я тогда съ нѣкоторымъ недовѣріемъ выслушивалъ ихъ, но, вотъ теперь, когда источники нѣмецкой и, особенно, русской военной литературы лежатъ передо мною (М. П. Каменскій. Гибель XX корпуса 8-21 февр. 1915 г., по архивнымъ матеріаламъ, собран. объ XX корп. въ Штабѣ X арміи. Госуд. Изд-во. Петербургъ. 1921 г.), я

упрекаю себя въ недовѣріи къ разсказамъ участниковъ этихъ боевъ.

Вотъ отрывки изслѣдованнаго уже матеріала слѣдств. комиссіи 1915 г. о всѣхъ обстоятельствахъ гибели XX-го корпуса:

«Послѣднія минуты XX-го корпуса достойны того, чтобы передъ памятью ихъ безмолвно и благоговѣйно склонить обнаженныя головы.

Военная исторія сохранила на своихъ страницахъ легенду о томъ, какъ доблестная гвардія Наполеона въ сраженіи у Ватерлло — Belle Alliance — славно закончила дни своего существованія. Спустя 100 лѣтъ, въ дни царственнаго могущества техники, этой легендѣ суждено было вновь зацвѣсть, чтобы заповѣдать потомкамъ погибшихъ въ Августовскихъ лѣсахъ вѣру въ неувядаемую красоту, въ силу и въ беззакатное торжество человѣческаго духа.

Дѣйствительно, корпусъ умиралъ, но не сдавался. Знамена закапывали, или уносили съ собой на груди полотнища, сорванныя съ древковъ. Командиръ корпуса стоялъ у переправы черезъ р. Волкушѣ у моста, постоянно возобновляемаго, вблизи фольварка Млынекъ и одобрялъ войска. Изрѣдка прокатывалось въ отвѣтъ ему громовое, дружное «ура».

Подъ огнемъ 30-ти германскихъ батарей, въ котлѣ смерти, не видно было ни поднятыхъ рукъ съ мольбой о пощадѣ, ни рѣянія бѣлыхъ платковъ съ выраженіемъ согласія на позорную капитуляцію! Взятые въ плѣнъ въ бою 3-го февр. у дер. Махарце, плѣнные нѣмцы, въ качествѣ трофеевъ, тщательно охранялись».

. . . . «Батареи, предоставленыя самимъ себѣ, дорогой цѣной продавали свою жизнь. Огонь «на картечь» косилъ сотнями въ набѣгавшихъ волнахъ германской пѣхоты. Отдѣльные непріятельскіе храбрецы доходили, иногда и добѣгали, до пушекъ, но, разстрѣливаемые въ упоръ, взлетали на воздухъ! Прислуга на

батареяхъ таяла, патроны изсякали, парки давно были пусты. Въ борьбѣ à outrance творились легенды.

До 12-ти час. дня артиллерія XX-го корпуса, выдѣленная въ арріергардъ, еще была грозой для германцевъ. Нѣкоторыя орудія отъ перегрѣва — взрывались, ящики пылали, но артиллерія продолжала отстрѣливаться.

Около 1 ч. дня еще дышавшія пушки замолкли навѣкъ...

Бой обратился въ бойню.

Окруженныя со всѣхъ сторонъ войска, распылившись на отдѣльныя группы, искали спасенія, отбросивъ всякую мысль о сдачѣ. Но кому удавалось прорвать густыя цѣпи германской пѣхоты, тотъ позади натыкался на непріятельскую конницу, сторожившую бѣглецовъ. Здѣсь происходили сцены борьбы не на жизнь, а на смерть. Войска корпуса дорого продавали свою жизнь и свободу».

. . . . . . «Сохранились имена многихъ офицеровъ и солдатъ, прорвавшихъ кольцо германскаго окруженія и счастливо завершившихъ свою «одиссею»: Начальникъ арріергарда полков. Дрейеръ, старш. адъют. штаба 27-й п. дивизіи капит. Шафаловичъ, командиръ 108-го п. Сарат. полка полк. Бѣлолипецкій, пор. Фищенко, шт.кап. 27-й арт. бриг. Шаповальниковъ, адъют. 2-го дивизіона 27-й арт. бриг. пор. Островскій 113-го Старор. п.-ка подпор. Юшкевичъ, сотникъ 34-го Донск. каз. полка Быкадоровъ, генер. шт. кап. Махровъ, 29-й Арт. бриг. мл. фейерв. Рейнгардъ, 27-й арт. бриг. канон. Воробей, 114-го Новоторж. п-ка солдаты: Давыдовъ, Панигоровъ, Котельничъ, Чекалаевъ, Кондратьевъ, 4-го Сибирск. казач. п-ка: Кучма и мн. др.».

Какъ мы завидовали тѣмъ счастливцамъ офицерамъ и солдатамъ, которымъ удалось тогда спастись отъ плѣна, но, вѣдь, это было исключительно трудно! Напримѣръ, самъ начальникъ арріергарда — полковн.

Дрейеръ и съ нимъ начальникъ штаба капит. Махровъ и 4 солдата спаслись въ послѣдній моментъ боя, (когда началось уже буквально «избіеніе»), бросившись въ тылъ нѣмцамъ; здѣсь они спрятались въ глубокомъ лѣсу въ болотѣ и просидѣли, скрываясь отъ нѣмцевъ, двѣ недѣли. Чтобы не умереть съ голоду, пристрѣлили и съѣли одну верховую лошадь. Когда началось наступленіе русскихъ отъ Гродно, вышли къ своимъ!

Послѣдній бой XX-го корпуса, его попытки прорыва, германцы считаютъ «святымъ безуміемъ». Это лучшая похвала врага, называющаго вмѣстѣ съ тѣмъ самый прорывъ «героическимъ подвигомъ». (См. книгу «На войнѣ» стр. 224-ая).

Взаимныя повѣствованія о честномъ выполненіи нами своего воинскаго долга воодушевляли насъ и поддерживали нашу бодрость духа здѣсь въ плѣну, въ униженіи...

. . . .

Война продолжалась и нашъ плѣнъ — тоже.

Мы внимательно слѣдили за событіями на фронтѣ, но нѣмецкія газеты писали только о своихъ побѣдахъ о пораженіяхъ же умалчивали. Мы имъ не вѣрили. Именно тогда нѣмцы начали печатать спеціально для русскихъ плѣнныхъ газету на русскомъ языкѣ съ ложными политическими и военными свѣдѣніями. Насъ офицеровъ эта газета, конечно, обмануть не могла; несмотря на безплатное распространеніе ея въ нашемъ лагерѣ, почти никто ее не читалъ, но въ солдатскихъ лагеряхъ, гдѣ не было никакой литературы, вѣроятно, она на темную солдатскую массу имѣла нѣкоторое вліяніе.

Каждая нѣмецкая побѣда на фронтѣ отражалась у насъ здѣсь въ гор. Нейссе торжественнымъ колокольнымъ звономъ во всѣхъ кирхахъ и костелахъ города, манифестаціями и шествіями съ флагами, причемъ

въ телеграммахъ о числѣ взятыхъ нѣмцами плѣнныхъ часто безъ стѣсненія прибавлялся лишній нуль!

Этотъ шумъ, вой и истерическіе выкрики уличной толпы, нарочно собиравшейся у самаго лагеря военноплѣнныхъ (окна нашего барака выходили на улицу, по которой проходили манифестанты), еще и сейчасъ живы въ моей памяти...

«Deutschland, Deutschland über Alles!.....»

Какіе тяжелые моменты мы переживали тогда! Какъ хотѣлось куда нибудь скрыться, спрятаться, чтобы не слышать этого колокольнаго звона, этихъ назойливыхъ криковъ вафанатизированной толпы... а спрятаться было некуда!

Въ дни нѣмецкихъ побѣдъ обращеніе съ нами администраціи лагеря было самымъ вѣжливымъ, гуманнымъ, даже ласковымъ, но зато, когда на фронтѣ нѣмцевъ били, когда они несли крупныя пораженія, ихъ обращеніе съ нами рѣзко измѣнялось: сыпались на нашу голову всякія репрессіи и ограниченія. Особенно усиливались эти репрессіи, если въ эти дни кто нибудь изъ плѣнныхъ офицеровъ удачно совершалъ свой побѣгъ.

Я помню случай, когда изъ нашего лагеря Нейссе въ одну лѣтнюю ночь бѣжали два офицера: шт.-кап. Б. и поруч. С.

По тревогѣ въ 4 ч. утра былъ поднятъ весь лагерь. Грубые нѣмецкіе фельдфебеля и караульные съ крикомъ и ругательствами выгоняли насъ на плацъ чуть ли не прямо съ постели, не давъ даже одѣться Какъ разъ въ это время шелъ проливной дождь. Нѣкоторые офицеры, не успѣвъ одѣться, укрылись отъ дождя одѣялами или скатертями. Было смѣшно!

Построились. Комендантъ, его помощники, чиновники и переводчики со злыми и сердитыми лицами уже ждали насъ на плацу. Нѣмецкіе фельдфебеля, какъ сумасшедшіе, бѣгали по нашимъ рядамъ съ зажженными ночными фонарями, хотя уже совсѣмъ разсвѣ-

ло, по нѣсколько разъ пересчитывали насъ, сбивались со счету и снова выкликали насъ по чинамъ и фамиліямъ.... а дождь лилъ и лилъ, какъ изъ ведра! Мы всѣ промокли до костей, но намъ было весело!

Наконецъ, черезъ добрый часъ, нѣмцы окончили свою повѣрку, и комендантъ лагеря объявилъ намъ такое свое рѣшеніе: «пока не будутъ пойманы бѣжавшіе два офицера, всѣ военноплѣнные лагеря арестованы и должны безотлучно быть въ своихъ Stub'ахъ, запрещается даже выглядывать въ окна, и въ нарушителей сего приказа часовые будутъ стрѣлять!»

Страшно возмущенные такимъ самоуправствомъ коменданта и нарушеніемъ основного международнаго закона о военно-плѣнныхъ (право бѣжать военно-плѣннаго и за побѣгъ наказывать нельзя), старшіе въ баракахъ, во главѣ со старшимъ всего лагеря, обратились къ коменданту съ протестомъ, но онъ на это не обратилъ никакого вниманія. Единственно, что онъ приказалъ, это — «для арестованныхъ офицеровъ поставить «параши» въ самыхъ баракахъ!!»

Угроза стрѣлять въ выглядывающихъ изъ оконъ была буквально исполнена наружнымъ часовымъ у нашего барака: когда одинъ офицеръ открылъ окно, — грянулъ выстрѣлъ и пуля просвистѣла на волосокъ отъ головы этого офицера, ударившись въ потолокъ!

Зато, какъ же мы радовались каждому успѣшному побѣгу тѣхъ, правда, немногихъ офицеровъ, которымъ удалось побѣгъ довершить до конца, т. е. достичь Родины, и оттуда прислать намъ условную вѣсточку!

Международный законъ предоставлялъ право каждому военно-плѣнному бѣжать и за побѣгъ (если его поймаютъ) онъ не отвѣчалъ. Но нѣмцы нашли здѣсь обходъ этого закона. Они предавали строгому суду не за побѣгъ, а за малѣйшую порчу при побѣгѣ какого нибудь казеннаго имущества, напр. порча колючей про-

волоки, разбитое гдѣ либо стекло или сломанный замокъ и т. п., или за сношеніе и даже за простой разговоръ съ мѣстными жителями во время побѣга. За всякій такой мелкій проступокъ судъ накладывалъ огромный денежный штрафъ, обязательно замѣняемый содержаніемъ въ военной тюрьмѣ.

Послѣ тюрьмы такого офицера ссылали въ особый дисциплинарный («репрессивный») лагерь, гдѣ режимъ, и вообще, содержаніе было не лучше тюремнаго.

Несмотря на эти наказанія, почти каждую недѣлю бывали побѣги изъ разныхъ лагерей военноплѣнныхъ въ Германіи, но большую часть бѣглецовъ нѣмцы ловили. Помогало ловить ихъ само населеніе: нѣмецкія власти, за укрывательство бѣглыхъ плѣнныхъ, безпощадно предавали мѣстныхъ жителей военному суду, какъ за измѣну.

Самый трудный и опасный моментъ побѣга, обыкновенно, былъ «первый шагъ» изъ лагеря за проволоку. Бывали случаи, что часовой, замѣтивъ перелѣзающаго или крадущагося бѣглеца, тутъ же стрѣлялъ въ него или кололъ штыкомъ, убивая на мѣстѣ, или тяжело ранивъ.

Извѣстенъ случай, когда убиты были на мѣстѣ сразу четыре русскихъ плѣнныхъ, настигнутыхъ во время ихъ бѣгства изъ Германіи уже возлѣ Триглавскихъ озеръ въ Юлійскихъ Альпахъ. Въ настоящее время этимъ 4-мъ военно-плѣннымъ воинамъ, на мѣстѣ ихъ разстрѣла, Словенскимъ Горнымъ Обществомъ (теперь Югославія) поставленъ памятникъ.

Упомянутые два офицера вечеромъ благополучно бѣжали изъ лагеря Neisse: утромъ до побѣга, послѣ повѣрки, они забрались черезъ узкое окно въ сарай-цейхгаузъ, выходившій одной стѣной на улицу. Еще ранѣе въ этой стѣнѣ они приготовили отверстіе на мѣстѣ бывшаго и зашелеваннаго окна. Часовой со стороны улицы становился только послѣ вечерней повѣрки,

и эти два офицера бѣжали прямо на шумную улицу. Конечно, у нихъ заранѣе были заготовлены соотвѣтствующіе цивильные костюмы, т. е. простая рубашка-блуза и обыкновенныя кальсоны, покрашенныя въ черный цвѣтъ. На ихъ постеляхъ на ночь подъ одѣяло мы положили искусно устроенные изъ одежды манекены и, такимъ образомъ, „Wach"а, при ночномъ обходѣ, отсутствія этихъ офицеровъ не замѣтила.

Дальнѣйшая исторія ихъ побѣга слѣдующая.

И шт.-кап. Б. и пор. С., оба владѣли нѣмецкимъ языкомъ (главное условіе для побѣга).

На улицѣ въ Нейссе они сначала смѣшались съ толпой — день былъ праздничный, потомъ уже въ темнотѣ двинулись изъ города по намѣченному заранѣе пути. Съ собой взяты были карта и компасъ для направленія, шоколадъ и галеты для питанія и, кромѣ того, настоящія нѣмецкія деньги.

Ночами они непрерывно шли, избѣгая большихъ дорогъ, а съ разсвѣтомъ прятались въ лѣсу, во ржи, или въ огородахъ на задахъ деревень. Такимъ образомъ, они, въ теченіе 2-хъ недѣль, благополучно добрались къ одной глухой ж.-д. станціи, гдѣ купили билеты и по узкоколейкѣ доѣхали до большой станціи. Въ вагонѣ, при разговорахъ съ пассажирами, выдавали себя за рабочихъ.

Уже подъѣхали къ конечной станціи своего маршрута, откуда должны были безъ дорогъ, лѣсомъ верстъ 40, пробраться черезъ фронтъ къ своимъ. Но здѣсь счастье измѣнило имъ, вѣрнѣе, погубила собственная неосторожность.

Подъѣзжая къ послѣдней станціи, они вынули карту, чтобы намѣтить дальнѣйшій свой маршрутъ, но въ этотъ моментъ вошелъ въ вагонъ переодѣтый жандармъ, увидалъ въ ихъ рукахъ карту и потребовалъ паспорта. За отсутствіемъ таковыхъ, онъ ихъ арестовалъ.

Оба бѣглеца были судимы за порчу казеннаго имущества при побѣгѣ: сломанная рама въ окнѣ, испорченный замокъ въ дверяхъ и порванная проволока! Отсидѣвъ за это 1/2 года въ тюрьмѣ, были заключены въ репрессіонный лагерь. Вотъ вся исторія ихъ побѣга, разсказанная мнѣ шт.-кап. Б. уже въ 1918 году въ лагерѣ «Hellholland», гдѣ мы опять встрѣтились.

. . . .

Личный составъ военно-плѣнныхъ офицеровъ въ лагерѣ Нейссе былъ самый разнообразный, какъ по національностямъ, такъ и по положенію. Здѣсь были и русскіе (больше всего), и французы, и англичане, и бельгійцы. Среди нихъ были и командиры отдѣльныхъ частей союзныхъ армій — пожилые кадровые полковники и совершенно молодые офицеры — бывшіе студенты, или кадеты, окончившіе школу прапорщиковъ

Небольшую группу составляли наши бывшіе фельдфебеля-подпрапорщики, произведенные за боевыя отличія въ прапорщики. На войнѣ это былъ цѣнный. матеріалъ по своей дисциплинированности и умѣнью подойти къ солдату. Въ плѣну большинство изъ нихъ держали себя скромно, стараясь своимъ поведеніемъ скорѣе войти въ офицерскую среду, но «въ семьѣ не безъ урода»: былъ среди нихъ одинъ, который отличался въ лагерѣ безобразнымъ поведеніемъ, когда напивался пьянъ.

Былъ случай, когда этотъ прапорщикъ, совершенно пьяный, сталъ исполнять естественную надобность на виду у всѣхъ, у окна барака. Когда подскочилъ къ нему возмущенный нѣмецъ-фельдфебель и началъ на него кричать, онъ этого фельдфебеля толкнулъ; послѣдній ударилъ его по лицу, вызвалъ конвойныхъ и потащилъ его въ комендантуру... Это была нестерпимо обидная картина, когда нѣмецкій фельдфебель, на глазахъ плѣнныхъ офицеровъ разныхъ армій, на плацу

тащилъ совершенно пьянаго русскаго офицера подъ арестъ!

Въ это время, по инициативѣ нашего старшаго въ лагерѣ полковн. Рустановича, былъ учрежденъ въ лагерѣ комитетъ штабъ-офицеровъ для разбора, при помощи дознаній, просходящихп между офицерами инцидентовъ, ссоръ и всякихъ некрасивыхъ исторій, чтобы повліять на поведеніе въ плѣну лицъ въ родѣ вышеупомянутаго прапорщика.

Составлялись на такихъ офицеровъ протоколы, но мѣра эта, мнѣ кажется была мало дѣйствительною. Даже нѣкоторые изъ кадровыхъ офицеровъ смѣялись надъ этими протоколами, не вѣря, чтобы они могли дойти до Русскаго Главнаго Штаба.

Среди французскихъ командировъ отдѣльныхъ частей въ лагерѣ Нейссе находился командиръ одного изъ самыхъ старыхъ пѣхотныхъ полковъ французкой арміи, Colonel герцогъ де-Шуазель — родственникъ Австрійскаго Императора Франца-Іосифа.

Въ тяжеломъ бою на Марнѣ полкъ его сильно пострадалъ и онъ съ небольшой группой офицеровъ и солдатъ захваченъ былъ въ плѣнъ.

Когда Императоръ Франпъ-Іосифъ узналъ о его плѣненіи нѣмцами, то предложилъ черезъ Кайзера Вильгельма герцогу Шуазелю, какъ своему родственнику, жить въ плѣну въ одномъ изъ своихъ замковъ, но герцогъ категорически отказался. Тогда нѣмецкими властями предложено было ему помѣщеніе въ одной спеціяльно дла высшихъ военно-плѣнныхъ чиновъ виллѣ; онъ опять отказался, заявивъ, что желаетъ раздѣлить участь въ плѣну съ офицерами своего полка.

Я видѣлъ, какимъ почтеніемъ онъ окруженъ былъ со стороны своихъ подчиненныхъ офицеровъ. Между прочимъ, герцогъ Шуазель первый сообщилъ нашему старшему въ лагерѣ полковнику Рустановичу, что всѣмъ намъ, участникамъ Гумбиненской побѣды, были заготов-

лены въ Парижѣ ордена Почетнаго Легіона, какъ спасителямъ Парижа*).

. . . .

Наконецъ, наладилась у насъ переписка съ родными и знакомыми. Первыя открытки появились въ началѣ мая, и какъ мы завидовали счастливцамъ, получившимъ ихъ!

Одно частное письмо изъ Россіи, адресованное поруч. В. Б-ну (XX-го корп.), перечитали мы всѣ.

Вотъ его содержаніе:

24 апр. 1915-го г.

«Здравствуй, Вася!

Ты далеко, въ чужой странѣ... Можетъ быть, тоска, мрачныя мысли: нѣтъ! русскій солдатъ силенъ духомъ. Ты — солдатъ! Мы знаемъ, какъ вы попали въ плѣнъ. При встрѣчѣ не судить васъ будетъ Россія, а благодарить! Вы поддержали честь русскаго оружія и покрыли его неувядаемой славой.

Тебѣ хочется знать, что дома? Ничего: война дѣйствуетъ благотворно. Исчезло пьянство — главное наше зло. Наступила тишина, у всѣхъ сталъ достатокъ, Прекратились безпорядки. Народу, какъ будто и не брали. Братъ Николай находится во Львовѣ, очень доволенъ службой. Желаю всего хорошаго! До свиданья»!

Подпись.

Въ это же время одинъ офицеръ изъ Риги получилъ газету «Рижсская Мысль» (1915-й г. мартъ) со статьей: «Корпусъ — Герой», гдѣ описывались дѣйствія нашего XX-го корпуса; вотъ она:

«Когда отдѣльныя личности совершаютъ геройскіе подвиги, это приводитъ въ восхищеніе всѣхъ. Что же сказать о 40 тысячахъ русскихъ богатырей, въ теченіе 9-ти дней совершившихъ непрерывный массовый подвигъ!

---

*) См. книгу: „На войнѣ“ стр. 51.

Что, кромѣ благоговѣнія, можетъ вызвать геройскій бой одного нашего корпуса противъ 6-ти германскихъ корпусовъ, съ озлобленіемъ и яростью насѣдавшихъ на него съ востока, запада, сѣвера и юга! Теперь изъ офиціальныхъ сообщеній Генеральнаго Штаба мы знаемъ этотъ корпусъ. Имъ по справедливости гордится вся Россія, но особую гордость онъ долженъ вызвать у Рижанъ!

По болотамъ, лѣсамъ и глубокимъ снѣгамъ XX-й арм. корпусъ, подъ натискомъ цѣлой германской арміи, до послѣдняго патрона, — на протяженіи 9-ти дней, отходилъ 50 верстъ, сдерживая на своихъ плечахъ непріятельскія полчища и выручая, такимъ образомъ, нашу 10-ую армію отъ опасности охвата сильнѣйшимъ врагомъ.

Больше того, идя съ безпрерывнымъ боемъ (1 противъ 6-ти) XX-го корпуса не только мужественно отбивался отъ непріятеля, — онъ велъ еще за собой толпу плѣнныхъ германцевъ (главн. обр. въ бою подъ Махарце) болѣе 1000 чел., 1 ком. п-ка, 5 офицер. и нѣск. врачей! Это ли не подвигъ! Это ли не геройство?!

XX-й корпусъ совершилъ все возможное, все доступное человѣческимъ силамъ! Много богатырей его легло костьми, защищая каждую пядь земли, умеревъ смертью славныхъ, но остались и цѣлые полки героевъ.

Какъ видно изъ сообщенія Генер. Штаба, они возвратились уже на линію укрѣпленныхъ русскихъ позицій, чтобы, быть можетъ, еще не разъ удивить свѣтъ своимъ геройствомъ и показать товарищамъ, какъ 40 тысячъ нашихъ могутъ удерживать сотни тысячъ германцевъ въ теченіе 9-ти дней, до послѣдняго патрона!

Судя по «Рус. Инвал.», кажется, не многіе наши полки, начавшіе компанію съ первыхъ же дней, такъ отличились, и подвигъ XX-го корпуса станетъ достояніемъ исторіи и одною изъ ея яркихъ страницъ».

Помню, какъ мы тогда зачитывались—«упивались» строками этой восторженной статьи.

Содержаніемъ такихъ статей и писемъ съ родины мы взаимно дѣлились, вѣдь это поддерживало нашу бодрость, особенно потомъ, въ тѣ дни шумныхъ манифестацій нѣмцевъ, когда Русскія арміи начали отходъ свой изъ Галиціи.

Первое письмо, полученное лично мною изъ Россіи, доставило мнѣ двойную радость. Старый отецъ мой извѣщалъ меня, что вся семья моя благополучно продолжаетъ жить въ Вильнѣ, и что я произведенъ за отличіе въ бою въ подполковники, со старшинствомъ 26-го авг. 1914 г. (Алленбургскій бой).

Скоро я получилъ отъ моей жены посылку съ моей одеждой и бѣльемъ и, между прочимъ, на присланномъ кителѣ блестѣли новые, золотые штаб-офицерскіе погоны съ двумя полосками! Въ жизни плѣннаго это было большой радостью: вѣдь штабъ-офицерскій чинъ въ русской арміи, въ мирное время, обыкновенному строевому капитану, получить было очень трудно. Я вспомнилъ обѣщаніе покойнаго дорогого командира и помолился за его душу.

IV.

Продолженіе войны и плѣна. Питаніе. Устройство церкви въ манежѣ. Возвращеніе оружія полковнику Барыбину. Объ Алленбургскомъ боѣ — книга нѣмецкаго генерала Гальвица. Переѣздъ въ лагерь Гнаден-фрей.

Многіе изъ насъ, еще въ 1915 г., были увѣрены, что война окончится скоро, но плѣнные англичане съ улыбкой говорили намъ, что «война еще не началась, потому что англійская армія еще только вступаетъ въ войну». Конечно, намъ обидно было слышать такое

мнѣніе, и тогда извѣстная фраза англичанъ: «будемъ вести войну до послѣдняго солдата» была нами дополнена словомъ «русскаго», т. е. англичане «будутъ вести войну до послѣдняго русскаго солдата...»

Еще и сейчасъ я живо представляю себѣ нашъ лагерь Нейссе, этотъ пыльный плацъ и узенькіе проулочки между досчатыми бараками, гдѣ, мы, плѣнные бродили и группами, и парами, и по-одиночкѣ, все время мечтая о свободѣ.

Нѣкоторые, даже пожилые офицеры, заботясь о поддержаніи своего здоровья, занимались пассивной гимнастикой и упражнялись въ бѣгѣ вокругъ своего лагеря; другіе же смѣялись надъ ними, особенно надъ бѣгающими бородатыми и лысыми капитанами: гимнастика и бѣгъ вызывали усиленный аппетитъ, а удовлетворить его было нельзя при нашемъ скудномъ, почти безъ жировъ питаніи.

Общая столовая была устроена въ бывшихъ артиллерійскихъ конюшняхъ. За прежними стойлами—загородками для каждой лошади—стояли теперь столы, на 10—12 чел. каждый, и скамейки. За эти столы садились по національностямъ. Блюда были незатѣйливыя, но все таки первое время нашего плѣна, пока у нѣмцевъ не введена была еще «карточная система», мы получали иногда и по кусочку мяса. Главное же блюдо было—винигретъ изъ капусты, картофеля и свеклы и вареная брюква, облитая какимъ то «эрзацъ-соусомъ».

Уже и тогда нѣкоторые офицеры, боясь заболѣть отъ недоѣданія цынгой, старались покупать въ кантинѣ лукъ и чеснокъ.

Вспоминается забавная картина въ столовой: шт.-кап. нашего полка Соболевскій передъ самымъ обѣдомъ приготовилъ себѣ «тюрю» т. е. нарѣзалъ въ большую глубокую тарелку очень много зеленаго луку, крупно посолилъ солью и неторопливо началъ съ хлѣбомъ уничтожать это „лакомое“ блюдо. Проходившій въ это

время по столовой герцогъ Шуазаель со своей свитой, увидя это зрѣлище, остановился около нашего стола, и съ изумленіемъ долго смотрѣлъ «прямо въ ротъ» шт.-кап. Соболевскаго, пока тотъ не очистилъ свою тарелку. — «И чего тутъ удивляться?» проговорилъ Соболевскій. — «вѣдь мы не удивляемся, что они ѣдятъ лягушекъ»!

Бани и ваннъ для военно-плѣнныхъ въ Нейссе не было, а только въ 2 недѣли разъ горячіе и холодные души.

Что касается пищи для ума, то въ этотъ первый періодъ нашего плѣна въ лагерѣ Нейссе, напр., трудно было достать хорошую книгу, а тѣмъ болѣе газету. «Кто-то» доставлялъ для просвѣщенія русскихъ плѣнныхъ спеціально-революціонную или порнографическую литературу, вѣрнѣе «макулатуру». Ни того ни другого читать не хотѣлось. Въ раскаленныхъ отъ солнца душныхъ баракахъ не сидѣлось...

Былъ одинъ завѣтный уголокъ въ лагерѣ, это 4—5 кустовъ сирени и скамейка около церкви-манежа. Сюда я любилъ заходить посидѣть около Храма Божьяго Здѣсь, когда сумерки обращались въ темноту, и уже не видны были наши охранители—часовые и унылые бараки, я, лежа на скамейкѣ, любилъ смотрѣть на звѣздное небо, и я съ неописуемымъ изумленіемъ и радостью убѣждался, что и здѣсь оно такое же родное —не чужое... Мечтамъ, планамъ и думамъ о будущемъ не было конца!

Въ лагерѣ Нейссе я продолжалъ исполнять обязанности ктитора церкви. Послѣ Праздника Пасхи, устройство и украшеніе храма подвигалось впередъ. Манежъ былъ высокій и большой, и при всей скромности обстановки (православныхъ иконъ въ Германіи достать мы не могли, а выписывать изъ Россіи мнѣ тогда еще не приходило въ голову), храмъ выглядѣлъ, особенно во время Богослуженія, какъ большая приходская церковь.

Царскія врата художественной работы офицеровъ — низкія, изъ позолоченнаго картона съ рѣзьбой по дереву — копія царскихъ вратъ въ церкви одного изъ кадетскихъ корпусовъ. Клиросы изъ деревянныхъ рекъ, декорированные зеленью.

Обращала общее вниманіе Мадонна съ Младенцемъ, икона, купленная въ Нейссѣ. Лики Богоматери и Младенца необыкновенной красоты!

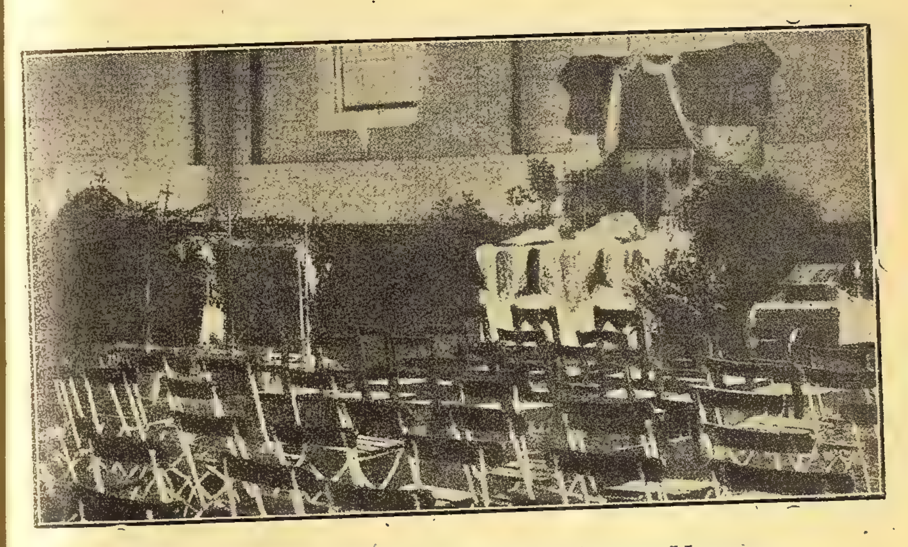
Лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка, Шт.-кап. Г. И. Соловкинъ, любитель-художникъ, по моей просьбѣ написалъ «Воскресеніе Христово» — незаурядную картину для «Горняго мѣста» въ Алтарѣ.

Когда помѣстили ее наверху въ окнѣ, красиво задрапировали синей матеріей и освѣтили (сзади) электричествомъ, получилось чудесное видѣніе Воскресшаго Христа. Многіе плѣнные офицеры, безъ различія вѣроисповѣданія, приходили сюда въ разное время помолиться: и днемъ, когда въ самую жару была здѣсь пріятная прохлада, и вечеромъ, напр., послѣ Богослуженія, когда огни въ храмѣ гасились и только Воскресшій Христосъ смотрѣлъ на васъ съ высоты Алтаря, сіяя какимъ-то неземнымъ свѣтомъ! — Повторяю, всѣ мы тогда настроены были мистически. Наши души были открыты навстрѣчу всему чудесному и святому!...

Когда прибыли въ нашъ лагерь новые плѣнные офицеры: французы, бельгійцы и англичане, съ какимъ вниманіемъ осматривали они нашу Церковь-манежъ и прислушивались къ нашему Богослуженію!

Вскорѣ въ другой сторонѣ этого же манежа плѣнными офицерами-католиками былъ устроенъ очень красивый Алтарь и поставлена фисгармонія для католическаго Богослуженія, такъ что подъ одной крышей создались два храма. Католическое Богослуженіе совершалъ ксендзъ изъ г. Нейссе; на фисгармоніи игралъ одинъ изъ плѣнныхъ французовъ.

Вскорѣ въ нашей церкви составился хорошій хоръ

Р-Кат. церковь (въ манежѣ) лагеря Нейссе.

(Къ стр. 61).

Церковь (въ мангжѣ) лагеря Нейссе
(Къ стр. 64)

Церковный комитетъ лаг. Нейссе.
Слѣва на право сидятъ: регентъ — Н. Н. Г-въ, Г. И. Германъ, свящ. о.Балбачанъ, А. А. Успенскій
Стоятъ: пор. Янъ, пор. Отрѣшко, пр. Арсеньевъ и пр. Лукьяновъ.
(Къ стр. 65)

подъ руководствомъ опытнаго регента шт.-кап. 20-го Саперн. б-на Н. Н. Г-ва. Онъ всю душу свою отдавалъ хору: ни одинъ большой праздникъ не обходился безъ вновь разученныхъ партесныхъ пѣснопѣній и концертовъ; надо сказать, что нотъ, вѣдь, не было, и онъ самъ, совмѣстно съ другимъ большимъ любителемъ церковнаго пѣнія поруч. Ударовымъ составляли партитуры и расписывали ихъ на голоса.

Настоятелемъ нашей церкви въ Нейссе былъ очень юный, но глубокоуважаемый пастырь о. Николай Балбочанъ. Онъ возглавлялъ нашъ церковый комитетъ, задачей котораго была забота о церкви. Ближайшими помощниками батюшки были: я, какъ ктиторъ; мой помощникъ поруч. Янъ; псаломщикъ — прапор. Арсеньевъ — сынъ Россійскаго посла въ Норвегіи, читавшій, между прочимъ шестопсалміе на Всенощной наизусть; прап. Лукьяновъ, прислуживавщій батющкѣ въ Алтарѣ во время Богослуженія; шт.-капит. Н. Н. Г-въ, какъ регентъ нашего хора; шт.-капит. Лейб-Гвъ. Кексгольмскаго полка Г. И. С-нъ и 20-го Саперн. б-на пор. Отрѣшко, какъ художники, украсившіе нашъ храмъ своими работами.

Простое и задушевное служеніе о. Николая и чудное пѣніе хора офицеровъ въ нашемъ храмѣ, напоминая намъ родину, заставляли на время забыть горечь плѣна, который особенно тяжело тогда чувствовался: газеты подробно передавали о катастрофѣ, постигшей нашу армію на Карпатахъ.

Въ одно утро однообразіе нашей плѣнной жизни было нарушено небольшимъ, но пріятнымъ для насъ, событіемъ. Нѣмцы вернули командиру N-го Сибирск. полка, герою Праснышской обороны полковн. А. Д. Барыбину, находившемуся съ нами въ плѣну въ Нейссе, его Георгіевское золотое оружіе. Произошло это такъ.

Часовъ въ 10 утра. комендантъ попросилъ всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ выйти на плацъ. Когда мы всѣ собрались, открылись ворота, и въ нашъ лагерь въѣхала блестящая кавалькада нѣмецкихъ офицеровъ во главѣ съ генераломъ. Сошли съ коней и подошли къ намъ Нѣмецкій генералъ громко вызвал: «Oberst Барыбинъ, пожалуйте сюда!» Когда полк. Барыбинъ вышелъ впередъ, генералъ по-нѣмецки произнесъ слѣдующую рѣчь, (одинъ изъ нѣмецк. офицеровъ переводилъ ее на русскій языкъ): «Во всѣ времена и войны нѣмцы отдавали должное храбрости. Этому есть историческіе примѣры, также вотъ и въ эту войну, полк. Барыбинъ со своимъ небольшимъ отрядомъ въ бою подъ Праснышемъ былъ нами отрѣзанъ отъ своихъ и, несмотря на наше первое предложеніе сдаться, продолжалъ храбро сражатся. Потомъ положеніе его еще ухудшилось, когда отрядъ его былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Мы второй разъ предложили ему сдаться, съ сохраненіемъ ему и его отряду оружія — полковн. Барыбинъ отказался и продолжалъ сражаться, пока остатки ого отряда и онъ самъ, раненый, не были взяты нами въ плѣнъ. Цѣня Вашу храбрость, Господинъ полковн. Барыбинъ, мы — нѣмцы, возвращаемъ Вамъ Ваше оружіе!» При этомъ генералъ, передалъ шашку (золотое оружіе, полученное полковн. Барыбинымъ еще за японскую войну) съ портупеей и Георгіевскимъ темлякомъ полковн. Барыбину, причемъ всѣ нѣмцы «взяли подъ козырекъ» (отдали честь).

Полковн. Барыбинъ, молча, принялъ свою шашку, одѣлъ на себя и, слегка кивнувъ головой нѣмецкому генералу, отступилъ въ наши ряды....

Нѣмецкій генералъ и его свита какъ-то смущенно переглянулись, молча сѣли на своихъ лошадей, раскрылись передъ ними ворота, и они уѣхали

Многіе изъ насъ, вѣдь, только теперь, изъ устъ нашихъ враговъ, узнали о геройствѣ полковн. Барыбина.

Полковникъ А. Д. Барыбинъ.

(Къ стр. 66)

Мнѣ очень понравился этотъ «красивый жестъ» со стороны нѣмцевъ. Я невольно подумалъ, что, если они отдаютъ должное врагамъ за храбрость, то какъже достойно награждаютъ они своихъ героевъ Я съ горечью вспомнилъ, что нашъ герой-командиръ 106-го Уфимск. полка полк. Отрыганьевъ, въ побѣдномъ бою подъ Гумбиненомъ, отразившій не одну яростную атаку колоннъ XVII-го Макензеновскаго корпуса, и взявшій при этомъ такіе трофеи, какъ 500 плѣнныхъ, 4 орудія, 6 пулеметовъ и около 1000 ружей, не былъ достойно награжденъ ни Георгіевск. крестомъ, ни зозотымъ оружіемъ, ни чиномъ генерала, а только очереднымъ орденомъ! Какъ мы офицеры-Уфимцы возмущены были тогда такой несправедливостью!

Но . . . зачѣмъ возмущаться, когда этого нашего героя уже нѣтъ въ живыхъ! Въ славномъ — тоже благодаря ему — побѣдномъ бою подъ Серски-Лясъ и Махарцами (3. II. 1915 г.), гдѣ разбита была на-голову свѣжая 42-ая нѣмецкая дивизія, онъ былъ тяжело раненъ: во время атаки, лично вдохновляя полкъ своимъ мужествомъ, доблестный командиръ полка, въ критическій моментъ боя, очутился въ самыхъ цѣпяхъ полка . . . . Я, какъ сейчасъ, слышу громкій призывъ его: «Уфимцы, впередъ!» И Уфимцы, во главѣ съ нимъ, въ стремительной атакѣ, опрокинули нѣмцевъ, причемъ въ результатѣ этой атаки были взяты нашимъ полкомъ у нѣмцевъ двѣ важныя позиціи и трофеи: 8 офицеровъ, въ томъ числѣ командиръ полка и 1000 нѣмецк. солдатъ, 6 орудій и 2 пулемета*), но во время этой атаки въ самыхъ цѣпяхъ полка и погибъ нашъ славный командиръ полка полковн. Отрыганьевъ; огромный осколокъ шрапнели раздробилъ ему колѣно. Уже раненый, теряя отъ боли сознаніе, онъ, сдавъ командованіе полкомъ полковнику Крикмейеру, все еще волновался — н е з а с е б я, а з а и с х о д ъ

*) См. „На Войнѣ“ Гл. X.

боя, за свой полкъ, и только въ 5 ч. веч., когда ему доложили о взятіи полкомъ дер. Махарце онъ успокоился.

И въ слѣдующіе два дня, страдая отъ ужасной раны, при посѣщеніи его на перевязочномъ пунктѣ (въ лѣсу) командующимъ полкомъ Полк. Крикмейеромъ а потомъ Полк. Соловьевымъ, онъ все время горячо интересовался дѣйствіями полка и отдѣльныхъ офицеровъ. Да, это былъ блестящій образецъ командирской доблести!

А наградой ему за побѣду у Махарце былъ — деревянный крестъ! —

Не забуду, какъ сильно волновался я тогда и по поводу своего Георгіевскаго креста. Еще когда вели насъ нѣмцы въ плѣнъ, на одномъ привалѣ я услышалъ, какъ старшій адъютантъ штаба нашей дивизіи Капит. N. говорилъ кому-то: «кому, кому, а воображаю, какъ Успенскому обидно, что представленіе его къ Георгію пропало, оно тоже со всѣми дѣлами штаба дивизіи попало къ нѣмцамъ въ плѣнъ! Не успѣло уйти въ штабъ 3-го корпуса!»

Да, полученіе высокаго ордена Свят. Великомуч. Побѣдоносца Георгія въ русской арміи, не только обязывало кавалера быть и дальше всегда готовымъ на смертный подвигъ, но въ то-же время и обезпечивало вполнѣ его военную карьеру. Поэтому я, считая это представленіе меня къ Георгію пропавшимъ, чувствовалъ себя вдвойнѣ несчастнымъ: попалъ въ плѣнъ и, словно въ наказаніе за это, еще и лишенъ такой высокой награды, какъ Георгіевскій Крестъ!

Только въ 1916-мъ г. я получилъ изъ Петрограда свѣдѣніе, что полк. Борзинскій (бывшій шт.-офицеръ нашего п-ка — свидѣтель и соучастникъ многихъ нашихъ боевъ), нынѣ к-ръ 107-го Троицк. п-ка, на участкѣ котораго я дрался обороняя мостъ подъ Аллен-

бургомъ,*) сдѣлалъ по командѣ новое представленіе меня къ ордену Св. Георгія 4-й степени (по двумъ статьямъ орденск. статута), взамѣнъ того представленія, которое попало въ руки нѣмцевъ. Когда представленіе это дошло до Георгіевской Думы, она это награжденіе задержала по формальной причинѣ: представленіе къ наградѣ должны сдѣлать подлинные начальники, при которыхъ я отличился, (т. е. команд. 107-го п-ка и начальн. дивиз., попавшіе въ плѣнъ), а не ихъ новые замѣстители, но Георгіевская Дума оговорила при этомъ, что, по возвращеніи изъ плѣна команд. п-ка, начальника дивизіи и самого подполк. Упенскаго, слѣдуетъ возобновить представленіе въ Думу.

Сидя въ плѣну, не мало переволновался я тогда, съ горечью думая объ этой постигшей меня неудачѣ.

Какъ смѣшны представляются мнѣ теперь эти мои сѣтованія и скорбь и опасенія, что я, быть можетъ, совсѣмъ не получу Георгіевскаго Креста! Могъ ли я тогда предполагать, какъ закончится война?! Могъ ли думать, что не только, славная своими побѣдами русская армія со всѣми ея вѣковыми устоями, традиціями и боевыми наградами за храбрость будетъ развалена, но и вся Россія будетъ залита моремъ крови, ужасовъ и голода во славу краснаго интернаціонала!

Когда въ 1917-мъ г., еще будучи въ плѣну, узнали мы объ этой страшной трагедіи, постигшей Россію, я понялъ, что пропалъ для меня мой Георгіевскій крестъ, но вотъ теперь, когда я пишу эти строки, для меня явилось неожиданное утѣшеніе!

Послѣ удачной задержки нѣмцевъ моимъ отрядомъ въ бою 27-го авг. 1914 г. (ст. ст.) у Алленбургскаго моста, я часто думалъ: что творилось тогда у моего

---

*) См. книгу: „На войнѣ" Гл. 5-ая.

противника въ этомъ бою. Какая часть сражалась со мной? Узнаю ли я когда нибудь подробное описаніе этого боя у нѣмцевъ? И вотъ сейчасъ, спустя цѣлыхъ 18 лѣтъ, я это узналъ: передо мной лежитъ солидная книга — почтенный трудъ нѣмецк. генерала отъ артиллеріи Max'a von Gallwitz «Meine Fuehrertaetigkeit im Weltkriege» Berlin 1930. Verlag vom E. G. Wittler u. Sohn. Во время боевъ въ Восточной Пруссіи, въ августѣ 1914-го г., генер. Гальвицъ командовалъ гвард. резервн. корпусомъ, съ частями котораго пришлось имѣть дѣло моему маленькому отряду 26—27-го авг., обороняя мостъ у г. Алленбурга.

Дѣлаю здѣсь выписки изъ 2-й главы книги Генер. Гальвица, о боѣ у Алленбурга подъ заглавіемъ: «Gefecht bei Allenburg 9 Sept. (ст. ст. 27-го авг.) 1914г.

Генералъ Гальвицъ пишетъ такъ:

. . . «Я далъ задачу первой гвардейской резервной дивизіи атаковать противника у Алленбурга, для чего овладѣть деревнями: Тримау - Шалленъ - Егерсдорфъ, а 3-ьей гвардейской дивизіи достичь р. Ометъ и атаковать Алленбургъ съ ю-вост. Въ 5 ч. я отправился къ Гогенфельде. Ко мнѣ прибылъ генер. Гереке съ 1½ тяжел. батареями Познанской крѣпости Я рѣшилъ пустить въ дѣло три тяжелыхъ гаубичныхъ ба-она, оба дивизіона легкихъ гаубицъ и два 10-ти сант. полубатал. Густой туманъ. Начало боя у Шаллена сразу показало намъ, что мы стоимъ передъ ожесточеннымъ сопротивленіемъ *). Русская батарея первая открыла огонь **). Мы изъ за тумана не отвѣчали Окопы противника искусно расположены на покрытыхъ кустами холмистыхъ берегахъ р. Алле и едва замѣтны; ихъ батарею мы не могли открыть. Всѣ свободные подступы къ ихъ окопамъ обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ ***). Русскіе въ Манджуріи на-

*) См. „На войнѣ“ стр. 85.
**) Батарея Подполк. Аноева. Прим. автора.
***) См. „На войнѣ“ стр. 75.

учились мастерски занимать (укрѣплять) свои позиціи. Намъ еще не достаетъ опыта въ овладѣніи такими полевыми позиціями» (33-ья стр.).

. . . . . «Наша артиллерія только въ 9 ч. у. открыла свой огонь. Тяжелая батарея расположилась у Агнесгофъ, наши три саперныя части навели мостъ около Фридланда, чтобы не быть отрѣзанными въ случаѣ наступленія русскихъ.

. . . . . «Въ 11 ч. у. первая гвард. рез. див. донесла мнѣ, что Шалленъ - Триммау нами взяты. Я приказалъ и 3-ьей дивизіи перейти въ атаку по линіи Агнесгофъ — Ст. Алленбургъ, но подождать пока будетъ произведена подготовка артиллерійскимъ огнемъ и пока 1-ая гвард. рез. див. не двинется черезъ мостъ на гор. Алленбургъ».... «Самъ я двинулся на шоссе между Гр. и Кл. Энгелаукъ 1-ой гвард. рез. див. и здѣсь я узналъ, что Шалленъ-Триммау еще не взяты донесеніе оказалось, къ сожалѣнію, «неправильнымъ».

Дальше генер. Гальвицъ пишетъ:

»Я лично узналъ, что Шалленъ-Триммау не толко не взяты 1-ой рез. гв., но и что 2-й полкъ этой дивизіи, залегшій въ открытомъ полѣ противъ Шалленъ-Триммау, понесъ огромныя потери. Такъ напр. 1-й баталіонъ этого полка только въ теченіи первыхъ 6-ти часовъ боя потерялъ 50% своего состава».

«Но, за то» — утѣшаетъ себя Гальвицъ — «удалось наступавшей лѣвѣе 15-ой рез. бриг. занять высоту у Реддена и достигнуть берега р. Алле».

. . . . . «Тяжелую картину представляли шедшіе съ поля боя раненые, многіе тяжело, хотя они бодрости не теряли. Только въ патронной колоннѣ произошла сильная паника отъ разрыва непріятельскихъ снарядовъ: патронныя повозки въ карьеръ помчались назадъ и ихъ удалось остановить только офицерамъ моего штаба. Въ это время, при такой обстановкѣ боя, наша воздушная

развѣдка донесла мнѣ, что возлѣ Дейме обнаружены двѣ пѣхотныя дивизіи*) и между Вехлау и Инстербургомъ стоятъ большія русскія силы**). Мнѣ стало ясно, что на моемъ фронтѣ время для атаки еще не созрѣло. Считаясь съ большими потерями, я въ 3 ч. 20 мин. отдалъ приказъ: 1-ой гв. рез. див. переходъ черезъ Аллена сегодня не предусмотрѣнъ, обѣимъ дивизіямъ укрѣпиться на достигнутыхъ позиціяхъ. Артиллеріи подавлять огонь противника».

Вотъ дословный переводъ, этого знаменательнаго для меня приказа противника! Здѣсь я долженъ добавить, что нѣмцы — 2-ой рез. гв. полкъ — продолжали свои яростныя атаки до 5 ч. вечера, а съ 6 ч. ихъ артиллерія открыла по насъ, дѣйствительно «подавляющій», прямо ураганный огонь!

Вечеромъ этого дня въ дневникѣ генер. Гальвица записано: «На завтра отданъ приказъ изъ арміи продолжать наступленіе. Дальше генер. пишетъ, что онъ потерялъ свое настроеніе отъ «этого неудачнаго дня» и «даже полученная мною вечеромъ телеграмма изъ штаба арміи о пожалованіи мнѣ за Намюръ Большого Креста 2-й ст., не подняло моего настроенія».

. , . . . «28-го сент. въ 5 ч. утра — стоитъ въ дневникѣ генерала — наша артиллерія открыла огонь. Со стороны русскихъ — полное молчаніе. Въ 8 ч. у. пришло неожиданное донесеніе — противникъ ушелъ».

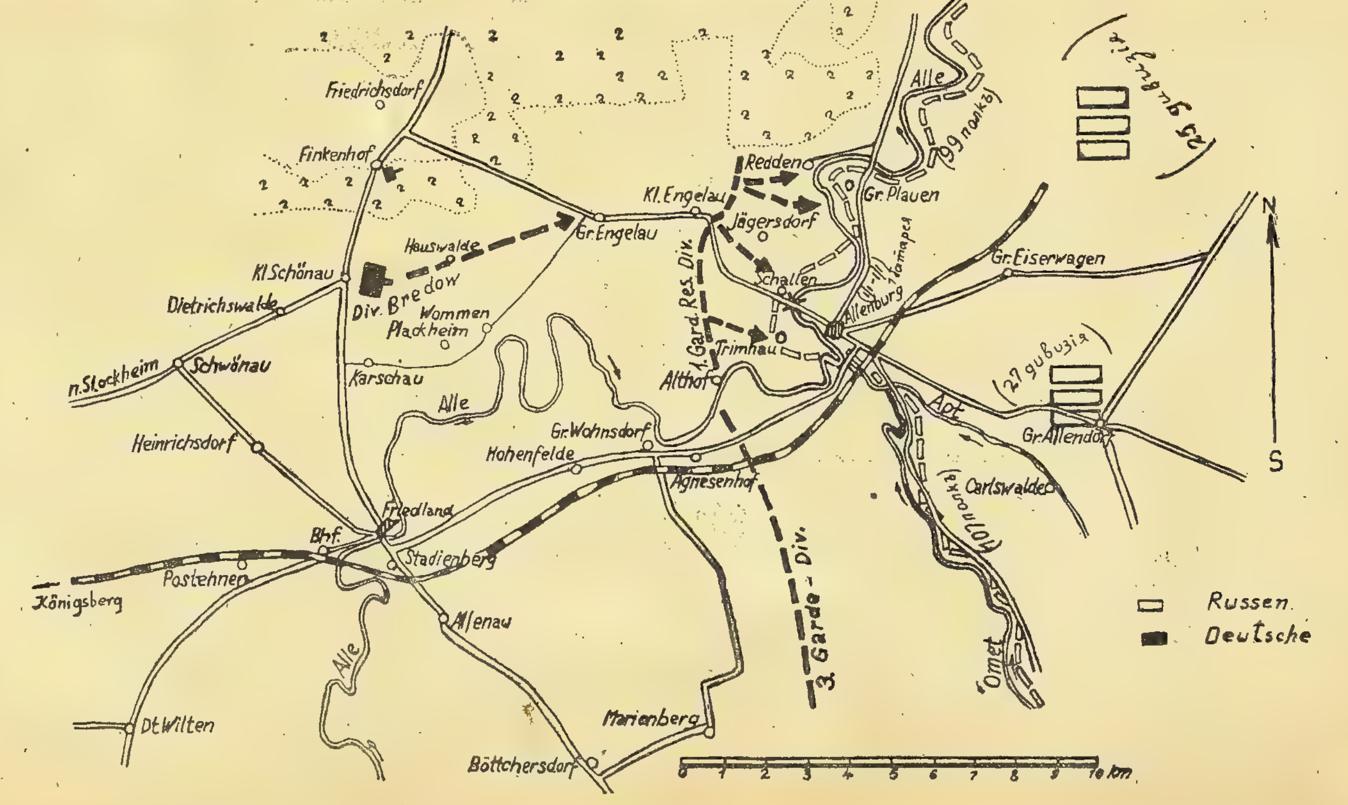
. . . . . «Я поѣхалъ въ Алленбургъ. Проѣзжая около Шаллена, мимо вчерашняго поля сраженія 2-го гвард. рез. полка, я увидалъ отличные русскіе пѣхотные окопы для обороны***) и возлѣ взорваннаго

---

*) Наши 25-я и 27 див.

**) Отступ. корпуса нашей 1-й арм.

***) Итакъ моимъ непосредственнымъ противникомъ былъ 2-й гвард. рез. полкъ 3-хъ батал. состава съ тяж. и легк. артиллеріей Пр. авт

Примѣчаніе: Судя по схемѣ ген. Гальвица, онъ считалъ впереди моста у меня не менѣе 2-хъ батальоновъ! (Авт.).

моста хорошо сдѣланный русскими мостъ, взрывъ ко торагo неудался».

. . . . . »Когда я въѣхалъ въ городъ, меня поразили разрушенія отъ огня. Половина города сгорѣла, другая половина стояла совершенно пустая»! Здѣсь я долженъ замѣтить, что половина города сгорѣла отъ нѣмецкаго огня, особенно жалко было 700 лѣтн. кирху, совершенно разбитую вмѣстѣ съ ея ажурной колокольней: нѣмцы думали, что на этой колокольнѣ былъ нашъ наблюдательный пунктъ. Не подозрѣвали они, что наблюдательный пунктъ, откуда я и пор. Зубовичъ корректировали артиллерійскій огонь, былъ у нихъ «на носу» — на вышкѣ сѣновала среди нашихъ окоповъ, а въ послѣдніе моменты боя, шагахъ въ 300—200 отъ ихъ цѣпей (См. «На войнѣ», гл. 5: «Оборона моста у Алленбурга»).

Прилагаю здѣсь для интересующихся схему боя у Алленбурга 27 авг. и 9 сент. 1914-го г., какъ она изображена въ книгѣ генер. Гальвица (стр. 32-ая), причемъ за мостомъ, къ западу, у Trimmay-Schallen-Jagersdorf и на шоссе Allenburg-Wehlau (1-ая батар. подпл. Аноева, которую нѣмцы не могли открыть, — показана мною въ скобкахъ) — мой отрядъ; (въ скобкахъ же я показалъ названія русскихъ частей).

Такимъ образомъ, самъ противникъ искренно признался въ пораженіи тѣхъ частей 1-й гвардейской рез. дивизіи, которыя пытались 27-го августа безуспѣшно, съ огромными потерями, опрокинуть мой маленькій отрядъ, оборонявшій мостъ на р. Алле, и вынуждены были въ тотъ день прекратить наступленіе (приказъ к-ра корпуса).

Въ этомъ авторитетномъ признаніи нѣмецкаго генерала полнаго успѣха нашей обороны моста у Алленбурга я нашелъ себѣ нравственное удовлетвореніе и большую радость, взамѣнъ моей печали изъ-за неполученія Георг. креста.

Находясь въ плѣну и гуляя по скучному плацу

лагеря Нейссе, мы особенно часто вели между собой безконечныя бесѣды о нашихъ бояхъ и находили въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе, забывая, что мы уже не свободные защитники своей Родины, а плѣнники!

. . . .

Въ концѣ іюля 1915 г. пришло распоряженіе нѣмецкихъ властей о переводѣ изъ концентраціоннаго лагеря Нейссе всѣхъ офицеровъ старшихъ и гвардіи въ лагерь военно-плѣнныхъ въ Гнаденфрей.

Передъ отъѣздомъ отслуженъ былъ молебенъ. Священникъ о. Николай, регентъ и большая часть хора оставались въ Нейссе. Послѣ молебна старшій въ лагерѣ полк. Рустановичъ отъ общины православныхъ прихожанъ лагеря Нейссе преподнесъ на память: мнѣ, какъ ктитору церкви, медальонъ съ фотогр. миніатюрой нашей церкви, а регенту хора Н. Н. Г-ву — портсигаръ. Изъ иконъ мы взяли съ собой въ новый лагерь только большой образъ Богоматери съ Младенцемъ —«Покровительницы плѣнныхъ», какъ мы Ее называли.

Попрощавшись съ оставшимися въ лагерѣ Нейссе офицерами, мы подъ конвоемъ отправились на станцію.

На вокзалѣ нашъ переводчикъ провелъ насъ въ пассажирскій залъ 1-го класса, и предложилъ намъ, если кто желаетъ за свои деньги закусить въ буфетѣ. Мы расположились за однимъ столомъ — отдѣльно отъ прочей публики. Въ это время вошелъ въ залъ какой-то высокій нѣмецкій офицеръ и увидавъ насъ, злобно сверкая глазами, дикимъ голосомъ, на весь залъ, закричалъ нашему переводчику: «Какъ вы смѣли ввести сюда нашихъ враговъ?! Вы за это отвѣтите—уведите ихъ отсюда!»

Жалкій растерянный видъ вскочившаго на этотъ окрикъ нашего переводчика и общее наше смущеніе и негодованіе на такое неджентльменское обращеніе нѣмецкаго офицера съ нами, плѣнными офицерами,

лишній разъ напомнило мнѣ, что мы въ плѣну, но тутъ же встала въ моей памяти, какъ живая, сцена, какъ мы, уфимцы, 7-го авг. послѣ Гумбиненскаго боя добродушно угощали чаемъ и виномъ плѣнныхъ нѣмецкихъ офицеровъ!

Насъ вывели на платформу. Моросилъ мелкій дождь. Подъ открытымъ небомъ простояли мы здѣсь, окруженные конвоемъ, пока не подошелъ поѣздъ. Въ вагонахъ 3-го кл. скоро и пріѣхали мы въ мѣстечко Гнаденфрей.

V.

Лагерь военно-плѣнныхъ Гнаденфрей.

(1915—16 г.)

Помѣщеніе и составъ плѣн. офицеровъ. Администрація. Комендантъ. Церковь-манежъ. Письмо схимонахини. Побѣгъ капитана Чер-го.

Гнаденфрей—маленькое мѣстечко въ Верхней Силезіи съ одной кирхой, съ нѣсколькими десятками 2-хъ и 1—этажныхъ домиковъ, съ 4—5-ью асфальтированными уличками и, между прочимъ, съ 2-мя хорошими цвѣточными магазинами. Живописныя окрестности. Высокіе холмы, покрытые красивыми дубовыми рощами; цвѣтущія долины—сплошные сады; культурныя хозяйства—фольварки съ пашнями и огородами: ни кусочка невоздѣланной земли, и всюду удобныя шоссе, обсаженныя фруктовыми деревьями: сливами, черешнями, яблонями и грушами!

Весной и лѣтомъ, когда все это зеленѣло и цвѣло, получалась чудная картина, казалось, полнаго земного благополучія, причемъ эту огромную картину на горизонтѣ далеко-далеко, словно сливаясь съ облаками,

обрамляли въ хорошую погоду ясно видимыя вершины Судетскихъ горъ!

На одномъ изъ высокихъ холмовъ Гнаденфрей, въ 3-хъ этажномъ каменномъ зданіи бывшаго реальнаго училища, и устроенъ былъ нѣмцами нашъ новый лагерь. Переводчикъ г-нъ Норбрухъ сообщилъ намъ, что это привиллегированный, лучшій лагерь для болѣе «знатныхъ» военно-плѣнныхъ. Подъ словомъ «знатные»—объяснилъ переводчикъ разумѣются тѣ плѣнные, которые лучше всего дрались съ нѣмцами. И дѣйствительно, въ Гнаденфрей попали не только офицеры XX-го корпуса, но и герои французской Марны, отстоявшіе Парижъ, и герои Прасныша во главѣ съ доблестнымъ полковн. Барыбинымъ.

Какъ только нѣмцы размѣстили насъ по Stub'амъ, мы внимательно изслѣдовали наше новое мѣстопребыванія.

Зданіе бывшаго реальнаго училища было, дѣйствительно, очень солидное, 3-хъ этажное—каменное, съ огромнымъ чердакомъ, съ отдѣльной круглой башней и съ метеорологической станціей на крышѣ; въ середину зданія вела красивая каменная лѣстница съ чугунной баллюстрадой и отъ нея во всѣ стороны — длинные корридоры; по обѣимъ сторонамъ корридоровъ—двери въ отдѣльныя, разныхъ размѣровъ, комнаты. Въ большихъ комнатахъ офицеровъ размѣстили по 10—20 чел. въ комнатѣ, а въ маленькихъ комнатахъ—преимущественно штабъ-офицеровъ, по 2—3 чел. въ комнатѣ.

Нѣмецкая комендантура и «Wach'e», или караулъ, насъ охранявшій, находились внизу при парадномъ входѣ; въ подвальномъ этажѣ зданія были: кухня, склады для продуктовъ и 3 ванны. Во дворѣ—отдѣльное зданіе манежа (б. залъ для гимнастики) и небольшой уютный садикъ. Зданіе и дворъ кругомъ обнесены высокимъ деревяннымъ заборомъ и колючей проволокой. На углахъ, на деревянныхъ вышкахъ, видимые

Общій видъ мѣст. Гнаденфрей.

(Къ стр. 75)

Повѣрка воен-плѣнныхъ въ лаг. Гнаденфрей.

(къ стр. 78)

Авторъ въ плѣну (лаг. Гнаденфрє
(Къ стр. 77)

Лагерь Гнаденфрей. Главное зданіе; налѣво — манежъ. (Къ стр. 76).

нами часовые. Кромѣ того, снаружи за заборомъ 2-ая линія часовыхъ, уже невидимая нами. Охраненіе основательное!

Комнаты были высокія и свѣтлыя, съ паровымъ отопленіемъ и газовымъ освѣщеніемъ; каждый офицеръ получилъ хорошую кровать, пару полотенецъ и постельную принадлежность (бѣлье мѣнялось 2 раза въ мѣс.) и небольшой шкафикъ для вещей. На каждую комнату для услугъ офицерамъ назначены были плѣнные солдаты (по національностямъ). Команда этихъ денщиковъ—всего человѣкъ 40 (русскіе, французы, англичане), помѣщалась, пока было тепло, на чердакѣ.

Всего насъ въ лагерѣ Гнаденфрей было человѣкъ 300, по національности: русскіе (больше всего), среди нихъ немного литовцевъ, поляковъ и латышей; затѣмъ французы, среди нихъ африканскіе стрѣлки; англичане, среди нихъ шотландцы въ своихъ юбкахъ съ голыми колѣнями и бельгійцы.

Между прочимъ, всѣ офицеры-поляки скоро были отправлены въ спеціальный польскій лагерь. Въ этотъ же лагерь предложено было отправиться и литовцамъ; нѣмцы хотѣли считать ихъ тоже поляками, но литовцы (ихъ было всего 5 человѣкъ), во главѣ съ глубокоуважаемымъ нами, доблестнымъ подполк. Янчисомъ (108-го полка), категорически отказались отправиться въ польскій лагерь и остались съ нами.

Администрація лагеря состояла изъ коменданта, двухъ его помощникомъ (Hauptmann'а и Leutnant'а) одного «подъ-офицера» (по нашему подпрапорщика), квартирмейстера-чиновника, двухъ переводчиковъ, 3-хъ фельдфебелей и «Wach» и— караула челов. 30.

Комендантомъ лагеря Гнаденфрей былъ, призванный изъ отставки старый маіоръ фонъ-Рихтгофенъ, — отецъ двухъ знаменитыхъ германскихъ летчиковъ. Старшій изъ его сыновей, ротмистръ Фридрихъ Рихтгофенъ во время войны сбилъ болѣе 100 аэроплановъ

у противника, пока самъ не былъ сбитъ французскимъ летчикомъ. Сбитъ онъ былъ на территоріи, занятой нѣмцами. На мѣстѣ его гибели французскій летчикъ сбросилъ вѣнокъ, въ знакъ уваженія къ его храбрости.

Портреты его во время войны видны были во всѣхъ витринахъ магазиновъ большихъ и малыхъ го, родовъ Германіи.

Отецъ его—комендантъ нашего лагеря — маіоръ фонъ Рихтгофенъ, по наружности типъ «скупого рыцаря» изъ Пушкина, суровый педантъ-фанатикъ по своей должности. «Скупого рыцаря» напоминалъ онъ въ табельные нѣмецкіе дни, когда костлявую, высокую фигуру старика облегалъ стариннаго покроя кирасирскій мундиръ, на его поясѣ — длинный, волочащійся по землѣ палашъ, на ногахъ необыкновенно высокіе ботфорты съ раструбами и огромными зубчатыми шпорами, а на головѣ торжественно сіяла серебряная каска съ конскимъ хвостомъ...

Въ первые же дни нашего пребыванія въ Гнаденфрей мы узнали, что это за человѣкъ? Такъ, гуляя разъ по нижнему корридору, гдѣ помѣщается караулъ, мы были невольными слушателями его «вдохновенной» рѣчи къ Wach'ѣ.

Маіоръ прямо истерически выкрикивалъ, обращаясь къ солдатамъ, что «при малѣйшемъ неповиновеніи этихъ плѣнныхъ» (показалъ на насъ) вы, какъ честные патріоты-нѣмцы, безъ всякаго сожалѣнія, должны разстрѣлять ихъ, они—враги наши!» Что это была у маіора не пустая фраза, мы скоро убѣдились.

Разъ, послѣ повѣрки, на дворѣ комендантура производила новыя распредѣленія плѣнныхъ по комнатамъ. Кто-то изъ молодыхъ офицеровъ не сталъ сразу въ группу, куда онъ былъ назначенъ, а переходилъ изъ одной группы въ другую, желая попасть въ комнату со своими однополчанами. Замѣтивъ это издали, маіоръ сталъ по нѣмецки кричать на этого офицера, чтобы

Наше охраненіе (справа авторъ).

(Къ стр. 77)

онъ сталъ въ строй. Тотъ, непонимая по нѣмецки, продолжалъ ходить. Тогда маіоръ громко скомандовалъ: «Wache!» Быстро выбѣжалъ на дворъ караулъ. Маіоръ скомандовалъ: «приготовиться открыть огонь!» Караулъ взялъ на изготовку и быстро зарядилъ ружья... Тогда старшій въ лагерѣ полк. Рустановичъ громко приказалъ русскому офицеру скорѣе стать на свое мѣсто. Тотъ, сконфуженный, что изъ-за него столько «грома и чуть не молнія», быстро это исполнилъ. Маіоръ приказалъ караулу уйти.

Другой разъ, послѣ вечерней переклички, мы или невольными зрителями изъ оконъ нашего замка такой картины на дворѣ.

Скрытый за заборомъ нѣмецкій солдатъ на веревкѣ тащилъ чучело плѣннаго офицера вдоль забора. Это изображался побѣгъ плѣннаго; а самъ маіоръ въ это время на дворѣ лично «натаскивалъ» двухъ огромныхъ полицейскихъ собакъ волчьей породы бросаться на это чучело и рвать его! Мы отъ души хохотали, глядя на эту примитивную картину ловли бѣглеца. Маіоръ, вѣроятно, видѣлъ со двора наши смѣющіяся физіономіи въ окнахъ и... невозмутимо продолжалъ свои «служебныя упражненія».

Старый маіоръ былъ формалистъ. Одинъ разъ я попросилъ въ кантинѣ одолжить мнѣ небольшую лѣстницу, чтобы привѣсить къ потолку люстру для свѣчей въ церкви (въ томъ же зданіи, въ столовой). Мнѣ сразу лѣстницу не дали. а послѣ доклада о семъ коменданту, изъ комендантуры прислана была мнѣ слѣдующая оффиціальная бумага за подписью самого коменданта, и съ гербовой печатью комендандутуры (!)

Gnadenfrei, den 20 März 1916.

Dem russischen Oberst-leutnant Uspenski wird gestattet die Steigeleiter aus der Offizierskantine zur Benutzung nach dem Kirchenraume zu nehmen mit der Bedin-

gung, dass sie sofort nach Gebrauch wieder nach der Kantine gebracht wird.

T. Richthofen*)
Major und Kommandant.

Вспоминаю здѣсь инцидентъ съ письмомъ полковника нащего полка А. Н. Соловьева. Онъ написалъ въ Россію своей женѣ, чтобы прислала бѣлой муки, т. к. нѣмцы продаютъ въ лагерѣ булки только изъ полубѣлой, такъ наз. «ситной», невкусной муки. Всѣ письма наши подвергались строгой цензурѣ, и комендантъ потребовалъ у полк. Соловьева объясненія, причемъ сказалъ ему: «Какъ вы смѣете называть нашъ «земель» сѣрымъ и невкуснымъ? самъ кайзеръ кушаетъ этотъ „земель" и онъ очень вкусный!! Сейчасъ же вычеркните это изъ письма!»

Тогда полк. Соловьевъ сказалъ ему: «А помоему вашъ «земмель» невкусный, потому что не изъ бѣлой муки. Я пишу правду и вычеркивать не буду», и, къ великому изумленію и досадѣ маіора, взялъ свое письмо обратно. Между тѣмъ, въ это время и изъ полубѣлой муки было трудно купить «земмель» на наши лагерныя деньги, а муки и совсѣмъ нельзя было достать. Вспоминаю, какія маленькія (не больше серебр' рубля) и темныя просфорки для совершенія Богослуженія выпекалъ намъ плѣнный французъ — поваръ.

Помощниками коменданта были: гауптманнъ — довольно несимпатичная личность и лейтенантъ Шварцъ — самая симпатичная личность изъ всей администраціи лагеря.

Гауптманнъ прославился грубостью въ обращеніи

---

*) Гнаденфрей 20 марта 1916 г.

Руссхому подполк. Успенскому разрѣшается взять изъ офицерской кантины лѣстницу для церкви съ условіемъ немедленнаго ея возвращенія въ кантину по миновеніи надобности.

Т. Рихтгофенъ
М. П. Маіоръ и Комендантъ.

съ плѣнными и «потрошеніемъ» нашихъ посылокъ, получаемыхъ изъ Россіи. Въ каждой булкѣ, домашней колбасѣ, крупѣ или бѣлой мукѣ, въ сахарѣ-рафинадѣ или салѣ онъ искалъ оружія. Приказывалъ унтер-офицеру, выдававшему посылки, всѣ эти вкусныя вещи (которыя въ Германіи въ это время только по карточкамъ, и то съ большимъ трудомъ, можно было достать), рѣзать на мелкіе кусочки, «потрошить»; не найдя, конечно, ничего, нѣмцы со злостью вытрясали получателю — плѣнному офицеру порѣзанные куски колбасы, сала и сахаръ, муку и сухари, совершенно смѣшивая все это, такъ что приходилось долго разбирать и очищать сало или колбасу отъ сахара, муки и т. п.

Лейтенантъ Шварцъ, наоборотъ, всегда былъ корректенъ и даже любезенъ съ нами; во всемъ, о чемъ мы его просили, онъ старался помочь намъ, даже въ мелочахъ повседневной, скучной жизни военно-плѣнныхъ. Я особенно былъ ему благодаренъ за его всегдашнюю готовность помогать въ устройствѣ церкви. Ему я обязанъ былъ пріобрѣтеніемъ для Храма священныхъ картинъ и разныхъ матеріаловъ, муки и вина для совершенія Богослуженія и даже свѣчей, хотя это были только парафиновыя свѣчи.

Какъ только пріѣхали мы въ новый лагерь, сейчасъ же я сталъ хлопотать о помѣщеніи для устройства Церкви. Подходящимъ зданіемъ былъ манежъ для гимнастики — отдѣльный флигель во дворѣ лагеря; но комендантъ-маіоръ этому воспротивился и назначилъ мѣстомъ для Бого служеній всѣхъ исповѣданій... парадную лѣстницу! Бѣгая по ней удивительно — для его лѣтъ — быстро вверхъ и внизъ, онъ показывалъ, что на сред ней площадкѣ будетъ стоять проповѣдникъ, а на коридорахъ — молящіеся. Размахивая длинными руками, онъ говорилъ: „вотъ здѣсь у насъ стоялъ самъ кайзеръ, а здѣсь — органъ»... Мѣсто проходное, шумное, совершенно неподходящее для Богослуженія (между-

прочимъ отъ него отказались и сами лютеране), и я отказался и просилъ пока разрѣшить Богослуженіе въ столовой. Маіоръ согласился.

Священникомъ въ Гнаденфрей въ это время былъ у насъ пріѣзжавшій изъ другого лагеря, достойный іеромонахъ о. Филоѳей, 209-го Ирбистк. полка, Георгіевскій кавалеръ этой войны.

Такимъ образомъ, первыя Богослуженія отправлялись въ столовой: всенощная и «обѣдница» только, а не обѣдня, потому что антиминса у о. Филоѳея не было.

Обстановка для Богослуженія была самая простая: на стѣнѣ образъ Богоматери — «Покровительницы плѣнныхъ» (изъ Нейссе) съ лампадкою и передъ нимъ столъ, покрытый чистой скатертью: семь свѣчей на тарелкахъ, наперсный крестъ о. Филоѳея и Евангеліе; вмѣсто кадила — уголекъ на блюдечкѣ. Облаченіе священника, сшитое офицерами изъ свѣтло-голубого сатина. Хоръ составился изъ любителей-офицеровъ подъ управленіемъ капитана генер. штаба В. В. Добрынина; за псаломщика все тотъ же Ю. С. Арсеньевъ, что былъ и въ Нейссе. За пономаря прислуживалъ батюшкѣ капит. К. Н. Колпакъ, а ктиторомъ былъ я.

Богослуженія въ столовой были стѣсняемы многимъ. Нельзя было устроить здѣсь постояннаго священнаго уголка, гдѣ бы можно было предаваться молитвѣ; кромѣ того, слышались нареканія со стороны иновѣрцевъ, когда нужно было освобождать столовую для Богослуженія.

И вотъ, съ вѣдома старшаго въ лагерѣ, я, совмѣстно съ представителями отъ французовъ, англичанъ и бельгійцевъ, обратился къ коменданту съ просьбой отвести всѣмъ исповѣданіямъ для Богослуженія — манежъ, а намъ, православнымъ, — назначить постояннаго священника. Комендантъ согласился не сразу, и только въ октябрѣ разрѣшилъ устройство разборнаго (каждый разъ) храма, въ манежѣ и въ то-же время. къ намъ на-

Послѣ „обѣдницы“ въ столовой свящ. от. Филоѳей и псал. Ю. С. Арсеньевъ.

(Къ стр. 82)

значенъ былъ постоянный священникъ (изъ Нейссе) пріѣхалъ. о. Назарій, іеромонахъ Почаевской лавры бывшій на войнѣ благочиннымъ священникомъ 52-й пѣх дивизіи, ревностно преданный своему дѣлу молитвенникъ.

У нѣмецкаго квартермистра («инспектора») я досталъ нѣсколько партъ и пюпитровъ (изъ склада училища); устроили изъ нихъ иконостасъ, обтянули ихъ картономъ и сатиномъ, придѣлали крючки, на которыхъ каждый разъ можно было вѣшать иконы; большую икону Божіей Матери укрѣпили на верхнемъ окнѣ манежа, поставили столы для Престола и Жертвенника; проходы между партами обозначали Царскія и боковыя врата; изъ пюпитровъ устроили подсвѣчники. Все было разборное, снимавшееся съ мѣста, согласно требованію коменданта: манежъ долженъ былъ служить не только для Богослуженія, но и для повѣрки («Appel») и для гимнастики.

— «Я понимаю, что Церковь — это высокое дѣло», говорилъ мнѣ старый маіоръ: «но я не позволю вамъ устраивать сплошную стѣну, какъ въ Нейссе, за которой не видно, что́ дѣлаетъ тамъ священникъ. — А, быть можетъ, онъ роетъ подкопъ?!» говорилъ, хитро улыбаясь, комендантъ.

Неудобствъ для устройства Богослуженія здѣсь было тоже много. Иконы и другіе священные предметы для Богослуженія приходилось каждый разъ снимать, убирать и уносить на храненіе въ свою комнату, а манежъ приводить въ порядокъ; кромѣ того, часы для Богослуженія были комендантомъ ограничены и для устройства «храма» передъ Богослуженіемъ — было очень мало времени: «Wach'a» впускала меня въ манежъ до Богослуженія всего за ¼ часа.

Для того, чтобы молящіеся офицеры не могли бѣжать, посреди двора, отъ главнаго зданія къ манежу, нѣмцы протянули проволоку (послѣ Богослуженія уби-

равшуюся), причемъ за эту проволоку мнѣ предложено было изъ суммъ Церкви заплатить 10 марокъ; я, конечно, заплатилъ.

И все-таки, когда зажигали свѣчи передъ бумажными иконочками (Казанской Божіей Матери и Свят. Іоасафа Черниговскаго) на импровизированномъ изъ партъ иконостасѣ, и начиналось проникновенное служеніе о. Назарія при прекрасномъ пѣніи хора (резонансъ въ манежѣ былъ отличный), — все забывалось, и мы горячо молились въ нашей скорби!...

Были тяжелые дни отхода нашихъ армій изъ Польши. Прочитали телеграммы о паденіи крѣпостей: Ивангорода и Новогеоргіевска и объ осадѣ Ковно. Значитъ — думалъ я — Литва тоже въ опасности, и, быть можетъ, уже идетъ эвакуація и Вильны. Судьба моей семьи безпокоила меня: послѣднее письмо я только что получилъ отъ жены еще изъ Вильны. Успѣетъ ли семья и куда выѣдеть изъ родного, насиженнаго гнѣзда? На душѣ у насъ «скребли кошки». Нѣмцы ликовали!

Хотя въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ въ Нейссе, но и здѣсь, во время нѣмецкихъ побѣдъ, манифестаціи и шествія мѣстныхъ жителей со знаменами, флагами и плакатами приходили на гору, гдѣ стоялъ нашъ замокъ. Ихъ торжествующее пѣніе и дикіе выкрики: «Russland kaput!», протянутые съ угрозой по нашему адресу кулаки, оскорбляли нашъ слухъ и зрѣніе!

Большую радость и утѣшеніе давали въ эти дни рѣдкія письма нашихъ родныхъ. Не могу не привести здѣсь трогательнаго письма, полученнаго мною отъ одной простой, скромной старицы — схимонахини, знавшей меня еще мальчикомъ.

„Схимонахиня", это — монахиня, заживо отпѣтая, и потому навсегда отрекшаяся отъ видимаго міра, обыкновенно живущая гдѣ-нибудь въ скиту, но одиноко, вдали отъ главнаго монастыря и совершенно не пока-

зывающаяся людямъ. Къ такому подвигу отреченія отъ всего земного приготовляютъ свою душу многолѣтнимъ послушаніемъ, постомъ и молитвою.

И такая старица прислала мнѣ письмо:

»Безцѣнный и достоуважаемый Александръ Арефьевичъ! Прежде всего призываю я на Васъ Божье благословеніе и усердно молю Господа и Царицу Небесную, чтобы Господь помогъ Вамъ перенести этотъ тяжелый крестъ и пройти тернистый путь, который Вы уже прожили 6 мѣсяцевъ Вашего терпѣнія и страданія. Этотъ тернистый путь соединяетъ Васъ съ Господомъ для будущей жизни, потому Господь и посылаетъ Вамъ такія скорби: здѣсь скоротечно, а тамъ вѣчно въ раю за скорби получите вѣчную радость. Призывайте Господа въ трудныя минуты и Ангела-Хранителя, и Вы получите облегченіе! Я, грѣшница, молюсь за Васъ каждый день и подаю просфорки, чтобы Господь помогъ перенести скорби и возвратиться на родину. Пожелавъ Вамъ всего лучшаго, остаюсь повседневная молитвенница за Васъ схимонахиня Евтропія.

28-го іюля 1915-й г.»

Это благословеніе и утѣшеніе въ моей скорби, словно съ того свѣта присланное, произвело на меня глубочайшее впечатлѣніе! Въ самыя тяжелыя минуты плѣна я перечитывалъ эти строки и слѣдовалъ совѣтамъ схимонахини Евтропіи, познавшей тщету всего земного... »Здѣсь скоротечно, а тамъ вѣчно!»

. . . .

Проволочныя загражденія, устраиваемыя нашимъ комендантомъ вдоль короткаго тротуара отъ главнаго зданія до манежа, при каждомъ вечернемъ Богослуженіи, его нелѣпыя предположенія — не копаетъ ли подкопъ священникъ, скрываясь въ алтарѣ, — смѣшили насъ сильно, но, какъ это ни странно, а натолкнули кое-кого изъ насъ на мысль бѣжать, именно, черезъ Церковь-манежъ.

Первый офицеръ, удачно бѣжавшій здѣсь, былъ Генер. Штаба капит. Черновецкій.

Онъ помѣщался въ то время въ одной комнатѣ со мной. Изъ его разказовъ я узналъ, что онъ за недѣлю до войны повѣнчался съ горячо любимой дѣвушкой. Война нарушила ихъ медовый мѣсяцъ, но, все таки они, хотя изрѣдка, но могли встрѣчаться, а вотъ плѣнъ уже надолго разлучилъ ихъ! Получая отъ красавицы — молодой жены (фотографію ея онъ мнѣ показывалъ) письма, въ каторыхъ она изливала свою тоску и отчаяніе отъ разлуки съ нимъ, капит. Черновецкій очень волновался и не находилъ себѣ мѣста, чтобы успокоиться. Онъ цѣлыя ночи не спалъ и въ волненіи ходилъ по комнатѣ, какъ сумасшедшій. Однажды въ задушевной бесѣдѣ со мной онъ признался, что согласно послѣдняго письма жены, за ней усиленно началъ ухаживать его бывшій соперникъ, который еще раньше, чѣмъ онъ, добивался ея руки... Страшныя муки ревности, видимо, сильно мучили бѣднаго капитана, и онъ рѣшилъ бѣжать.

Капит. Черновецкій хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, и уже раздобылъ настоящія нѣмецкія деньги, продавъ нѣмцамъ за безцѣнокъ золотое кольцо; костюмъ рабочаго былъ приготовленъ. Мы составили съ нимъ планъ побѣга черезъ манежъ — Церковъ ночью, но послѣ вечерняго Богослуженія. Ежедневно манежъ послѣ вечерней повѣрки запирался нѣмцами до утра, но по субботамъ, передъ всенощной, часовъ въ $5^1/_2$ веч., нѣмецкій караулъ, развѣсивъ проволоку отъ крыльца къ манежу на дворѣ, снова открывалъ манежъ и впускалъ меня, какъ ктитора приготовить, все, что нужно внутри зданія для Богослуженія. Впустивъ меня въ манежъ, караулъ уходилъ опять въ главное зданіе, и уже только въ 6 час. выпускалъ оттуда священника и офицеровъ, идущихъ на Богослуженіе въ манежъ. Являлись: переводчикъ и одинъ караульный солдатъ въ ка-

скѣ для наблюденія за молящейся публикой. Между прочимъ, снимать съ головы каску во время Богослуженія караульные солдаты отказывались, и это насъ сильно возмущало.

Такъ вотъ, въ эти 1/2 часа до Всенощной, когда еще никого въ манежѣ не было, капит. Чарновецкій пришелъ ко мнѣ съ нотами и пачкой свѣчей для Церкви, якобы забытыми мною въ комнатѣ; нѣмцы, ничего не подозрѣвая, пропустили его въ манежъ.

Снялъ Черновецкій шинель и очутился въ костюмѣ нѣмецкаго пейзана. Я, спрятавъ его шинель, помогъ ему взобраться при помощи двухъ столовъ и веревочной лѣстницы черезъ открывающійси люкъ — на чердакъ. Уголъ манежа, гдѣ мы все это продѣлали, не былъ видимъ изъ главнаго зданія. Я пожелалъ бѣглецу успѣха, и люкъ захлопнулся.

Быстро навелъ я порядокъ въ манежѣ, да уже и время было: со двора входилъ священникъ (я его не посвящалъ въ этотъ побѣгъ), переводчикъ, караульный въ каскѣ и за ними — плѣнные офицеры.

Послѣ всенощной, когда всѣ молящіеся ушли, караулъ, вмѣстѣ со мной, по обыкновенію, обошелъ весь манежъ, особенно внимательно осматривая алтарь и полъ (нѣтъ ли гдѣ подкопа?) и, выйдя изъ манежа, какъ всегда, на ночь заперли его.

Позднѣе, уже въ Литвѣ, капит. Черновецкій разсказалъ мнѣ, какъ онъ бѣжалъ изъ манежа.

Ночью, передъ разсвѣтомъ, когда часовые во 2-й наружной линіи прекращали свой обходъ вокругъ лагеря, Черновецкій удачно, по веревочной лѣстницѣ, черезъ слуховое окно, спустился съ чердака и въ заранѣе намѣченномъ мѣстѣ, пролѣзъ подъ проволочнымъ загражденіемъ и, такимъ образомъ, очутился на свободѣ. Въ дальнѣйшемъ своемъ маршрутѣ онъ все равно былъ пойманъ нѣмецкими жандармами почти на границѣ Австріи и водворенъ былъ въ репрессивный лагерь.

Въ нашемъ лагерѣ нѣмцы такъ и не узнали, что онъ бѣжалъ черезъ манежъ, потому что въ тотъ же день, въ субботу утромъ, бѣжали два офицера изъ нѣмецкой бани, гдѣ они группой мылись; нѣмцы поймали ихъ скоро и были убѣждены, что и капит. Черновецкій бѣжалъ тоже изъ бани.

Удачный побѣгъ кап. Черновецкаго черезъ Церковь привлекъ другихъ смѣльчаковъ послѣдовать его примѣру, но, къ сожалѣнію, составился у нихъ другой планъ: словно оправдывая опасенія маіора о подкопахъ въ Церкви, они именно начали внутри манежа рыть подкопъ; для чего осторожно разобрали въ одномъ мѣстѣ полъ, причемъ искусно скрывали входъ въ него, каждый разъ ставя тамъ тяжелый шкафъ.

Медленно, съ большимъ трудомъ, копали землю примитивно сдѣланными изъ тонкихъ досокъ лопатами. Тонкія дощечки (фанеру) нѣмцы разрѣшали покупать военно-плѣннымъ для ихъ работъ по выпиливанію по дереву, чѣмъ въ плѣну многіе изъ насъ увлекались.

Хотя копаніе подкопа велось очень маленькой компаніей офицеровъ «въ секретѣ», но скоро почти весь лагерь зналъ объ этомъ: слишкомъ трудно было, вообще, при такой тѣсной совмѣстной жизни плѣнныхъ, сохранить какую-нибудь тайну. И, дѣйствительно, глубокій узкій подкопъ уже доведенъ былъ до наружной стѣны манежа, кахъ однажды нѣмцы передвинули шкафъ во время уборки; и, такимъ образомъ, подкопъ былъ обнаруженъ, но виновные не найдены. Манежъ былъ закрытъ, и Богослуженіе пришлось перенести опять въ столовую.

Какъ репрессія за этотъ подкопъ и побѣги — послѣдовало запрещеніе прогулокъ. Но прогулки эти и такъ мало доставляли удовольствія; группу офицеровъ на прогулкѣ сопровождалъ каждый разъ, кромѣ переводчика, конвой, и это отравляло все удовольствіе прогулки. Видъ вооруженныхъ солдатъ все

время напоминалъ о плѣнѣ, особенно о первомъ нашемъ «пути въ плѣнъ» . . . Да и дождливая осень не располагала къ прогулкамъ на лонѣ природы. . . .

. . . .

1-го октября я получилъ письмо отъ своего отца съ извѣщеніемъ, что семья моя изъ Вильно въ спѣшномъ порядѣ эвакуирована въ Москву, гдѣ и устраивается на жительство. Всѣ здоровы, но изъ письма отца видно, что много горя перенесли съ этимъ бѣженствомъ: потеряно почти все имущество, потому что вещи, которыя успѣли привезти изъ квартиры на вокзалъ въ Вильно, въ суматохѣ не были погружены на поѣздъ съ бѣженцами и, очевидно, пропали; обстановка и мебель квартиры въ Вильно тоже оставлены на произволъ судьбы. Я объ этой потерѣ особенно тогда не горевалъ, радуясь, что жена и дѣти здоровы.

. . . .

VI.

Пріѣздъ Русской сестры милосердія. О солдатскихъ лагеряхъ. Церковь на костяхъ русскихъ военноплѣнныхъ. Тезоименитство Русскаго Государя. Устройство Церкви на чердакѣ. Иконы и свѣчи изъ Россіи. Образъ Нерукотворнаго Спаса художника Астафьева.

Тусклая, монотонная жизнь нашего лагеря была неожиданно, какъ лучемъ солнца, освѣщена посѣщеніемъ русской сестры милосердія, о пріѣздѣ которой комендантура извѣстила насъ еще наканунѣ. Стало извѣстно, что въ Германію прибыли для посѣщенія своихъ плѣнныхъ три русскія сестры милосердія, въ томъ числѣ вдова трагически погибшаго въ Восточной Пруссіи, генер. Самсонова (ком. II-й арміи); она, между прочимъ, хотѣла разыскать могилу своего мужа и перевезти тѣло его въ Россію.

Сестра милосердія, посѣтившая нашъ лагерь, была П. В. Каземъ-Бекъ. Ее сопровождалъ представитель Датскаго Краснаго Креста.

Восторженно, съ цвѣтами въ рукахъ, мы встрѣтили эту симпатичную добрую даму. Вѣдь это была первая женщина, переступившая порогъ нашего заключенія! Оторванные войной и плѣномъ отъ своихъ матерей, женъ, сестеръ и невѣстъ, мы всѣ сильно тосковали по женской душѣ, по женской ласкѣ! А посѣтившая насъ сестра милосердія привезла всѣмъ намъ привѣтъ отъ Родины; она разсказала намъ, что тамъ дома дѣлается и какія новости на фронтѣ. Отъ нея мы узнали, что русская армія, не имѣя снарядовъ (это оказалось правдой), штыками остановила наступленіе нѣмцевъ.

Въ свою очередь, мы разсказали ей про наше житье—бытье въ плѣну у нѣмцевъ, голоданіе и ограниченіе прогулокъ (подъ конвоемъ). Съ удивленіемъ узнали мы, что въ Россіи плѣнные офицеры пользуются не только прогулками во всякое время дня, но во многихъ городахъ и полной свободой передвиженія. Между прочимъ, мы заявили сестрѣ, что, несмотря на наши протесты, наши деньщики-солдаты содержатся здѣсь на чердакѣ въ неотапливаемомъ помѣщеніи, а надвигается зима.

Сестра милосердія передала намъ 1000 марокъ — подарокъ Царицъ, записала всѣ наши, какъ общія для всего лагеря, такъ и личныя каждаго изъ насъ претензіи и просьбы, въ особенности объ уплатѣ въ Россіи нашимъ семьямъ содержанія.

Сестра Каземъ-Бекъ порадовала насъ сообщеніемъ, что всѣ представленія къ наградамъ офицеровъ XX-го корпуса за послѣдніе бои прошли въ Главномъ Штабѣ послѣ того, какъ Слѣдственная Комиссія дала свое заключеніе о геройскихъ бояхъ и причинѣ гибели XX-го корпуса. Многіе изъ насъ были представлены за эти

1916 г.

(Къ стр. 90)

На перед. планѣ: Сестра мил. П. В. Каземъ - Бекъ и представитель Даніи. Въ группѣ слѣва на право: Ген. Шт. полк. Шифринъ, капит. И. П. Баллодъ, авторъ, полк. Ерофѣевъ и др.

(Къ стр. 91)

бои къ производству въ слѣдующіе чины и къ орденамъ. Представленія сдѣлалъ о насъ командующій полкомъ въ послѣднихъ бояхъ полк. А. Н. Соловьевъ.

Вспоминаю умилительную картину: небольшой дворикъ внутри нашего лагеря; по-осеннему ласково грѣетъ солнце; мы тѣсной толпой окружили сестру милосердія и, какъ дѣти, стараемся поближе пробраться къ ней, ловимъ ея фразы, словно забыли, что мы въ плѣну. Видя среди себя такую добрую, такую ласковую даму, съ особеннымъ вниманіемъ выслушивавшую наши печали, наши нужды въ плѣну, каждый въ ея лицѣ вспоминалъ свою мать, свою жену, своего друга. . . Самыя хмурыя лица плѣнныхъ офицеровъ оживились и просвѣтлѣли.

Въ плѣну съ нами былъ одинъ молоденькій кадетъ, Коля Ушаковъ, доброволецъ, за отличіе въ бояхъ произведенный, несмотря на свою юность (17 лѣтъ!), въ офицеры. Когда сестра милосердія увидала совершенно дѣтское лицо и фигурку этого прапорщика (къ тому же онъ былъ маленькаго роста), она ахнула отъ удивленія и жалости, обняла его и — поцѣловала! Коля Ушаковъ страшно сконфузился и покраснѣлъ. Но она ему сказала: «Милый, не обижайтесь, у меня на фронтѣ сынъ гораздо старше Васъ!»

Шутки и веселый смѣхъ впервые искренно и беззаботно зазвучали среди насъ, словно забыли мы, что находимся въ плѣну у враговъ, а не дома. Никто изъ администраціи лагеря не долженъ былъ присутствовать при этомъ свиданіи сестры милосердія съ плѣнными.

На нашъ вопросъ: «долго ли продлится война? — П. В. Каземъ-Бекъ сказала, что, вѣроятно, долго: врагъ еще очень силенъ. На нашъ вопросъ: «Какъ содержатся въ плѣну наши солдаты?» (она посѣтила уже нѣсколько солдатскихъ лагерей), — она съ грустью отвѣтила, что, помимо строгаго нѣмецкаго режима и непосильныхъ работъ, кормятъ солдатъ очень скверно

и что въ нѣкоторыхъ лагеряхъ солдаты умираютъ отъ голоднаго тифа, сотнями, а во всѣхъ лагеряхъ, вѣроятно, и тысячами!

Я съ сожалѣніемъ подумалъ о своихъ солдатахъ — уфимцахъ, особенно о тѣхъ изъ нихъ, съ которыми пришлось мнѣ переживать на войнѣ радости побѣдъ и горечь пораженій.

Уѣхала отъ насъ сестра милосердія, сопровождаемая нашимъ напутствіемъ, благодарностью и горячими пожеланіями полной побѣды Родинѣ...

. . . .

Въ плѣну я получилъ слѣдующее письмо отъ унт.-офицера Алексѣя Калинина 16-ой роты, которой я командовалъ на войнѣ:

«1916-й г- 20 сент. Здравія желаю, Ваше Высокоблагородіе! Я — Алексѣй Калининъ — ст. унт.-офицеръ бывшей ввѣренной Вамъ 16-ой роты, прошу Вашего разрѣшенія, увѣдомить Васъ о своей судьбѣ. Въ бою 3-го февр. 1915 г. я попалъ въ плѣнъ подъ Махорцами, теперь здоровъ. Посылаю я Вамъ искреннее почтеніе отъ всего сердца и желаю Вамъ найлучшаго въ будущей жизни и увѣдомляю, что фельдфебель Нагулевичъ тоже въ плѣну. Адресъ мой: Ostpreussen, Arys» и т. д.

Я сейчасъ же отправилъ по почтѣ этому унт.-офицеру 5 марокъ, при слѣдующемъ письмѣ на обрѣзкѣ денежнаго перевода: «Дорогой Калининъ, извѣсти о полученіи денегъ. Гдѣ Афанасьевъ и Нагулевичъ? Искренно желаю всѣмъ вамъ добраго здоровья и благополучно вернуться домой. Кто съ тобой 16 ой роты? Подполк. Успенскій».

Но, каково было мое удивленіе и досада, когда, черезъ нѣсколько дней, я получилъ и деньги и письмо изъ солдатскаго лагеря «Арисъ» обратно. Комендантура разъяснила мнѣ, что письменныя сношенія, а тѣмъ болѣе пересылка денегъ между плѣнными офицерами

и солдатами — запрещена! Такимъ образомъ, мы ничѣмъ не могли помочь своимъ солдатамъ, умиравшимъ въ плѣну отъ голода.

Я лично не видѣлъ, какъ содержались и питались наши солдаты въ плѣну, но то, что разсказывали мнѣ посѣщавшіе эти лагери священники и попавшіе изъ этихъ лагерей въ нашъ лагерь солдаты (деньщики), — полно ужаса!

Вотъ сообщенія священника, нынѣ заслуженнаго протоіерея о. Михаила Павловича, пробывшаго у нѣмцевъ въ плѣну почти 4 года въ разныхъ солдатскихъ лагеряхъ.

Въ огромномъ солдатскомъ лагерѣ въ гор. Черскѣ онъ за 7 мѣс. похоронилъ болѣе 5.000 солдатъ. Главная причина смертности — туберкулезъ отъ истощенія. Въ лагерѣ было два большихъ лазарета: одинъ общій, другой — для туберкулезныхъ. Въ одинъ непрекрасный день послѣдовало распоряженіе лазаретамъ помѣнять свои помѣщенія и, такимъ образомъ, въ загрязненный, заплеванный чахоточными лазаретъ — попали больные изъ общаго лазарета и, конечно, почти всѣ они заразились чахоткой. Смертность была ужасная, хоронить приходилось по 20-25 чел. въ день! Это напоминаетъ «участокъ смерти» на фронтѣ! (См. стр. 134 „На войнѣ".)

Этотъ же священникъ въ лагеряхъ Черскѣ и Августабадѣ своими глазами видѣлъ слѣдующія наказанія плѣнныхъ солдатъ, безъ всякаго суда, властью фельдфебеля или унт.-офицера, завѣдующаго баракомъ: „подвѣшиваніе", причемъ плѣнный, вися на столбѣ всей тяжестью тѣла на своихъ рукахъ продолжительное время, снимался обыкновенно въ полномъ обморокѣ; въ лагерѣ Черскѣ въ жаркій день на глубокомъ пескѣ — „бѣгъ" до полнаго изнуренія и паданія; въ лагерѣ Пархимъ — очистка отхожихъ мѣстъ и перевозка нечистотъ плѣнными (вмѣсто лошадей).

видѣлъ своими глазами о. Михаилъ, какъ конвойные солдаты кололи штыками тѣхъ голодныхъ солдатъ (русскихъ и французовъ), которые пытались изъ помойныхъ ямъ доставать картофельную шелуху и т. п.

Во всѣхъ солдатскихъ лагеряхъ нѣмцы организовали спеціальныя „библіотеки“ для плѣнныхъ солдатъ: порнографическія книги, подрывавшія нравственность солдата, или революціонныя, направленныя противъ государственнаго строя родины плѣннаго.

Когда священникъ о. Михаилъ, возмущеный всѣмъ этимъ, заступался за несчастныхъ плѣнныхъ и обращался съ жалобой къ комендантамъ лагерей, — его выслушивали, обѣщали „разобрать“ дѣло и сейчасъ же ссылали его въ другой лагерь; а когда этотъ священникъ въ своихъ бесѣдахъ съ плѣнными солдатами началъ внушать имъ, что они не должны исполнять тѣхъ работъ, которыя направлены противъ своихъ же войскъ, какъ то: рытье окоповъ на фронтѣ, работы въ разныхъ патронныхъ, ружейныхъ и пороховыхъ заводахъ и фабрикахъ,—нѣмцы запретили ему не только бесѣды, но и совершеніе Богослуженія.

Кстати, здѣсь вспомнить русскую Церковь въ Словеніи, недалеко отъ гор. Люблянъ (Югославія). Церковь эта построена **на костяхъ русскихъ военно-плѣнныхъ**: во время Великой Войны австрійцы заставили плѣнныхъ построить стратегическое шоссе въ совершенно дикой мѣстности отъ Краинской горы (на высотѣ 1100 метр.), черезъ перевалъ къ итальянскому фронту; на постройкѣ этого шоссе отъ несказанныхъ страданій и погибло очень много русскихъ солдатъ, причемъ, напр., однажды подъ снѣжнымъ обваломъ погребены были сразу нѣсколько сотъ человѣкъ.

* * *

Пришла зима. Изъ оконъ нашего зданія вездѣ виденмні ъ былъзий пейзажъ: холмы и поля, покрытые

Зимній пейзажъ въ окрестностяхъ Гнаденфрей.

(къ стр. 95)

снѣгомъ, голыя деревья и кусты вдоль шоссе... картина, напоминавшая намъ зиму, проведенную на фронтѣ въ Восточной Пруссіи.

6-го декабря было торжественное Богослуженіе — праздникъ Св. Николая Чудотворца и тезоименитство (день Ангела) Русскаго Государя.

Нѣмцы, что касается соблюденія извѣстныхъ обычаевъ не только у себя, но и у своихъ враговъ,—большіе политики. Такъ, наканунѣ этого дня, комендантъ пригласилъ старшаго въ лагерѣ Полк. Рустановича и объявилъ ему, что свыше (изъ Берлина) разрѣшено намъ въ плѣну праздновать именины своего императора, и при этомъ запросилъ, какъ мы предполагаемъ праздновать этотъ день?

На совѣщаніи штабъ-офицеровъ лагеря по этому запросу было рѣшено и сообщено коменданту: наканунѣ и въ самый день праздника будетъ совершено Богослуженіе, а послѣ обѣдни будетъ отслуженъ торжественный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю и послѣ молебна будетъ пропѣтъ русскій гимнъ; для нижнихъ чиновъ (деньщиковъ и прочихъ солдатъ-плѣнныхъ) будетъ устроенъ на наши средства улучшенный обѣдъ въ офицерской столовой лагеря.

Комендантъ лагеря согласился съ этой программой, но по поводу улучшеннаго обѣда для солдатъ очень удивлялся и долго пожималъ своими худыми плечами.

Къ этому празднику Церковь-столовая была украшена зеленью и цвѣтами, а къ потолку привѣшена была художественной работы (шт.-кап. Соловкина)—большая люстра.

Для того, чтобы обставить молебенъ, произнесеніе «здравицы» и пѣніе гимна болѣе торжественно и доступно для всѣхъ офицеровъ лагеря (въ столовой могли помѣститься не болѣе 100 чел.), рѣшено было

молебенъ служить на средней площадкѣ парадной лѣстницы.

6-го декабря, по окончаніи обѣдни въ церкви, всѣ военнно-плѣнные русскіе и представители отъ другихъ союзныхъ государствъ собрались на парадной лѣстницѣ и на корридорахъ, примыкающихъ къ ней. Изъ церкви двинулся крестный ходъ на среднюю площадку лѣстницы.

На площадкѣ, когда иконы поставлены были для молебна на украшенномъ цвѣтами мѣстѣ, іеромонахъ о. Назарій произнесъ прочувствованное слово на тему о любви къ Родинѣ и Государю, гдѣ бы и при какихъ бы обстоятельствахъ то ни было. Начался молебенъ Святителю Николаю.

Богослуженіе, видимо, произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ, не исключая и присутствовавшихъ на немъ французовъ, англичанъ и бельгійцевъ. Нѣмцы (гауптманнъ, лейтенантъ, переводчики и прочая администрація), всѣ въ парадной формѣ и въ каскахъ, сосредоточенно прислушивались къ мотивамъ и словамъ молитвъ.

По окончаніи молебна, старшій въ лагерѣ произнесъ «Здравицу» Государю Императору, громкое «ура» потрясло своды зданія, полились звуки «Боже, Царя храни!», причемъ нѣмцы держали руки у каски (отдали честь). Воодушевленные расходились мы послѣ молебна, вспоминая все пережитое въ этотъ день. Для нижнихъ чиновъ устроенъ былъ улучшенный обѣдъ въ нашей столовой.

Нѣмцы въ мѣстной газетѣ отмѣтили: Богослуженіе и празднованіе нами именинъ своего Государя, подчеркнувъ, что и въ Россіи должны плѣннымъ нѣмцамъ позволить свободно праздновать день рожденія ихъ Кайзера.

Неудобства при отправленіи Богослуженія въ

Церковь въ столовой. Слѣва на право: прап. Ю. С. Арсеньевъ, лейтенантъ г. Шварцъ и авторъ.

6-е Декабря 1915 г.—молебенъ.

(Къ стр. 96).

столовой заставили меня, какъ ктитора, искать отдѣльное помѣщеніе для устройства постояннаго храма.

Очень хотѣлось имѣть такое постоянное мѣсто для молитвы, гдѣ никто бы не нарушалъ его святости и мы никого-бы не стѣсняли. И вотъ, скоро Господь все устроилъ!

По настоянію сестры милосердія (см. выше), въ виду наступившихъ морозовъ, помѣщеніе для солдатъ (плѣнныхъ) на чердакѣ безъ печей—было освобождено, и солдаты помѣщены въ отапливаемыхъ комнатахъ. Освобожденный чердакъ былъ обширнымъ и высокимъ, и я, побывавъ здѣсь, сразу загорѣлся мыслью во что бы то ни стало, перенести церковь; хотя здѣсь было очень холодно, но, вѣдь, можно—думалъ я—поставить здѣсь переносныя печи, забить всѣ щели и лишнія окошечки. Расположеніе храма уже рисовалось въ моемъ воображеніи!

Прежде всего, привелъ я сюда нашего батюшку о. Назарія; долго мы ходили съ нимъ по чердаку, мысленно примѣряя, какъ можно расположить здѣсь части храма. Получивъ его одобреніе и заручившись согласіемъ старшаго въ лагерѣ, я отправился сначала къ добрѣйшему лейтенанту Шварцу и попросилъ его протекціи у коменданта на согласіе отвести пустой чердакъ для устройства здѣсь нашей церкви.

Подготовивъ такимъ образомъ «почву», на другой день, вмѣстѣ съ переводчикомъ, я отправился къ маіору.

Я выяснилъ коменданту все неудобство и стѣсненіе при отправленіи Богослуженія въ столовой (рядомъ кантина, гдѣ пили вино и пиво) не только для насъ, православныхъ (оскорбленіе чувства и святости мѣста), но и для офицеровъ другихъ исповѣданій (лишеніе, хотя и на короткое время, столовой и кантинъ). Маіоръ, видимо подготовленный, на мою просьбу согласился, но обставилъ согласіе нѣкоторыми условіями, а именно: переносныя печи ставить на чердакѣ не раз-

рѣшилъ, обязалъ меня поставить двѣ большихъ бочки съ водой; каждый разъ послѣ Богослуженія запирать чердакъ и ключъ сдавать въ комендантуру и, вообще, быть лицомъ отвѣтственнымъ за это помѣщеніе въ отношеніи порядка и пожара; о каждомъ Богослуженіи давать знать въ комендантуру, чтобы присутствовалъ переводчикъ и т. п.

Для устройства церкви на чердакѣ я пригласилъ и ранѣе помогавшихъ мнѣ: подъ-есаула Н. М. Семенова и подпоручика В. И. Отрѣшко, а также оружейнаго мастера В. И. Николаева. Мы составили смѣту на матеріалы, необходимые для иконостаса, алтаря и пр., согласно намѣченнаго нами плана будущаго храма-чердака.

Главное, чего не доставало, это—православныхъ иконъ и восковыхъ свѣчей, и я написалъ сестрѣ своей С. А. У. въ Москву хлопотать о высылкѣ намъ таковыхъ для церкви. Съ такой же просьбой я обратился къ своему однополчанину полк. К. В. Крикмейеру, полк. Я. Е. Шебуранову, надворн. совѣтнику Н. А. Жуковскому и прап. Н. В. Синицыну, причемъ просилъ ихъ также позаботиться заранѣе о выпискѣ для будущихъ Богослуженій на Страстной недѣлѣ—плащаницы; посылки и письма шли туда и обратно не менѣе двухъ мѣсяцевъ, и поэтому мы съ о. Назаріемъ рѣшили, пока что, выписать для церкви нѣсколько священныхъ картинъ изъ Бреславля (каталогъ картинъ уже находился у меня). Кромѣ того, выписанную для себя картину Сикстинской Мадонны Рафаэля въ краскахъ (копіи), за неимѣніемъ православныхъ иконъ, пожертвовалъ въ церковь.

Работа закипѣла. Подъесаулъ Семеновъ создалъ красивый иконостасъ. Царскія врата, въ русскомъ стилѣ, художественной работы, выполнили онъ и пор. Отрѣшко. Въ помощь имъ къ работѣ я пригласилъ еще нѣкоторыхъ офицеровъ для рѣзьбы по картону;

У Алтаря настоятель церкви Іеромонахъ о. Назарій Гарбузовъ.

(Къ стр. 399)

плотничную работу взяли на себя полк. Я. Е. Шебурановъ и В. И. Николаевъ.

Оставалось нѣсколько дней до Р. Х., и поэтому мы усиленно спѣшили устроить храмъ къ празднику.

Наконецъ, въ сочельникъ все главное было окончено. Чердакъ нельзя было узнать, получилась оригинальная уютная церковь съ чердачными стропилами и балками, очень изящная: иконостасъ голубого цвѣта, украшенный художественной работой посеребренными орнаментами, такія же Царскія врата съ крестомъ и сіяніемъ, рѣзныя южныя и сѣверныя двери — все въ русскомъ стилѣ; надъ алтаремъ повѣсили образъ Мадонны въ деревянной красивой рамѣ (ручная работа группы офицеровъ); запрестольный крестъ и бѣлый (эмалированной краски) семисвѣчникъ — работы полк. Я. Е. Шебуранова и В. В. Орѣхова; на иконостасѣ иконы (католическаго письма): Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и Богоматери — «Неустающей помощи», у южныхъ дверей на деревѣ образъ Св. Николая Чудотворца; лѣвѣе — бумажный образокъ Казанской Божіей Матери. Другихъ образовъ не было, но я ожидалъ полученія ихъ изъ Россіи. Вскорѣ я и получилъ образъ Рождества Христова (отъ семьи полк. Крикмейера); быстро приготовили къ нему изящную, мозаичной работы, раму: георгіевская лента съ крестиками по угламъ — работа капит. Басова.

Позолоченное паникадило, рѣзное изъ картона повѣсили по срединѣ церкви, соорудили еще двѣ люстры изъ металлическихъ круговъ отъ ламповыхъ абажуровъ, любезно подаренныхъ квартермистромъ лагеря. Это былъ скромный и добродушный человѣкъ, онъ же помогъ мнѣ устроить для церкви газовое освѣщеніе и наверху чердака — деревянные хоры для пѣвчихъ.

Я помню, какъ онъ отказался отъ вознагражденія рабочихъ, привозившихъ изъ лѣсного склада доски.

— «Не нужно, это для Бога, Богъ у насъ одинъ»—сказалъ онъ.

Вообще, если что-нибудь нужно было достать, или устроить для церкви, я всегда обращался къ нему, видя его искреннее желаніе помочь намъ — плѣннымъ.

Итакъ, въ сочельникъ, наканунѣ Р. Х., нашъ священникъ о. Назарій сдѣлалъ освященіе храма. Сердце радовалось, что мы, наконецъ, имѣемъ уединенный, священный уголокъ, гдѣ можемъ молиться въ нашей скорби, и никто намъ не мѣшаетъ, и никого мы не стѣсняемъ.

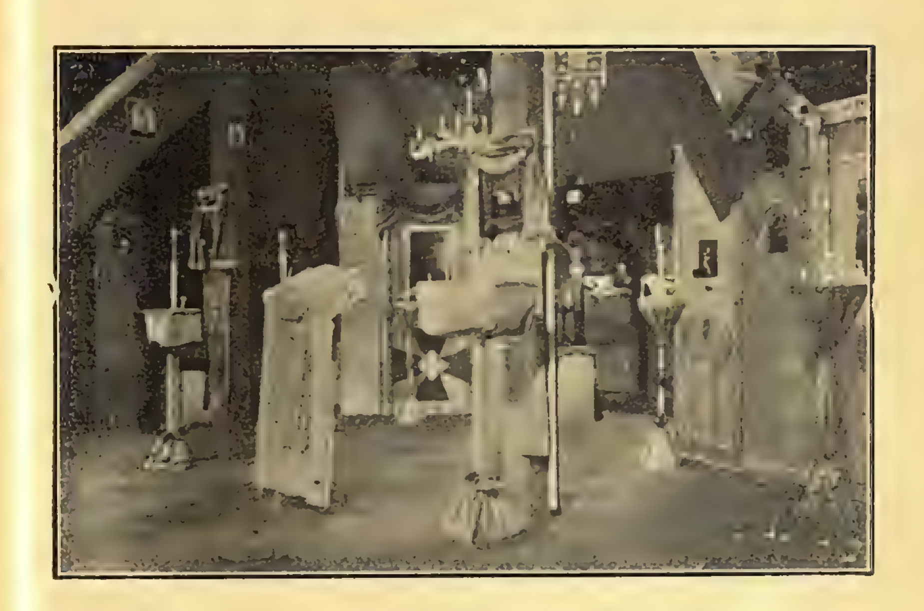
На торжественномъ Рождественскомъ Богослуженіи храмъ—чердакъ былъ переполненъ публикой: пришли многіе изъ плѣнныхъ французовъ, англичанъ и бельгійцевъ, а также нѣкоторые изъ нѣмцевъ (квартермистръ былъ на всенощной и обѣднѣ).

Церковный хоръ, подъ управленіемъ неутомимаго ген.-штаба капитана В. В. Добрынина, къ празднику окончательно сформировался и очень стройно пѣлъ все «партесное».

Такъ, съ Божьей помощью, открылся въ плѣну нашъ «постоянный» (какъ мы думали!) храмъ на чердакѣ.

О иконахъ и свѣчахъ для нашей церкви, по моей просьбѣ уже давно хлопотали въ Москвѣ, и наконецъ, начали прибывать на мое имя — сначала иконы двунадесятыхъ праздниковъ отъ семьи моего однополчанина полк. Крикмейера,—каждый разъ къ извѣстному празднику, — а потомъ и отъ другихъ многихъ жертвователей по той замѣткѣ — воззванію въ журналѣ «Искра», что по своей иниціативѣ помѣстила родная сестра моя С. А. У. Въ номерѣ журнала «Искры» помѣщенъ былъ снимокъ нашей церкви, съ просьбой присылать намъ для церкви иконы и свѣчи.

На первой недѣлѣ Великаго поста о. Назарій совершалъ Богослуженіе ежедневно, трогательно читая

Церковь на чердакѣ въ лагерѣ военн-плѣнныхъ Гнаденфрей.

(Къ стр. 99)

покаянный канонъ Св. Андрея Критскаго. Пѣли говѣющіе офицеры сами.

Однажды вмѣсто обычнаго ордера на 200 маленькихъ парафиновыхъ свѣчей на мѣсяцъ, принесли мнѣ ордеръ только на 20 свѣчей. Вечеромъ того дня, передъ самой Всенощной, когда я зажигалъ лампадки передъ иконами, и въ церкви еще никого не было, на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги и звонъ шпоръ. Открылась дверь и появился самъ комендантъ въ сопровожденіи прап. Ю. С. Арсеньева (сынъ русскаго посла въ Норвегіи), исполнявшаго въ нашей церкви должность псаломщика.

«Скупой рыцарь» былъ взволнованъ. Размахивая длинными руками, и все время показывая мнѣ пальцемъ на одиноко горѣвшій огарокъ у иконы, захлебываясь и задыхаясь, онъ сказалъ: «Oberst! Вы сами отрѣзали путь къ этому! (поним.: къ свѣчамъ!) Больше я не буду подписывать ваши требованія на свѣчи! Ваши войска, тамъ на фронтѣ, варварски оскорбили его превосходительство, моего друга, генерала, начальника дивизіи. Они напали на его штабъ ночью и, не давъ одѣться, заставили его превосходительство, моего друга, н-ка дивизіи въ одномъ бѣльѣ идти зимой по снѣгу, въ морозъ, въ плѣнъ! О варвары! О азіаты»!!

Маіоръ еще разъ сердито посмотрѣлъ на меня, на икону и на огарокъ, круто повернулся и, пошатываясь, сталъ спускаться по чердачной лѣстницѣ внизъ.

Мы съ Ю. С. Арсеньевымъ долго смѣялись надъ этой выходкой коменданта. Отъ переводчика мы узнали, что маіоръ получилъ письмо изъ Россіи отъ этого плѣннаго генерала, своего друга, съ подробнымъ описаніемъ, какъ онъ былъ захваченъ русскими въ плѣнъ.

Потомъ изъ польской газеты «Kurjer Poznański»

(6 февраля 1916 г.) прочитали мы слѣдующее русское донесеніе отъ 2-го феараля 1916 г.:

«На озерѣ Нарощъ русскій отрядъ ночью, во время бури, на лодкахъ переправился на сторону противника, вынули изъ воды проволочныя загражденія и ударили въ штыки на противника. Въ завязавшейся схваткѣ перекололи нѣмцевъ и 400 чел. взяли въ плѣнъ, отвезя ихъ на лодкахъ же на свою сторону. При этомъ часть отряда пробралась глубоко въ тылъ нѣмцамъ, и среди ночи напала на расположенный здѣсь штабъ пѣхотный дивизіи. Захватили въ плѣнъ самого начальника дивизіи, дивизіоннаго врача и нѣсколько солдатъ; быстро доставили ихъ также въ плѣнъ».

Какая сказочная удаль! Какая рѣдкая, боевая картина на фонѣ обыкновенной окопной войны! Неудивительно, что генералъ — другъ нашего коменданта былъ захваченъ «ohne Hosen!»

А въ результатѣ, какъ смѣшной отголосокъ этого «случая» съ нѣмецкимъ генераломъ, — лишеніе нашей церкви въ плѣну свѣчей! Но, нужно сказать, что маіоръ потомъ «отошелъ» и попрежнему продолжалъ подписывать ордера на свѣчи...

. . . .

По объявленію—воззванію журн. «Искра» и «Огонекъ» со всѣхъ концовъ необъятной Россія начали высылать на мое имя иконы и свѣчи, притокъ которыхъ продолжался очень долго, сопровождаемый трогательными письмами.

Всего отозвались на просьбу болѣе 50 лицъ, я сейчасъ же всѣмъ отвѣчалъ, но неувѣренный въ полученіи ими нашей благодарности, я, кромѣ того, посылалъ черезъ Стокгольмскій комитетъ Кр. Креста въ редакцію «Искры» общій списокъ жертвователей.

Велика была радость, когда, какъ разъ къ Стра-

страстной недѣлѣ, прибыла изъ Россіи плащаница (отъ семьи полк. Шебуранова и прап. Н. В. Синицына).

Иконы, свѣчи, церковныя облаченія и предметы присылали вѣрующія лица разнаго положенія. Напр. князья Долгоруковы, князь Оболенскій, княгиня Черкасская, княгиня Васильчикова, княгиня Долгорукая и т. д., или высшее духовенство, напр. архіепископъ Тверской и Кашинскій, настоятели Александро-Невской Лавры и Казанскаго Собора и т. п. или художники: Н. А. Астафьевъ, профес. живописи Кошелевъ и др. или горожане, изъ разныхъ деревень крестьяне (81 икону), изъ союза земствъ и городовъ, и даже изъ дѣйствующей арміи (6 зап. арт. дивизіонъ).

Отговѣли православные офицеры и солдаты нашего лагеря. На душѣ стало легче. Приближался великій праздникъ Пасхи. Мы продолжали украшать свой храмъ. Недавно переведенный въ нашъ лагерь офицеръ 63-й арт. бригады, привезъ съ собой икону — благословеніе этой бригадѣ отъ Кишеневскаго земства, когда она отправлялась на войну, образъ «Гербовецкія Божіей Матери» въ серебряной вызолоченной ризѣ. Этотъ чудный образъ, съ согласія полк. Пузанова (к-ръ 63 арт. бригады), я помѣстилъ въ церкви при самомъ входѣ, повѣсивъ передъ нимъ лампадку.

Сооружены были два большихъ кіота для иконы Богоматери съ Младенцемъ (Нейссе) и для выписанной изъ Берлина картины «Моленіе о чашѣ».

Кіоты эти изъ картона съ красивой рѣзьбой и драпировкой изъ голубого сатина, причемъ орнаменты посеребрены, и оба кіота вообще гармонируютъ съ иконостасомъ; надъ алтаремъ повѣшена большая картина Воскресенія (выписанная тоже изъ Берлина); вокругъ нея — драпировка въ видѣ лучей. Надъ этой иконой „сѣнь" — огромная надпись серебромъ по голубому фону славянской вязью: «Христосъ Воскресе» съ церковной главой и крестомъ наверху. Работа шт. кап. А. И. Знаменскаго.

Къ Великому Четвергу сооруженъ былъ большой деревянный крестъ съ Распятіемъ красками на полотнѣ (работа Г. И. Соловкина). Изящная гробница для плащаницы сооружена все тѣми же офицерами: подъесауломъ Семеновымъ и пор. Отрѣшко; плотничную работу исполнялъ чиновникъ В. И. Николаевъ.

Надъ этой плащаницей, въ уютномъ темномъ углу церкви—чердака я повѣсилъ необыкновенный образъ „Нерукотворнаго Спаса" на убрусѣ. Прислала его моя сестра С. А. Успенская. Это было художественное произведеніе извѣстнаго московскаго художника Н. А. Астафьева. Оно имѣло свою особенность: при дневномъ свѣтѣ едва видимый Ликъ Спасителя, въ темнотѣ почти сіялъ неземной кросотой! Поэтому и повѣсили мы его въ темномъ углу храма.

Созданіе художника Астафьева имѣло свою исторію.

За нѣсколько лѣтъ до великой войны, въ печати появилось свѣдѣніе о томъ, что гдѣ-то, на востокѣ, найдены документы времени земной жизни Іисуса Христа, съ точнымъ описаніемъ его Божественнаго Лика (кажется, донесеніе правителя Палестинской области объ Іисусѣ Христѣ римскому императору); по этому поводу въ журналахъ того времени появились разныя изображенія Лика Спасителя, согласно упомянутаго описанія, нѣсколько отличающіяся отъ давно принятаго въ христіанскомъ мірѣ изображенія Нерукотворнаго Спаса.*

Московскій художникъ Астафьевъ также посвятилъ много трудовъ и времени, чтобы запечатлѣть на полотнѣ Божественный Ликъ. Сестра писала мнѣ, что онъ ѣздилъ на востокъ въ Палестину и Индію, стара-

*) По церковному преданію Іисусъ Христосъ во время крестн. пути на Голгофу обтеръ Ликъ свой полотенцемъ, на послѣднемъ и отобразился Его Ликъ. Полотенце это Онъ далъ Св. Маріи Магдалинѣ.

ясь по древнимъ источникамъ и описаніямъ зарисоватъ Божественныя черты. Въ концѣ концовъ онъ и создалъ это чудесное изображеніе Нерукотворнаго Спаса, причемъ, отъ сильнаго напряженія зрѣнія при кропотливой работѣ,—Астафьевъ ослѣпъ!

Теперь фотографію его необыкновеннаго творчества и получили мы въ плѣну для нашей церкви.

Я замѣтилъ, что плѣнные офицеры особенно много молились, именно передъ этимъ кроткимъ Ликомъ Христа, такъ таинственно сіявшимъ въ сумракѣ храма.

Такъ создалась въ Гнаденфрей оригинальная, красивая церковь—чердакъ, въ которой много, много утѣшенія и облегченія получали мы плѣнные въ нашей скорби во время проникновеннаго Богослуженія іеромонаха О. Назарія.

VII.

Пасха и письма изъ Россіи. Церковь — утѣшительница. Питаніе и добываніе продуктовъ у населенія. Брошюра— „Война съ гражданскимъ населеніемъ“ и мысли о Литвѣ.

На фронтѣ въ это время было затишье и поэтому мысли глубоко сосредоточивались на Богослуженіи. Въ великіе дни Страстной седмицы украсили цвѣтами св. Плащаницу; свѣчей горѣло много, притокъ ихъ изъ Россіи уже начался, и при продажѣ публикѣ я уже не ограничивалъ число свѣчей.

Наконецъ подошелъ и самый Праздникъ Св. Пасхи. Спѣшно заканчивали украшенія церкви гирляндами цвѣтовъ, зелени и разноцвѣтными лампочками, работы подъесаула Семенова (изъ битыхъ пузырьковъ!)

Администрація лагеря передала мнѣ распоряженіе коменданта, чтобы въ 1-мъ часу ночи все Богослуженіе было окончено. Это всѣхъ насъ очень огорчило: приходилось литургію служить утромъ, а не вслѣдъ за

Свѣтлой Утреней (какъ принято по церковн. уставу). Я пошелъ къ коменданту.

Долго объяснялъ ему черезъ переводчика, что раньше 12 час. ночи не можетъ быть начато Богослуженіе и, что за 1 часъ два Богослуженія отправить нельзя. Наконецъ онъ согласился продлить время до 2-хъ часовъ утра.

Когда зажгли всѣ люстры, свѣчи и лампадки, когда освѣтилась, вся въ цвѣтахъ и зелени, оригинальная церковь — чердакъ, переполненная молящимися русскими, французами, англичанами, бельгійцами и нѣмецкой администраціей, когда запѣли «Воскресеніе Твое, Христе Спасе», и двинулся крестный ходъ, — мы на мгновеніе забыли, что мы не на Родинѣ, а въ плѣну!..

Незамѣтно скоро прошла дивная, радостная Свѣтлая Утреня и Обѣдня. Съ изумленіемъ смотрѣли иностранцы на наше «христосованіе».... Я думаю почувствовали и они красоту русскаго Богослуженія, полнаго духовной радости, въ эту пасхальную ночь: многіе изъ нихъ, уходя изъ церкви, выражали мнѣ, какъ ктитору, свое восхищеніе.

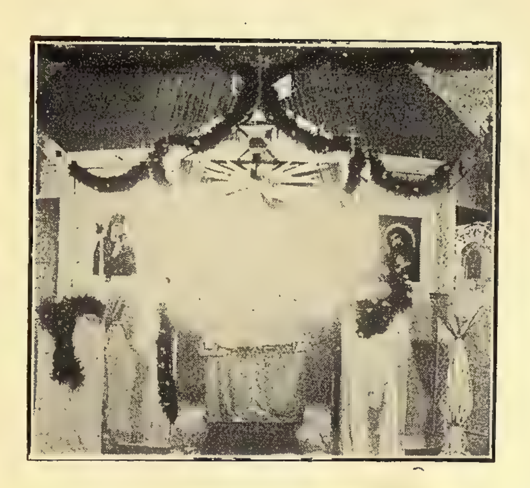
Разговлялись чѣмъ Богъ послалъ (изъ Россіи) въ Stub'ахъ компаніями, вспоминая своихъ на фронтѣ и дома.

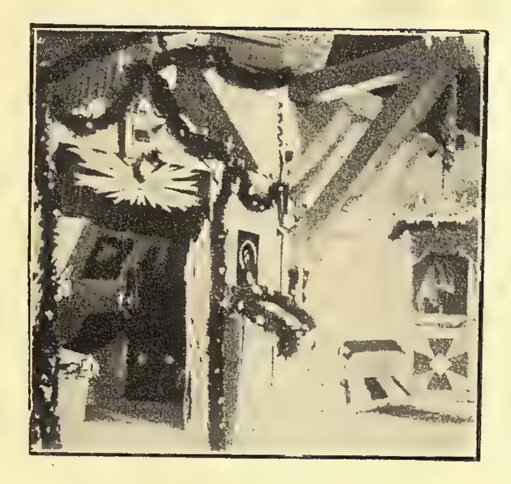
. . . .

Въ тяжелой обстановкѣ плѣна большую радость доставили намъ на праздникахъ письма, полученныя изъ Россіи, по поводу высылки для нашей церкви иконъ и свѣчей. Не могу не привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ:

«Христосъ Воскресе!

Милые, дорогіе братья, шлемъ далекій, сердечный привѣтъ съ родины! Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе мы вспоминаемъ васъ, помнимъ и любимъ. Мы будемъ молиться за васъ въ этотъ праздникъ и просимъ принять наше благословеніе, которое мы пришлемъ вамъ

Церковь на чердакѣ украшенная въ дни Пасхи.

(Къ стр. 105).

скоро. Намъ такъ грустно и больно, хотя мы васъ не знаемъ, но вы намъ такъ дороги и близки! Напишите намъ, мы сдѣлаемъ все для васъ съ большой радостью. Прощайте, дорогіе славные братья!

Вѣра, Варя и Нина Урванцевы».

Этотъ, полный христіанской любви, сердечный, пасхальный привѣтъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, полученный нами, какъ разъ въ первый день Пасхи, растрогалъ и умилилъ насъ до глубины души! Не помню, въ какихъ выраженіяхъ благодарности, отъ лица всего лагеря отвѣтилъ я этимъ милымъ «Тургеневскимъ» дѣвушкамъ, но въ отвѣтъ вложилъ я всю свою душу.

Когда мы получили ихъ „благословеніе" — художественной работы (масляными красками) образъ „Знаменія Божьей Матери, мы укрѣпили его на запрестольномъ Крестѣ въ алтарѣ. На ихъ предложеніе, что нибудь сдѣлать для насъ, я попросилъ прислать для нашей церкви ладану, кропило и, если можно, — бѣлой муки для просфоръ.

Въ маѣ мѣсяцѣ на мое имя прислано было второе письмо отъ Вѣры Николаевны Урванцевой:

„Вторникъ. 1916 г. Май 17.

Милые, дорогіе братья!

Теперь мы съ вами стали еще ближе послѣ вашего милаго и сердечнаго письма. Такъ хотѣлось бы, чтобы это письмо дошло къ вамъ; на открыткѣ такъ мало, что можно написать, и мы очень удивились вашему письму: мы ждали только открытку, ужели разрѣшено?

Послали вамъ муки. Кропило, свѣчи и ладанъ пришлемъ. Хотѣлось бы многое, многое написать вамъ, но боишься, вдругъ нечаянно скажешь лишнее и пострадаете вы, а мы останемся въ сторонѣ.

Посылаю вамъ свое евангеліе, мнѣ хотѣлось бы хоть что нибудь сдѣлать самой для васъ, скажите: въ чемъ вы нуждаетесь, чего хотѣлось бы вамъ? Вся наша семья и наши знакомые постарались бы сдѣлать

для васъ возможное. Есть ли въ вашемъ лагерѣ французы, бельгійцы и англичане? Есть ли въ Гвадененфрей лагерь нашихъ солдатиковъ? Видите-ли вы ихъ?

Можетъ быть, послѣ войны мы встрѣтимся съ вами, познакомимся лично и будемъ большими друзьями; если и никогда не встрѣтимся, то все равно будемъ друзьями.

Я часто мысленно переношусь въ вашъ лагерь, фантазирую, что бесѣдую съ вами. Мои братья оба на войнѣ и много знакомыхъ. Такъ жутко, скучно и тяжело! Вы напишите намъ, что получили письмо и посылки, а то я никакъ не успокоюсь. Привѣтъ О. Назарію! Что ваша церковь? Она такая хорошенькая въ «Искрѣ». Вы всѣ молитесь — вы искренны, а я не умѣю молиться, и потому у меня все не такъ, какъ бы было нужно и должно....

Шлю цвѣты изъ своего сада. Сейчасъ они такіе красивые и свѣжіе, а что съ ними будетъ, когда они попадутъ къ мѣсту назначенія!?

Часто ли вы бесѣдуете съ Хлѣбниковымъ и Мясниковымъ? Оба они славные! Пока всего, всего лучшаго! Желаемъ душевнаго мира!

Крѣпко жму всѣмъ руку.

Вѣра Николаевна Урванцова...»

Изъ подписи на присланномъ евангеліи (въ изящномъ сафьяновомъ переплетѣ) я узналъ, что авторъ этихъ писемъ — молодая барышня, только что окончившая Н-скій институтъ. Евангеліе получила при выпускѣ изъ института, и эту дорогую для нея книгу она пожертвовала для плѣнныхъ.

Къ письму приложенъ былъ букетикъ засохшихъ, красивыхъ цвѣтовъ изъ ея сада, еще чуть издававшихъ свой ароматъ.

Это письмо, полное теплоты и ласки, эти два подарка: евангеліе — какъ олицетвореніе христіанской

вѣры и любви и цвѣты какъ символъ красоты, давали намъ полное представленіе о русской «тургеневской» дѣвушкѣ! Невольно вспомнилась Лиза изъ «Дворянского гнѣзда»....

Я перечитываю письмо Вѣры Николаевны, вдыхаю слабый, чуть слышный ароматъ присланныхъ цвѣтовъ и мечтаю....

. . . . . Далеко, далеко отъ нашего плѣна, словно на яву, я вижу чудный садъ съ роскошными клумбами и красивую, молодую дѣвушку, срывающую для насъ душистые цвѣты... Она прекрасна и грустна... Война, со всѣми ея ужасами, безъ сожалѣнія наложила свою лапу и на ея такую юную, едва начавшуюся жизнь: нѣсколько друзей ея дѣтства уже убиты или ранены, два родныхъ брата на войнѣ... «Такъ жутко, скучно и тяжело», но она думаетъ и печалится не только объ офицерахъ, но и о солдатикахъ: «видите ли вы ихъ?» спрашиваетъ она... Знаетъ ли она, что эти наши солдатики тысячами умираютъ сейчасъ отъ голоднаго тифа и туберкулеза въ горькомъ плѣну!? Мы офицеры (по крайнѣй мѣрѣ въ нашемъ «привиллегированномъ лагерѣ), хотя прекратили знакомство въ госп. «Мясниковымъ» (мясо), но съ госп. «Хлѣбниковымъ» (хлѣбъ) еще бесѣдуемъ».

Скоро началась у меня съ В. Н. Урванцевой и личная переписка. Я имѣлъ радость получить отъ нея во время плѣна еще нѣсколько писемъ; онѣ доставили мнѣ много утѣшенія, но объ этомъ ниже.

«Милые, дорогіе защитники родины!

Выслала я вамъ (прочитавъ въ газетѣ ваше желаніе) 52 образочка и свѣчи. Не знаю, пригодились ли они? Если получили, будьте на столько любезны и сообщите. Посылали образочки дѣти (у меня школа) отъ чистаго дѣтскаго сердца и имъ пріятно будетъ узнать, что вещи дошли. Я старуха (64 лѣтъ) и всей душой переживаю тяжелое время нашихъ доблестныхъ

воиновъ; у меня болѣе 60 чел. моихъ бывшихъ учениковъ— теперь офицеровъ и врачей: многіе уже погибли! Пошли вамъ, Господи, здоровья и всего лучшаго! Отъ глубины души желаетъ этого А. В. Шпакенбургъ».

P. S. Вещи посланы черезъ княгиню Долгорукую».

Трогательный типъ старой учительницы, воспитанники, которой гибнутъ на войну! Въ посылкѣ оказались маленькіе шейные образочки и натѣльные крестики тѣхъ дѣтокъ, которыя «отъ чистаго, дѣтскаго сердца», какъ она пишетъ, посылали намъ свое благословеніе!

Въ другой посылкѣ, присланной намъ для церкви, оказались старинныя, старинныя ветхія иконы, очень древняго письма. Въ письмѣ, сопровождавшемъ эту посылку, говорилось: «не взыщите если все это древнее, но за то намоленное»!»

Да, благочестивая Русь была съ нами, и посылала намъ самое священоое, что только можетъ быть у вѣрующаго человѣка! Мы съ батюшкой эти, особенно священныя иконы не только поставили у себя въ церкви, но и разослали и въ другіе офицерскіе и солдатскіе лагеря.

Въ одномъ изъ писемъ отъ Елены Николаевны Стѣльбицкой изъ Сухума мы прочитали:

«Многоуважаемый Александръ Арефьевичъ!

Мнѣ было грустно читать Ваше письмо, потому что Ваша благодарность намъ — совершенно незаслуженна: чьи то иконы дошли до васъ, а наши, пропутешествовавъ довольно долго, вернулись къ намъ обратно! Такъ было обидно и досадно, что Вы не можете себѣ представить. Поэтому, совершенно не знаю, какъ исполнить Вашу просьбу о книгахъ; отсюда послать нельзя, да ихъ и нѣтъ; городъ на столько некультурный, что кромѣ учебниковъ и дѣтскихъ книгъ, — достать ничего нельзя. Попробую написать кузинѣ въ Москву, чтобы она выслала вамъ книгъ, но если не получите, то не думайте, что я не хотѣла исполнить Вашу просьбу.

Я немного знакома съ Вами, такъ какъ въ одномъ изъ журналовъ была помѣщена Ваша фотографія. Что Вы дѣлали до войны? Гдѣ жили? Остались ли у Васъ родные?

Гдѣ то тамъ же, — быть можетъ, недалеко отъ васъ, въ другомъ лагерѣ, мой братъ, тоже офицеръ, но я отъ него ни разу не получала писемъ.

Хотѣла бы послать Вамъ цвѣты съ юга— если бы это можно было. Сердечный привѣтъ всѣмъ вамъ близкіе и родные!

Искренноуважающая Васъ Е. Стрѣльбицкая. Сухумъ 16—IX—16 г.

Отъ нея же 2 письмо (22 ноября 1916 г.)

Многоуважаемый Александръ Арефьевичъ!

Вчера получила Ваше письмо черезъ комитетъ въ Стокгольмѣ, жалѣю, что не знала раньше о его дѣятельности. Посылать посылки отсюда — безцѣльно, ибо ихъ постигнетъ участь иконъ. Не говорите ни о какомъ «пріятномъ долгѣ» по возвращеніи въ Россію, потому что мы всѣ въ неоплатномъ долгу передъ всѣми вами за все переживаемое и за то, что мы мирно сидимъ въ своихъ углахъ. Дайте же и намъ возможность сдѣлать для васъ то, что намъ по силамъ; а когда нибудь, если жизнь поставитъ въ иныя условія и будетъ у меня трудная минута, я къ Вамъ обращусь. Мы съ Вами никогда не встрѣчались. ибо я въ Вильнѣ не бывала.

Большое спасибо за желаніе узнать о моемъ братѣ, но я уже узнала, въ какомъ онъ лагерѣ.

Я не могу писать всего, что думаю и чувствую, но хотѣла бы, чтобы Вы въ моихъ письмахъ чувствовали душу, съ радостью удѣляю Вамъ кусочекъ ея, если она можетъ согрѣть Васъ на чужбинѣ. Пишите о себѣ: что дѣлаете? Чѣмъ занимаетесь? Работайте, изучайте что нибудь, будьте бодры и дѣятельны! Всего хорошаго!

Жму Вашу руку!

Уважающая Васъ Ел. Стрѣльбицкая.

P. S. Пусть фіалочки (пришитъ къ письму букетикъ фіалокъ) передадутъ Вамъ мое Рождественское поздравленіе съ наилучшими пожеланіями и привѣтъ нашего юга!»

Благодаря хлопотамъ такихъ добрыхъ дамъ мы начали получать и съѣстныя посылки изъ комитетовъ помощи военно-плѣнныхъ.

Привожу здѣсь еще одно письмо:

«Дорогіе воины!

Прочитавъ журналъ «Искра, я узнала, что дорогіе, родные братья просятъ у своихъ прислать имъ иконы и свѣчи. Я, будучи религіозной, всегда молюсь о благополучіи воиновъ и сейчасъ же откликнулась на это воззваніе. Молитесь и дастся вамъ желаемое. Въ вѣрѣ — сила! Дай Богъ вамъ здоровья и силы, дождаться скораго возвращенія къ своимъ роднымъ. Мною сегодня выслана вамъ посылка № 479— свѣчи, ладанъ и иконы. Еще посылаю Вамъ мой собственный образокъ, который для меня такъ дорогъ, потому что это мое «благословеніе». Пусть Васъ онъ благословитъ и облегчитъ страданія. Я, хоть и мало жила, но очень много перенесла горя.

Если Вамъ удастся вернуться въ Россію, то привезите мой образокъ обратно, когда онъ Вамъ будетъ не нуженъ. Образокъ этотъ называется: «Нечаянной Радости».

«Остаюсь П. Филипповна Гончарова».

Иконы и свѣчи для церкви продолжали получаться на мое имя, и скоро вся церковь украсилась иконами православнаго письма.

Иконы были присланы болѣе всего изъ Москвы и изъ самыхъ разнообразныхъ угловъ Россіи: изъ Петрограда, Владивостока, Батума, Хабаровска, Барнаула, Ростова на Д., Сухума, Кинешмы, Одессы, Лукоянова,

Полтавы и т. д. Изъ столицъ, городовъ, селъ и деревень, съ фронта и даже изъ-за границы (Женева, Стокгольмъ, Христіанія), при самыхъ трогательныхъ письмахъ.

Церковь-чердакъ была не только храмомъ молитвы, но и тѣмъ уголкомъ, гдѣ мы, обыкновенно, не видя нашихъ «охранителей»,— не чувствовали себя въ плѣну.

Такъ проходили праздники одинъ за другимъ: въ молитвѣ и заботахъ о церкви душа отдыхала отъ печальной жизни и тоски по родинѣ.

Мнѣ, какъ ктитору, приходилось быть свидѣтелемъ, какъ нѣкоторые вѣрующіе офицеры прибѣгали здѣсь къ Божьей помощи, прося священника отслужить молебенъ или панихиду . . Съ родины, гдѣ шла война, получались плѣнными большей частью скорбныя вѣсти отъ своихъ близкихъ.

Въ моей памяти стоитъ такая картина.

Кончилась обѣдня. Вся публика, т. е. плѣнные офицеры, приложившись ко кресту, ушли. Смолкли послѣдніе шаги ихъ на лѣстницѣ. Батюшка, закончивъ свои молитвы послѣ причащенія,—тоже ушелъ. Храмъ опустѣлъ, но слабыя волны ладана-ѳиміама еще струились въ солнечныхъ отсвѣтахъ оконъ въ алтарѣ; огоньки разноцвѣтныхъ лампадокъ и свѣчей еще мерцали въ полутемной церкви-чердакѣ, слабо отражаясь на Святыхъ Ликахъ иконъ . . . Я любилъ этотъ моментъ послѣ Богослуженія въ нашемъ храмѣ. Казалось, еще притаились невидимо въ воздухѣ, смѣшавшись съ кадильнымъ ѳиміамомъ, всѣ тѣ слезныя моленія и вздохи, что только что возносились здѣсь ко Всевышнему!...

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда я уже гасилъ послѣдніе огоньки у иконостаса, на лѣстницѣ послышались торопливые шаги и чье-то рыданіе . . . Вошелъ батюшка, а за нимъ два офицера, причемъ одинъ изъ нихъ плакалъ, а другой, обнявши его, успокаивалъ. Плакавшій заказалъ панихиду. Это былъ

капит. Колпакъ (всегда во время Богослуженія прислуживавшій батюшкѣ въ алтарѣ), только что получившій письмо изъ Россіи о томъ, что жена его, послѣ двухъ операцій рака, — скончалась, оставивъ 4-хъ малыхъ дѣтей сиротами. Батюшка облачился и началась панихида. Очевидно, кап. Колпакъ горячо любилъ свою жену, такъ горько — неутѣшно онъ плакалъ, свѣчка дрожала и прыгала въ его рукахъ, а когда запѣли «со святыми упокой» . . , — онъ безъ чувствъ упалъ на полъ . . . Мы опрыскали его холодной водой и накрыли шинелью. Панихида продолжалась. Понемногу онъ пришелъ въ себя и сталъ молиться. Я замѣтилъ, что къ концу панихиды онъ пересталъ плакать. Батюшка напомнилъ ему о покорности Волѣ Божіей и что тамъ, у Царя Небеснаго, жена его за свои страданія и муки на землѣ — обрѣтетъ мѣсто со Святыми. Капит. Колпакъ, замѣтно успокоенный, оставилъ нашу утѣшительницу-церковь.

Получали въ плѣну печальныя вѣсти не тольо изъ глубины Россіи, но и съ самаго фронта, особенно пожилые и старые офицеры. Такъ, напримѣръ, пожилой капит. 110-го Камск. полка П. П. Карловъ, родомъ изъ Литвы, получилъ письмо съ фронта о смерти въ бою своего старшаго сына, недавно выпущеннаго изъ училища молодого офицера. Онъ такъ убивался и долго плакалъ, что отъ слезъ началъ терять зрѣніе, и къ концу своего плѣна совершенно ослѣпъ. Возвратясь слѣпымъ изъ плѣна, онъ недолго болѣлъ и скоро умеръ.

Капитанъ этотъ отличался необыкновенной набожностью, не пропускалъ ни одного Богослуженія, первымъ приходилъ, послѣднимъ уходилъ изъ церкви.

Между прочимъ, въ моемъ маленькомъ дневникѣ того времени записано подъ датой 1917-й г. окт. 30-го: «Капит, 110-го п. Камск. полка П. П- Карловъ, все время оплакивающій потерю любимаго сына, видѣлъ

сегодня подъ утро во снѣ Божью Матерь въ траурномъ одѣяніи, плывущую на облакахъ... Онъ громко, на всю комнату, крикнулъ: «Господа! Смотрите, Божія Матерь на облакахъ»! и — проснулся. Со слезами на глазахъ, но радостный разсказывалъ онъ объ этомъ чудесномъ видѣніи во снѣ».

. . . .

На общемъ собраніи плѣнныхъ офицеровъ нашего лагеря меня выбрали предсѣдателемъ квартирной коммиссіи. Коммиссія эта должна заботиться о размѣщеніи плѣнныхъ офицеровъ по комнатамъ. Ко мнѣ, какъ къ предсѣдателю, часто обращались офицеры, особенно французы, о перемѣнѣ комнаты: поссорятся между собой офицеры, и начинаются хлопоты о перемѣнѣ комнаты, вѣрнѣе — компаніи. Были среди офицеровъ особенно неуживчивые, нервные или просто скандалисты, которыхъ ни одна комната не хотѣла принимать. Вообще, эта должность доставляла мнѣ много непріятныхъ хлопотъ.

Я уже говорилъ, что многіе изъ насъ отказались совершенно отъ прогулокъ подъ конвоемъ. Зато, когда наступила весна 1916-го г., мы старались проводить время на свѣжемъ воздухѣ въ маленькомъ палисадничкѣ около нашего зданія, гдѣ солнышко такъ ласково пригрѣвало, покрылись молодой зеленью деревья, кусты и земля. Мы выносили сюда наши скамейки или складные стулья. Здѣсь читали мы газеты, а нѣкоторые офицеры изучали языки.

Наше продовольствіе съ каждымъ мѣсяцемъ ухудшалось, и неудивительно: съ 1916-го г. уже вся Германія перешла на «карточную» систему; безъ продовольственной карточки нельзя было ничего купить, особенно въ большихъ городахъ. Брюква и кормовая свекла составляли главное меню нашего стола. Количество жировъ въ пищѣ было самое ничтожное.

Между прочимъ, кормили насъ мясомъ какого

то морского животнаго (въ мирное время,—по признанію самихъ нѣмцевъ,—жиръ его употреблялся на смазку машинъ); въ сыромъ видѣ онъ издавалъ ужасный запахъ. Гуляя на нашемъ дворикѣ, мы обходили тотъ уголъ зданія, гдѣ въ погребахъ лежали запасы этого „мяса", чтобы только не слышать этого зловонія, а за обѣдомъ мы, голодные, съѣдали полностью свои порціи, потому что другихъ жировъ не было. Переводчикъ увѣрялъ насъ, что населеніе, особенно ближе къ фронту, питается еще хуже. Многіе изъ насъ отъ недоѣданія болѣли малокровіемъ, особенно тѣ, которые совершенно не получали посылокъ изъ Россіи.

Когда, благодаря хлопотамъ 3-хъ русскихъ сестеръ милосердія, посѣтившихъ лагери военно-плѣнныхъ въ Германіи, разрѣшены были намъ прогулки группами безъ конвоя, въ сопровожденіи только переводчика, мы старались во время этихъ прогулокъ, незамѣтно отъ переводчика, покупать съѣстные продукты у мѣстныхъ жителей, большей частью въ обмѣнъ на разные предметы, присланные изъ Россіи, напр., взамѣнъ куска туалетнаго мыла давали намъ одинъ—два килограма муки, или даже кусокъ свиного сала и т. п.

Этотъ обмѣнъ и, вообще, добываніе продуктовъ у населенія скоро сталъ извѣстенъ комендантурѣ и былъ строго воспрещенъ.

Мѣстное населеніе относилось къ плѣннымъ различно. Католики нѣмцы (вѣрнѣе онѣмеченные поляки) покровительствовали намъ и охотно продавали за деньги (настоящія деньги мы съ трудомъ доставали черезъ нѣмецкихъ солдатъ) или обмѣнивали на вещи съѣстные продукты, но нѣмцы—лютеране (патріоты) встрѣчали насъ враждебно.

Бывали случаи, что иная нѣмка впустить въ домъ свой плѣннаго офицера, но сейчасъ же по телефону вызоветъ жандарма; послѣдній на велосипедѣ быстро является и арестовываетъ плѣннаго, какъ незаконно

зашедшаго въ частный нѣмецкій домъ, и съ протоколомъ препровождаетъ его въ комендантуру. На наше счастье, въ Верхн. Силезіи на домахъ нѣмцевъ— католиковъ снаружи, при входѣ, обыкновенно висѣли иконы; это давало возможность узнавать, кто хозяева дома.

Скоро и наша комендантура стала дѣлать обыскъ у тѣхъ офицеровъ, которые съ прогулки приходили замѣтно потолстѣвшими: большинство приносило въ карманахъ и за пазухой картофель. Уличивъ такого офицера въ «незаконномъ сношеніи съ жителями", комендантура лишала его на 2-3 мѣс. прогулокъ. Ввиду обысковъ многіе плѣнные старались подкрѣпить себя пищею тамъ, гдѣ покупали, не принося ея въ лагерь.

Но, повторяю, нѣмецкое населеніе въ это время само страдало отъ недостатка продуктовъ, каковые нужны были для пропитанія огромныхъ армій на безконечномъ фронтѣ. Народъ несъ громадныя жертвы богу войны не только своими сыновьями — къ концу 1916 г. юными подростками,—чтобы заполнить огромную убыль убитыми и тяжело ранеными въ бояхъ, но и самъ страдалъ отъ постояннаго недоѣданія.

Желаніе и необходимость скорѣе окончить войну все сильнѣе проникало въ народное сознаніе.

Въ это время въ „Курьерѣ Познанскомъ“ мы съ возмущеніемъ прочитали слѣдующую статью подъ заглавіемъ: „Новый методъ войны“.

Редакторъ главной газеты „Prager Tageblatt“, членъ австрійскаго рейхстага г. Рудольфъ Келлеръ выпустилъ въ послѣднее время брошюру, носящую названіе: „Война съ гражданскимъ населеніемъ“. Въ ней находимъ, между прочимъ, слѣдующія заключенія:

„Не лишнія мысли говорятъ за то, чтобы мы, съ цѣлью скорѣйшаго заключенія мира, выгодно исполь-

зовали наше положеніе, заключающееся въ оккупаціи непріятельскихъ территорій. Можно противъ нашихъ непріятелей употребить репрессивныя средства, которыя заставили бы ихъ самихъ хлопотать о мирѣ.

Германія и Австрія въ настоящее время обладаютъ обширной территоріей, принадлежавшей Франціи, Бельгіи и Россіи, не говоря уже о Сербіи. Можемъ употребить противъ нашихъ враговъ очень крутыя мѣры, именно: возможно скорѣе лишить населеніе занятыхъ мѣстностей жизненныхъ припасовъ и одновременно прекратить подвозъ ихъ.

Съ увѣренностью можно сказать, что способъ этотъ вызоветъ въ прессѣ французкой, русской, англійской взрывы негодованія противъ «нѣмецкаго варварства», но развѣ это намъ вредитъ? Зато средство это заставило бы тотчасъ же Англію и Францію начать мирные переговоры, несмотря на ихъ явное до сего времени нежеланіе, потому что поняли бы, что они не имѣютъ права бросать въ объятія смерти нѣсколько милліоновъ бельгійцевъ и французовъ.

Извѣстный фактъ, что въ нашихъ рукахъ находится судьба столькихъ французовъ и бельгійцевъ, убѣждаетъ насъ, что мы въ силѣ принудить ихъ къ миру. Употреби мы эту энергичную мѣру, не тратили бы и часа на продолженіе войны!»

Прочитавъ этотъ чудовищный проэктъ, я невольно задумался о территоріи Литвы, гдѣ я провелъ всю свою жизнь до войны и гдѣ, во время войны, лично видѣлъ страданія литовскаго народа. Теперь вся Литва страдаетъ отъ жестокой нѣмецкой оккупаціи, а врагъ грозитъ еще новыми ужасами полной изоляціи и уничтоженія ни въ чемъ неповиннаго населенія голодомъ!

Недавно, на прогулкѣ, когда наша группа остановилась у барьера—проѣзда черезъ жел. дорогу, и проходилъ товарный поѣздъ, нѣмецкій фельдфебель со

злорадствомъ сказалъ мнѣ: «Смотрите, герръ оберстъ, какой чудный лѣсъ везутъ къ намъ въ Германію! Это изъ Вашей Литвы!»

И я увидѣлъ необыкновенно толстыя, сажень въ обхватъ, деревья, такія длинныя, что едва помѣщались на 2-хъ платформахъ! Очевидно, нѣмцы «выкачивали» изъ Литвы все, что могли...

Я уже зналъ изъ писемъ отъ своихъ, что литовцы не меньше страданій переживали отъ оккупаціи нѣмцевъ, чѣмъ отъ военныхъ операцій: всякія насилія надъ оставшимся населеніемъ и «узаконенный грабежъ» повисли въ то время надъ беззащитной Литвой со стороны «культурныхъ варваровъ».

Правда, авторъ этой брошюры не нѣмецъ, а австріецъ, но, очевидно, у союзниковъ велико было жежеланіе окончить войну въ самомъ зенитѣ ихъ завоеваній, если они рѣшились выпустить въ свѣтъ брошюру съ такимъ ужаснымъ, прямо сатанинскимъ, предложеніемъ!!

VIII.

Усиленіе ожесточенія между воюющими. Отвѣтныя средства на содержаніе плѣнныхъ. Нѣмцы нашли въ въ Августовскомъ лѣсу наше знамя. Эпизодъ со знаменемъ въ Сибири. Раззореніе церкви на чердакѣ. Пріѣздъ 2-ой русской сестры милосердія.

Въ концѣ 1916 г. ожесточеніе между воюющими сторонами возросло до крайнихъ предѣловъ. Съ этого времени начались бросанія бомбъ въ города съ мирнымъ населеніемъ, начали топить на морѣ пассажирскіе пароходы и т д.

Въ январѣ, въ разрѣшенной для насъ газетѣ «Kurjer Polski» (17 stycznia 1917 r.) мы прочитали слѣ-

дующее официальное сообщенiе германскаго правительства, записанное мною тогда въ свой дневникъ.

Отвѣтныя средства на содержанiе плѣнныхъ, Berlin (W. A. T.) Бюро Вольфа официально сообщаетъ:

«Не такъ давно писалось для всеобщаго свѣдѣнiя о плохомъ обращенiи и содержанiи военно-плѣнныхъ нѣмцевъ въ сферѣ огня французскихъ операцiй: одновременно стало извѣстнымъ, что нѣмецкое правительство предприняло шаги, съ цѣлью смѣнить это возмутительное положенiе.

Французскому правительству посланъ «ультиматумъ» съ требованiемъ, чтобы всѣ военно-плѣнные нѣмцы, находящiеся въ раiонѣ военныхъ операцiй, отправлены были назадъ, не менѣе 30 килом., за линiю огня; также, чтобы размѣстили ихъ въ лагеряхъ благоустроенныхъ: относительно хорошаго обращенiя съ ними, почтоваго сообщенiя, возможности посѣщенiя ихъ представителями нейтральныхъ государствъ и обезпечили бы имъ такiя же условiя, въ какихъ находятся плѣнные французы въ Германiи. При этомъ объявлено, что въ случаѣ неисполненiя этихъ требованiй, нѣсколько тысячъ плѣнныхъ французовъ будутъ перевезены на тылы нѣмецкаго фронта въ сферу огня, гдѣ они найдутъ такiя же условiя, въ какихъ находятся нѣмецкiе плѣнные на тылахъ французскаго фронта.

Такъ какъ правительство французское до указаннаго срока, (т. е. до 15 stycznia 1917 r.) не исполнили нѣмецкихъ требованiй,—указанныя отвѣтныя мѣры приведены въ исполненiе и будутъ отмѣнены только тогда, когда Францiя удовлетворитъ требованiя нѣмецкiя».

Несчастные плѣнные, на долю которыхъ выпала такая ужасная судьба! Перенося всѣ тягости плѣна, быть можетъ, ежедневно ожидаютъ они смерти или увѣчья отъ огня своихъ же войскъ! Во что еще выль-

ется дальше эта злоба, это человѣконенавистничество, — думалъ—я, читая офиціальное нѣмецкое сообщеніе. Да, Сатана сейчасъ «правитъ свой балъ» на землѣ!

Прочитывая нѣмецкія офиціальныя сообщенія, мы, Уфимцы (106-й Уфимскій полкъ 27-й пѣх. дивизіи) *)

еще лѣтомъ 1915 г. узнали, что нѣмцы, розыскивая закопанныя во время боевъ въ Августовскихъ лѣсахъ, русскія знамена, нашли древко съ Георгіевскими лентами и серебряной скобой отъ знамени нашего полка. Порадовались мы тогда, что нѣмцы самого знамени не нашли, а, между тѣмъ, вѣдь оно было закопано въ томъ же лѣсу, на пути славныхъ боевъ нашего полка отъ Махарце на Марковъ мостъ—Млынокъ—Волкуши.*)

И вотъ, въ одинъ печальный для насъ день, въ августѣ мѣс. (1916 г.), когда мы полковой группой сидѣли у меня въ комнатѣ (насъ Уфимцевъ тогда въ Гнаденфрей было 7 чел.), вбѣжалъ блѣдный капитанъ Соловьевъ съ газетой въ рукѣ...

— «Господа, читайте—какое горе! Нѣмцы нашли наше знамя!» И мы прочитали сообщеніе нѣмецкаго главнаго штаба:

«Весной прошлаго года мы нашли древко, ленты и скобу отъ знамени русскаго 106-го Уфимскаго полка. Судьбѣ угодно было, чтобы сейчасъ (такого-то числа) мы нашли и самое знамя этого полка, зарытое русскими въ лѣсу и т. д.»

Да, это былъ траурный для насъ день! Я съ горечью думалъ: за что судьба караетъ насъ?! Спасая 10-ю армію въ составѣ 20-го корпуса, мы — Уфимцы отданы были на погибель въ страшныхъ, неравныхъ бояхъ съ противникомъ, почти всѣ офицеры и солдаты Уфимцы перебиты или тяжело ранены во главѣ со

*) См. кн. »На войнѣ».

своимъ славнымъ командиромъ полка, при чемъ маленькая горсточка офицеровъ и солдатъ (11 офицеровъ и 170 солдатъ — тоже большею частью раненыхъ) въ послѣднемъ бою попали въ плѣнъ. И что же?! Наносится новый ударъ, новый позоръ для нашей воинской чести: наша полковая святыня, наше свыше—вѣковое знамя попало въ руки враговъ!! Какое горе, какія нравственныя страданія причинило намъ тогда это извѣстіе торжествующаго врага!

Какъ мы возмущались тогда, что слѣдственная комиссія, изслѣдовавшая лѣтомъ 1915 г. боевыя дѣйствія и плѣнъ XX-го корпуса на мѣстѣ послѣднихъ боевъ въ Августовскихъ лѣсахъ, въ раіонѣ гдѣ въ критическій моментъ полнаго окруженія нѣмцами, закопано не одно полковое знамя,—не приложила должныхъ усилій къ отысканію этихъ знаменъ!

Больше всѣхъ горевалъ и убивался этой великой потерей послѣдній командовавшій нашимъ полкомъ, старый Уфимецъ полк. А Н. Соловьевъ: вѣдь именно онъ, желая спасти знамя, лично съ адъютантомъ и знаменосцами зарылъ его въ Августовскомъ лѣсу.*)

Не менѣе полк. Соловьева волновался въ тѣ дни и я вспоминая тѣ кошмарные боевые дни и ночи въ Августовскихъ лѣсахъ и тотъ моментъ, когда во время боя 30-го января подъ Носсавенъ у Выштынецкаго озера, я снялъ знамя съ древка, спряталъ его подъ подкладку своей шинели и потомъ, по приказанію командира полка, хранилъ его при себѣ трое сутокъ, пока полкъ не пробрался въ Сувалки, гдѣ знамя опять было прибито къ древку.

Вспоминая все это, я рисовалъ себѣ дальнѣйшую возможность спасенія знамени. И мнѣ, и полковнику Соловьеву казалось теперь, что лучше было бы 7-го февраля не зарывать знамя въ землю, а спрятать его

---

*) См. „На войнѣ“ стр. 219.

(полотнище) на себѣ, по примѣру ст. унт.-офицера Старичкова (въ русско-турецкую войну), и тайно сохранивъ его въ плѣну, вернуть на родину! Но это наше предположеніе разбивалось о дѣйствительность.

Во 1-хъ нѣмцы, приведя насъ въ плѣнъ, прежде всего приказали всю одежду, что была на насъ въ моментъ плѣненія, сдать имъ для дезинфекціи и, кромѣ того первое время (время разныхъ предохранительныхъ прививокъ), ни на одну минуту не оставляли насъ безъ своего наблюденія и, такимъ образомъ, сохранить знамя въ плѣну было бы очень трудно.

Кромѣ того, скоро послѣ этого прискорбнаго извѣстія о нашемъ знамени, мы узнали отъ солдатъ, вновь прибывшихъ въ нашъ лагерь (деньщики), слѣдующее.

Въ одномъ офицерскомъ лагерѣ нѣмцамъ, при помощи подкупа, удалось найти негодяя—деньщика, который выдалъ имъ тайну храненія знамени N. русскаго полка въ плѣну въ этомъ лагерѣ. Знамя хранилось въ церкви плѣнныхъ, спрятанное за иконой Спасителя въ иконостасѣ.

Послѣ того, какъ нѣмцы нашли и отобрали это знамя, они перевели этого солдата въ другой (солдатскій) лагерь.

Какимъ то путемъ въ этомъ лагерѣ плѣнные солдаты узнали про исторію со знаменемъ, и страшно возмущенные преступленіемъ негодяя—измѣнника, совершили надъ нимъ самосудъ: они утопили его въ отхожемъ мѣстѣ своего лагеря! Такъ разсказывали намъ два нашихъ новыхъ деньщика. При этомъ характерно, что по словамъ разсказчиковъ, нѣмцы виновныхъ въ въ этомъ судѣ Линча и не искали!

Почти въ это время въ 1916 г., далеко, — далеко отъ насъ въ Сибири, разыгрался эпизодъ тоже со знаменемъ.

Среди военно-плѣнныхъ въ лагерѣ у г. Красноярска

находился венгерскій полковникъ, которому удалось во время тяжелаго боя сохранить знамя: онъ спряталъ его на себѣ и съ нимъ попалъ въ плѣнъ. Въ плѣну онъ хранилъ его, разрѣзавъ на куски и зашивъ въ подкладкѣ своего мундира.

Тамъ также нашелся измѣнникъ и подлецъ изъ военно-плѣнныхъ, который донесъ русскому начальнику гарнизона г. Красноярска полковнику Мартынову о спрятанномъ знамени.

Начальникъ гарнизона, въ сопровожденіи коменданта лагеря и дежурнаго офицера, сдѣлали въ баракѣ у Венгерскаго полковника тщательный обыскъ, и когда взялись за его мундиръ, сѣдой полковникъ поблѣднѣвъ, началъ проявлять крайнюю нервность. Подкладку мундира вскрываютъ, и вотъ сверкнулъ кусокъ блестящей матеріи знамени! Дальше — больше, находятъ еще куски драгоцѣнной для венгерца святыни. Всѣ куски постепенно, на глазахъ его, соединяютъ на столѣ въ цѣлое. Когда извлекли послѣдній кусокъ знамени изъ воротника его мундира, несчастный полковникъ зашатался и горько зарыдавъ, упалъ. Присутствующіе думали, что онъ въ глубокомъ обморокѣ, но скоро прибывшій врачъ, осмотрѣвъ лежащаго полковника, констатировалъ его смерть!

Потеря знамени, которое онъ хранилъ какъ святыню, стоила ему жизни!*)

Какъ послѣдствіе находки знамени въ церкви одного изъ лагерей, произошло слѣдующее.

Нѣмцы прямолинейны, и высшей нѣмецкой лагерной инспекціей отданъ былъ строжайшій приказъ: въ одинъ день тщательно обыскать всѣ церкви въ лагеряхъ, съ цѣлью найти тамъ спрятанныя знамена.

26-го авг. 1916-го г. наша Святыня и Утѣшеніе въ

---

*) Эпизодъ этотъ записанъ со словъ Г. В. Мартыновой — супруги брата полков. Мартынова, жившей въ то время въ Красноярскѣ

плѣну, оригинальная «Церковь-чердакъ» была совершенно разрушена! Нѣмцы съ усердіемъ, пристойнымъ въ этомъ случаѣ дикимъ варварамъ, а не христіанамъ, совершали грубое святотатство. Они ночью, пока мы спали, разыскивая знамя, разломали на мелкіе куски весь иконостасъ и всѣ образа въ алтарѣ и церкви!

Когда утромъ слѣдующаго дня (27-го авг.) я, какъ ктиторъ церкви, пошелъ для нѣкоторыхъ работъ въ церковь, входъ на чердакъ оказался запертымъ, и на мою просьбу въ комендантурѣ дать мнѣ ключи — я получилъ отказъ. Также отказали выдать ключъ и священнику. Мы недоумѣвали, въ чемъ дѣло.

Горестное событіе какъ разъ совпало съ посѣщеніемъ нашего лагеря второй русской сестрой милосердія (27 авг. 12 ч. дня). Это была г-жа Оржевская, статсъ-дама Русскаго Двора, посѣтившая въ Германіи въ числѣ другихъ и нашъ лагерь.

Она такъ-же, какъ и сестра милосердія Каземъ-Бекъ, привезла намъ привѣтъ отъ Россіи, а отъ Царицъ и подарокъ нашему лагерю — 1000 золот. марокъ. Она повѣдала намъ, что дѣлается въ Россіи и на фронтѣ и разспрашивала насъ о нашихъ нуждахъ.

Утромъ, до ея пріѣзда, мы уже успѣли узнать отъ переводчика, что въ церкви нашей былъ обыскъ (что искали, — онъ не сказалъ), и поэтому она совсѣмъ закрыта; но, — сказалъ онъ, — комендантъ разрѣшилъ отправлять Богослуженіе въ манежѣ. Это сообщеніе показалось намъ подозрительнымъ. Старшій въ лагерѣ, батюшка и я разсказали пріѣхавшей сестрѣ о причудахъ и разныхъ возмутительныхъ выходкахъ коменданта и теперь, въ виду закрытія церкви, мы просили сестру, потребовать открыть чердакъ-церковь и посмотрѣть, что́ тамъ дѣлали нѣмцы.

Комендантъ, сопровождавшій по лагерю сестру и ея спутника — испанца (какъ представителя нейтральн. державы), сначала отказалъ ей въ этой просьбѣ, но

когда, при осмотрѣ помѣщеній, подошли мы съ нею къ двери, ведущей на чердакъ, я шепнулъ ей: „Здѣсь наша церковь»; она и ея спутникъ-испанецъ настойчиво потребовали отъ коменданта показать помѣщеніе церкви, что, согласно условій осмотра лагерей русскими и нѣмецкими сестрами милосердія, онъ обязанъ былъ исполнить, и онъ согласился. Появился солдатъ съ ключами. Сестра милосердія, испанецъ, старшій въ лагерѣ, священникъ, я и еще нѣсколько офицеровъ по лѣстницѣ вошли на чердакъ и открыли дверь въ церковь.

Никогда не забуду я того страшнаго впечатлѣнія и волненія, какое овладѣло мною при видѣ представившейся нашимъ глазамъ картины!

Церковь пропала! Пропалъ тотъ оригинальный, красивый храмъ молитвы, построенный руками офицеровъ на чердакѣ, храмъ которымъ любовались и восторгались, безъ различія вѣры, всѣ плѣнные и сами нѣмцы! Опять передъ моими глазами предсталъ обыкновенный большой чердакъ. Но ужасъ состоялъ въ томъ, что здѣсь на полу въ огромныя кучи свалены были разломанные: престолъ и жертвенникъ, иконы, царскія двери, порванныя на мелкіе куски священныя картины, причемъ осколки изъ дерева и картона иконостаса, крестовъ, дверей, колоннъ и разныхъ рѣзной работы орнаментовъ, валялись по всему полу чердака!

Увидавъ эту картину, священникъ громко воскликнулъ: «Господи, помилуй!» Сестра милосердія, вынувъ платокъ, начала плакать... Потомъ, обратясь къ коменданту, начала страстно укорять его. Маіоръ, кажется, сказалъ ей, что онъ «тутъ не при чемъ, повелѣніе свыше»... Конечно, мы сразу догадались (вспомнивъ разсказъ двухъ солдатъ-деньщиковъ), какое это было «повелѣніе свыше», чего искали въ церкви нѣмцы, но, все таки, мы не ожидали такого разрушенія нашего храма, нашей святыни! Мы всѣ были поражены и свя-

тотатствомъ и варварствомъ: вѣдь для отысканія спрятаннаго въ церкви знамени могли нѣмцы пригласить священника и ктитора, и въ ихъ присутствіи тщательно все осмотрѣть, не разоряя храма и безъ поруганія святыни. Да, «Сатана правитъ свой балъ на землѣ!» повторилъ я еще разъ про себя*).

Въ 5 ч. веч. того же 27-го авг. сестра милосердія г-жа Оржевская собрала насъ всѣхъ въ столовой (большой залъ). Здѣсь мы усадили ее на креслѣ посреди комнаты, а сами расположились вокругъ нея на скамейкахъ амфитеатромъ. Сначала она обсуждала съ нами общіе вопросы о нашемъ содержаніи въ плѣну, режимѣ, довольствіи, прогулкахъ и т. д. Потомъ вызывала нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, передавая имъ свѣдѣнія объ ихъ семьяхъ и, наконецъ, записывала наши личныя просьбы и нужды, чтобы по возможности удовлетворить ихъ тамъ, въ Россіи.

IX

Возобновленіе разоренной церкви на чердакѣ. Снабженіе другихъ легерей иконами и свѣчами. Похороны плѣн. офицера въ Рейхенбахѣ. Самоубійство англійскаго офицера и его похороны въ Гнаденфрей.

Благодаря энергичному вмѣшательству сестры милосердія послѣдовало разрѣшеніе возобновить устройство церкви на чердакѣ, и сейчасъ же послѣ ея отъѣзда священникъ и я пригласили нѣкоторыхъ офицеровъ для этого святого дѣла. Мы составили смѣту, собрали среди офицеровъ небольшую сумму денегъ и приступили къ работѣ.

---

*) Особенное озлобленіе нѣмцевъ въ это время объяснялось огромнымъ успѣхомъ русскихъ армій при знаменитомъ Брусиловскомъ наступленіи лѣтомъ 1916 г., когда 7, 8, 9 и 11 русскія арміи взяли 420 тыс. плѣнныхъ, 600 орудій, 2500 пулеметовъ и т. д.

Опять главными работниками по устройству новаго храма на чердакѣ явились тѣ-же лица, которыя устраивали и прежній разоренный нѣмцами храмъ, а именно: подъес. Н. М. Семеновъ, полк. Шебурановъ, шт-.кап. В. В. Орѣховъ, подпор. Отрѣшко, военный чиновникъ В. И. Николаевъ, рядовой Дроздовъ и др.

Какъ разъ въ это время присланы были на мое имя изъ разныхъ мѣстъ Россіи иконы и священныя картины, рисованныя на деревѣ и на холстѣ масляными красками высоко-художественной работы, а именно:

Образъ Св. Троицы, рисованный масляными красками на деревѣ, присланный 2-мъ Кадетскимъ Корпусомъ изъ Москвы; онъ помѣщенъ надъ Жертвенникомъ въ Алтарѣ.

Образъ Воскресенія Христова масляными красками на холстѣ помѣщенъ на „Горнемъ мѣстѣ въ Алтарѣ—присланъ изъ Москвы г-жей Синицыной (на имя прапорщ. Н. В. Синицына). Къ нему была сооружена рама мозаичной работы — лента съ 4-мя георгіевскими крестами по угламъ (работы капит. К. Н. Колпака).

На иконостасѣ мѣстныя иконы: Іисусъ Христосъ — Вседержитель и Божія Матерь — „Утоли моя печали" — обѣ масляными красками(изданіе Троиц.-Сергіев. Лавры), присланы изъ Москвы г-жей Ш-ой.

Образа почти всѣхъ двунадесятыхъ праздниковъ, въ металлическихъ ризахъ на деревѣ,—присланы изъ Москвы г-жей Крикмейеръ и г-жей Жуковской, размѣщены въ иконостасѣ и на стропилахъ.

„Тайная Вечеря", маслян. красками, худож. работы, помѣщена надъ царскими вратами — прислана изъ Воронежа г-жей Б — ой.

Образъ Вознесенія и двѣ хоругви, рисов. на полотнѣ масл. красками — работы профес.

живописи Кушелева изъ Петрограда, и много другихъ.

Какъ только получалъ я эти иконы и картины, —сейчасъ же сооружались къ нимъ офицерами художеств. рѣзной работы, кіоты или рамы изъ дерева, покупались и жертвовались красивыя лампадки.

Поражала своей необыкновенно художеств. работой рѣзная деревянная Дорохранительница въ видѣ часовни, —произведеніе того же подъесаула Н. М. Семенова.

Такимъ образомъ, скоро наша церковь - чердакъ, послѣ разрушенія ея, возстала еще болѣе художественно красивой!

1-го октября 1916-го г. священникъ О. Назарарій торжественно освятилъ ее и послѣ обѣдни отслужилъ молебенъ Божьей Матери. Въ этотъ день Ея Праздника — Покровъ Пресвятыя Богородицы—молились мы, прося Ея Покровительства и Заступленія во время нашего плѣна. Конечно, въ то же время мы горячо молились и о скорейшемъ побѣдномъ окончаніи войны съ нѣмцами.

Иконъ и свѣчей было прислано такъ много на мое имя, что я началя разсылать ихъ въ другіе лагери воен.-пл. испросивъ разрѣшенія на пересылку коменданта.*)

---

*) О снабженіи другихъ лагерей иконами, свѣчами и разными церковными предметами для Богослуженія, въ моемъ дневникѣ того времени записано слѣдующее:

„Первый транспортъ иконъ и свѣчей отправленъ мною II-го іюня 1916 г. въ лагери: Нейссе (старшій въ лагерѣ полк. Кузнецовъ),Саганъ, (гдѣ священникомъ былъ о. Николай Балбачанъ), Ламсдорфъ и Кведлинбургъ.

Каждымъ переводомъ офицеровъ изъ нашего лагеря въ другіе лагеря, я пользовался, чтобы отправить съ ними иконы и свѣчи. Такъ, осенью 1916-го г., когда особенно усилился притокъ иконъ, Богослуж. книгъ и свѣчей (благодаря статьѣ «Поселянина» въ газетѣ „Новое Время“ № 14520 8-го авг.) я отправилъ таковыя: въ лагерь Ганноверъ съ капит. Янковскимъ, поруч. Тиховскимъ и пор. Гензель (Лейбъ-гв. Кекгс. полка); въ лагерь Кюстринъ съ прап. Катенинымъ (212-го п.); 6—19 окт. въ лагерь Ингольдштадтъ съ есауломъ Доиск. п. Золотницкимъ; 26-го окт.

Ожесточеніе между воюющими державами увеличивалось, и это сказывалось даже и въ такомъ маленькомъ мѣстечкѣ, какъ Гнаденфрей. Все чаще подходили съ манифестаціями толпы мѣстныхъ жителей съ флагами и пѣніемъ: «Deutschland, Deutschland ueber Alles!» къ нашему замку, что-то кричали по нашему адресу, со злобой потрясая кулаками. . .

Настроеніе наше ухудшалось еще отъ послѣднихъ телеграммъ съ фронта. Кровопролитные бои, съ сотнями тысячъ убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, до сихъ поръ не давали признаковъ скорой побѣды, а послѣднія нѣмецкія военныя карты хвастливо показывали «свободный путь», пересѣкавшій всю Европу отъ Сѣвернаго (Нѣмецкаго) моря до Индійскаго Океана, т. е. черезъ Багдадъ, — желѣзнодорожный путь, по которому собирался торжественно проѣхать Кайзеръ Вильгельмъ II-ой. Все это настраивало на мрачныя мысли. Наконецъ пессимизмъ въ настроеніи многихъ плѣнныхъ офицеровъ разныхъ націй въ нашемъ привиллегированномъ лагерѣ дошелъ до своего апогея.

10-го окт. 1916 г., когда мы возвращались группой съ прогулки и подходили къ нашему лагерю, кто-то замѣтилъ на крышѣ замка, тамъ, гдѣ была метеорелогическая станція на площадкѣ, одинокую фи-

---

съ нашимъ священникомъ о. Назаріемъ — иконы, присланныя Архіепископомъ Тверск. и Кашинск.—въ Нейссе на форты—свѣча, Евангеліе и деревянный — чудной рѣзной работы - старинный крестъ, причемъ о. Назарій привезъ мнѣ изъ лагеря Нейсе благодарственное письмо отъ полк. Кузнецова.

Съ сестрой милосердія, посѣтившей нашъ лагерь, я отправилъ письмо въ редакцію „Новаго Времени" и „Искры", приложивъ къ нему списокъ жертвователей и просилъ ихъ въ своихъ изданіяхъ помѣстить этотъ списокъ и благодарность воен.-пл. за пожертвованія. Сестрѣ я преподнесъ фотогр. снимокъ Плащаницы въ Велик. Пятницу и снимокъ нашей церкви, украшенной въ день Св. Пасхи, а полк. Шебурановъ преподнесъ ей общій видъ церкви.

1-го декабря (нов. ст.) 1916-го г. я отправилъ черезъ комендантуру, при любезномъ содѣйствіи новаго коменданта, большую посылку иконъ, свѣчей и пелены въ лагерь Лямсдорфъ согласно просьбѣ священника этого огромнаго солдатскаго лагеря (35 тыс. воен.-пл.)

Мой уголокъ. На нѣмецкой картѣ показанъ предполагавшiйся торжественный проѣздъ Кайзера.

гуру человѣка. Мы всѣ стали смотрѣть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Но не успѣли мы подойти ближе, какъ человѣкъ этотъ на нашихъ глазахъ, бросился съ крыши (4 этажн. дома) внизъ головой на асфальтовую площадку параднаго подъѣзда!

Когда мы подбѣжали, оказалось — это былъ англичанинъ, лейтенантъ Джемсъ Вилькинзонъ . . . Онъ разбился на смерть! Голова его отъ удара совершенно расплющилась и обратилась въ безформенный кровавый комъ костей и мяса: лицо его пропало!

Смерть была мгновенная!

Прибѣжали чины нѣмецк. администраціи и «Wache». Наша группа плѣнныхъ, снявъ фуражки, окружила трупъ несчастнаго лейтенанта. Безмолвно стояли мы, пораженные этимъ страшнымъ самоубійствомъ на нашихъ глазахъ! У многихъ изъ насъ были слезы на глазахъ, а добрѣйшій нѣмецкій лейтенантъ Шварцъ плакалъ, громко всхлипывая. . .

Покойный лейтенантъ Вилькинзонъ, еще молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти, пользовался большой симпатіей, особенно среди русскихъ плѣнныхъ офицеровъ. Когда онъ узналъ, что многіе изъ насъ совершенно не получаютъ съѣстныхъ посылокъ изъ Россіи, онъ первый изъ англичанъ присоединился къ русскому комитету

я самъ получилъ эту посылку изъ Петрограда (Галерная, 77) отъ княгини О. П. Долгорукой (черезъ Стокгольмск. комитетъ — В. В. Неклюдова). Иконы и свѣчи и пр. пожертвовали: Казанскій соборъ (о. Орнатскій), Алекс.—Невская Лавра (о. Филаретъ) и Знаменск. церковь (о, Павелъ), при участіи Е. А. Евдокимовой. Адресъ отправительницы — княгини Долгорукой: Коммиссія для оказанія помощи воен.плѣннымъ.

10 дек 1916 г. получилъ письмо священника лагеря Лямсдорфъ о. Александра Черная съ благодарностью и съ извѣщеніемъ: 1) о полученіи имъ полностью упомянутой посылки для устройства церкви и часовенъ въ его лагерѣ и 2), что онъ написалъ о семъ же самой княгинѣ Долгорукой, благодаря жертвователей.

15-го дек. отправилъ такую же посылку съ офицерами (два брата) шт.-кап. и пор. Гороховыми въ лаг. Нейссе, при письмѣ ктитору церкви заур. полк. Семенову, прося распорядиться отправкой этихъ иконъ и свѣчей на форты, гдѣ устроены уже часовни.

взаимопомощи; благодаря ему, этотъ комитетъ сталъ получать изъ Англіи цѣнныя посылки съ продуктами. Самъ онъ былъ очень добродушный человѣкъ, но временами страдалъ сильной меланхоліей. Тяжело раненый въ бою подъ Марной въ голову (штыковая рана), онъ цѣлыя сутки пролежалъ на полѣ боя безъ сознанія, пока нѣмецк. санитары, собиравшіе трупы убитыхъ, не подобрали его, и тогда онъ внезапно ожилъ. Его взяли въ плѣнъ. Въ госпиталѣ онъ долго былъ между жизнью и смертью; сильная отъ природы натура побѣдила, и онъ выздоровѣлъ. Къ намъ въ лагерь (еще въ Нейссе) онъ прибылъ на видъ цвѣтущимъ и красивымъ. Когда комендантура разрѣшила устроить на нашемъ маленькомъ дворѣ въ Гнаденфрей тенисную площадку, — онъ былъ одаимъ изъ лучшихъ игроковъ въ тенисъ. Между прочимъ, либилъ посѣщать наши Богослуженія.

Среди англичанъ, вообще, съ замкнутымъ характеромъ, онъ отличался своимъ добродушіемъ и общительностью, особенно съ русскими офицерами, бравшими у него уроки англійскаго языка; самъ онъ изучалъ русскій языкъ.

Послѣднее время, когда дѣла на фронтѣ (французск.), гдѣ сражалась англійская армія, ухудшились

20-го дек. 1916-го г. изъ нашего лагеря уѣхала группа офицеровъ въ гор. Рейхенбахъ на похороны пор. 212-го п. Горбунова, скончавшагося (отъ истощенія) въ госпиталѣ. Поѣхали, главн. образомъ, однополчане покойнаго и весь нашъ церковный хоръ. Самъ я, къ сожалѣнію, въ этотъ день былъ нездоровъ и поѣхать не могъ. Я далъ одному изъ офицеровъ двѣ иконы для несенія впереди погребальной процессіи и еще маленькій образочекъ Божіей Матери, чтобы вложить въ руки покойника, а также 100 свѣчей для панихиды и вѣнокъ отъ лагеря.

Возвратившіеся изъ Рейхенбаха офицеры нашего лагеря разсказывали, что похороны вышли трогательныя и торжественныя. Было очень много народу. Нѣмцы были растроганы «единственною въ мірѣ (по выраженію Ф. И. Шаляпина) русскою панихидою», что и выразилъ одинъ бюргеръ въ рѣчи, произнесенной имъ послѣ погребенія. Могила пор. Горбунова на Рейхенбахскомъ кладбищѣ скоро украшена была бѣлой мраморной плитой.

настолько, что, казалось, опять нѣмцы овладѣютъ подступами къ Парижу, и на Салоникскомъ фронтѣ англійская операція потерпѣла полную неудачу, — лейтенантъ Вилькинзонъ сдѣлался особенно задумчивымъ, сталъ уединяться; по словамъ его однополчанъ, два раза съ нимъ произошли сильные припадки меланхоліи, но все таки это самоубійство явилось неожиданностью. Нѣмецкій врачъ, на просьбу англійскихъ офицеровъ отправить лейтенанта В. въ госпиталь, категорически отказался, назвавъ Вилькинзона — симулянтомъ.

Какъ только узнали въ лагерѣ о его смерти, первую панихиду по умершемъ по нашей просьбѣ, отслужилъ священникъ въ церкви-чердакѣ, причемъ на панихиду, кромѣ всѣхъ англичанъ, явилось очень много плѣнныхъ офицеровъ прочихъ націй и нѣмцы.

Прекрасно пѣлъ нашъ хоръ подъ управленіемъ Ген. Штаба кап. Добрынина. До слезъ печально и трогательно звучали скорбные мотивы: «Со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная!»

Да, ужасна война, поэтому ужасна сейчасъ и жизнь наша на землѣ — думалъ я, — но вѣра въ безсмертіе души даетъ силы продолжать эту временную жизнь: несомнѣнно, человѣкъ призванъ для другой вѣчной, и лучшей, жизни по ту сторону гроба!

На другой день, по исполненіи всѣхъ формальностей, тѣло покойнаго лейт. Вилькинзона положено было въ красивый металлическій гробъ, поставленный въ манежѣ. Много вѣнковъ и цвѣтовъ отъ плѣнныхъ офицеровъ каждой націи украшали гробъ. Для похоронъ прибыли въ лагерь пасторъ и ксендзъ.

Послѣ отпѣванія офицеры вынесли изъ манежа гробъ на рукахъ. Впереди несли вѣнки отъ англичанъ, русскихъ, французовъ и бельгійцевъ. Выстроившійся у манежа почетный караулъ отъ мѣстнаго нѣмецкаго

гарнизона отдалъ честь, и печальный кортежъ направился вдоль проволочныхъ загражденій лагеря, черезъ наружныя ворота въ мѣстечко и далѣе къ кладбищу. Всѣмъ желающимъ офицерамъ разрѣшено было комендантомъ сопровождать процессію.

По просьбѣ англичанъ, нашъ церковный хоръ пѣлъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, — помилуй насъ»! Непосредственно за гробомъ покойнаго (вмѣсто его родныхъ) шли: нѣм. гауптманъ, замѣнявшій коменданта, и два англійскихъ маіора.

Когда процессія вышла изъ воротъ лагеря, насъ встрѣтило и провожало до кладбища много народа—почти все населеніе мѣст. Гнаденфрей. Очевидно, трагедія плѣннаго офицера уже была извѣстна въ мѣстечкѣ всѣмъ, и граждане, — одни изъ сочувствія, другіе изъ любопытства, — пришли на эти похороны.

Печальный звонъ маленькаго колокола мѣстной кирхи аккомпанировалъ стройному хору плѣнныхъ, и, казалось, своей простой мелодіей тоже умолялъ Всевышняго «помиловать!» Подъ развѣсистымъ старымъ кленомъ тихаго сельскаго кладбища и похоронили мы лейтенанта Вилькинзона.

И вспомнились мнѣ тогда другія похороны, другія могилы, тамъ... на фронтѣ! «Похороны» безъ молитвъ, безъ пѣнія, безъ колокольнаго звона! Только адскій грохотъ разрывающихся «чемодановъ», скрежетъ шрапнельныхъ осколковъ, завыванье летящихъ гранатъ и жалобный свистъ пуль «отпѣваютъ», иногда не одинъ день, убитыхъ бойцовъ, пока санитары найдутъ и положатъ ихъ въ братскую могилу... А сколько тамъ «безвѣстныхъ могилъ» въ болотахъ и лѣсахъ, куда, быть можетъ и не ступитъ совсѣмъ нога человѣка.

Да, грустныя мысли навѣяли на меня эти торжественныя похороны.

Черезъ нѣсколько дней изъ Англіи отъ родителей покойнаго лейт. Вилькинзона получили мы трогательное

Выносъ тѣла англ. лейт. Вилькинзона и похоронная процессія.

письмо, съ выраженіемъ благодарности всѣмъ почтившимъ память покойнаго ихъ сына.

На могилѣ его скоро сооруженъ былъ памятникъ въ видѣ бѣлой мраморной доски отъ плѣн. офицеровъ лагеря Гнаденфей. Это была первая могила нашего лагеря!

X.

Распорядокъ въ лагерѣ. „Это, господа, — мой звѣринецъ!“ Письма В. Н. Урванцевой и мысли о Россіи. „Кругъ тоски“ и самоубійсто русскаго офицера. 2-я могила нашего лагеря.

Жизнь наша въ плѣну тѣмъ временемъ продолжала идти своимъ повседневнымъ распорядкомъ.

Вставали въ 7 ч. утра и въ 8 ч. получали ячмен. кофе съ сахариномъ (казен. сахару отпускалось каждому плѣнному ½ кл. на мѣс.) и черным хлѣбомъ. Хлѣбъ былъ очень хорошей выпечки, но мало питательный. Солдатскій хлѣбъ, который иногда удавалось купить у нѣмецк. солдатъ, былъ гораздо сытнѣй. Въ 9 час. у. всѣ выходили на повѣрку во внутренній дворъ, гдѣ выстраивались группами офицеры и солдаты (денщики) по національностямъ, и каждая офицерская группа по номерамъ комнатъ. Выходъ на дворъ для повѣрки былъ обязателенъ для всѣхъ (не исключая герцога Шуазеля).

На повѣркѣ обыкновенно присутствовали всѣ чины комендантуры. При появленіи коменданта, фельдфебель громко кричалъ: «Achtung» (для команды солдатъ), на что комендантъ прикладывалъ руку къ козырьку и, казалось какъ будто этимъ онъ и насъ, стоящихъ въ строю, привѣтствовалъ. Такъ же, какъ и на фортахъ и въ лагерѣ Нейссе, фельдфебель выкликивалъ, сильно коверкая, наши фамиліи. Кромѣ того, фельдфебеля,

обходя нашъ фронтъ, повѣряли число офицеровъ по комнатамъ.

После переклички обьявлялись иногда разныя правила, напр., какъ держать себя на прогулкахъ.

Старшій въ лагерѣ рѣшилъ обратиться къ коменданту съ просьбой, разрѣшить, какъ и вь Россіи, воен. плѣннымъ прогулки внѣ лагеря болѣе, чѣмъ на 2—3 часа, и каждому офицеру отдѣльно, а не группами съ проводникомъ. Комендантъ въ этомъ категорически отказалъ. Вообще, маіоръ Рихтсгофенъ старался во всѣхъ просьбахъ намъ отказывать. Мало этаго, онъ любилъ поиздѣваться надъ плѣнными, иногда очень зло, и скоро дошелъ до такой выходки.

Проѣзжала на фронтъ черезъ ближайщую станцію нѣмецкая пѣхотн. бригада, командиръ которой, очевидно, былъ пріятелемъ нашего коменданта. Маіоръ Р. пригласилъ его и всѣхъ офицеровъ бригады «посѣтить» нашъ лагерь.

Часа въ 3 дня, послѣ обѣда, т. е. въ необычное для повѣрки время, раздался у насъ сигналъ «на повѣрку»! По корридорамъ забѣгали фельдфебеля, громко вызывая насъ скорѣе выходить на дворъ. Встревоженные вышли мы всѣ на мѣсто обычной повѣрки, построились, какъ всегда, и ждемъ. Раздается команда фельдфебеля: «Achtung!» (якобы для команды нашихъ деньщиковъ). Открываются широко двери изъ замка, и къ намъ во дворъ, во главѣ съ нашимъ «скупымъ рыцаремъ», входитъ большая толпа нѣмецкихъ офицеровъ, весело и непринужденно болтающихъ и курящихъ сигары.

Маіоръ и эти господа, войдя къ намъ, насъ не привѣтствуютъ... Мы поражены, и вдругъ, чуткое ухо наше улавливаетъ полную сарказма фразу коменданта: „В о т ъ э т о, г о с п о д а, м о й з в ѣ р и н е ц ъ !“

Впереди стоящіе офицеры, услышавъ эту фразу, громко передаютъ ее всѣмъ непонимающимъ по нѣмец-

ки. Французы, (во главѣ съ герцог Шуазель), ближе всѣхъ стоявшіе къ этимъ «гостямъ» а за ними русскіе и англ. офицеры устремляются прямо къ коменданту и громко кричатъ: «Это безсовѣстно! Вы неджентельменъ! Вы сами звѣрь! Вы нарушаете международный законъ о плѣнныхъ!»

Маіоръ пытается что то возражать, но ему не даютъ говорить. Всѣ плѣн. офицеры съ взволнованными лицами оставили свои мѣста, смѣшались съ нѣмецк. офицерами, и всѣ кричатъ.... Маіоръ растерялся. Онъ началъ смущенно говорить: «Вы можете на меня жаловаться, но не кричать!»

А въ это время, крайне сконфуженные такимъ пріемомъ, его «гости», одинъ за другимъ, ретируясь, обращаются прямо въ бѣгство, и скоро маіоръ очутился среди нашей бушующей толпы одинъ. Видно велика была его растерянность и конфузъ передъ своими гостями, что онъ даже забылъ вызвать для порядка «Wach'у». Размахивая руками и пожимая плечами, скрылся онъ въ комендантуру, сопровождаемый нашими нелестными по его адресу эпитетами!

Штабъ-офицеры сейчасъ же собрались на совѣщаніе по этому поводу и, составивъ жалобу инспектору лагерей воен. пл. на незаконныя дѣйствія коменданта, вручили (черезъ старшаго въ лагерѣ) эту жалобу ему же.

Долго шумѣлъ и волновался нашъ лагерь. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ, сколько мы жалобъ и претензій ни заявляли, и устно и письменно, не только ни одна изъ нихъ не была удовлетворена, но ни на одну жалобу мы не получили до сихъ поръ отвѣта! Какъ же было намъ не волноваться!

. . . .

Лѣтомъ, послѣ повѣрки, если погода была хорошая, большинство плѣнныхъ оставалось на дворѣ, спѣшили скорѣе занять свои мѣстечки въ маленькомъ

скверикѣ подъ тѣнью дерева, или подъ кустами на зеленой травкѣ.

Скрывшись подъ такимъ кустомъ, стараешься расположиться такимъ образомъ, чтобы совершенно не видѣть пулеметныхъ площадокъ и часовыхъ у забора съ колючей проволокой.

Ясное небо, солнце, молодая травка, чириканье птичекъ успокаиваютъ и напоминаютъ, что еще не все потеряно, что еще будетъ свободная жизнь — счастье! Здѣсь, въ уютномъ уголкѣ маленькаго садика, я любилъ тѣшить себя мечтами и надеждою на скорую свободу. Здѣсь я любилъ перечитывать извѣстія, изрѣдка получаемыя отъ семьи, и особенно письма В. Н. Урванцевой.

Письма этой молодой дѣвушки такъ чутко воспринимались моей душой, такъ сладко утѣшали и манили будущей свободной жизнью съ ея радостями.

Не могу не привести здѣсь нѣкоторыхъ изъ сохранившихся у меня милыхъ ея посланій мнѣ, мнѣ, котораго она никогда не видѣла и не знала, такъ же, какъ и я ее.

Письмо В. Н. У—ой.

Дорогой Александръ Арефьевичъ!

Я получила только одну Вашу открытку, письма же не получила; сама пишу часто, но отвѣта отъ Васъ все не было до сегодня, и какъ же я была счастлива, получивъ Вашу милую открытку. Я ее буду хранить всегда! Въ вашъ лагерь посылаю еще 3 посылки — всего 6. Завтра шлю большую посылку. Есть ли у васъ въ лагерѣ солдаты русскіе? Отвѣтьте, я имъ тоже должна послать. Не благодарите меня — за что? Мнѣ, право, стыдно и больно отъ Вашей благодарности! Все это такъ ничтожно по сравненію съ тѣми огромными жертвами, которыя вы несете въ защиту родины и насъ. Напротивъ, я должна благодарить и сердечно благодарю Васъ, — у меня теперь есть маленькое дѣло хоть для кого нибудь сдѣлать, что

нибудь пріятное. Вѣдь я ничего не дала въ это тяжелое время — родинѣ! Опять повторяю: всѣ мы васъ помнимъ, цѣнимъ и любимъ, нѣтъ нужды, что мы васъ никогда не видали и не увидимъ вѣроятно, вы для насъ самые наши близкіе и любимые Сердце болитъ за васъ, хочется сдѣлать такъ много, много, но чувствуешь все свое ничтожество и безполезность... Вотъ это — горько и больно...!

Я исполняю, Александръ Арефьевичъ, съ удовольствіемъ Вашу просьбу и благодарю за довѣріе — это мнѣ очень дорого. Я пишу Вашей тетѣ сегодня же. Не могу ли я сдѣлать еще для кого нибудь изъ Вашихъ товарищей чего нибудь? Пишите мнѣ, я буду такъ рада, чѣмъ нибудь помочь вамъ. Свою карточку я пришлю съ удовольстіемъ, но я должна сняться — у меня остался одинъ снимокъ, когда я была ученицей.

До свиданья, дорогіе друзья!

Крѣпко жму вамъ руки и желаю душевнаго мира!

Ваша Вѣра.

г. Лукьяновъ, Нижегор. губ.
1916 годъ, 6-го іюля среда.

2-ое письмо. 1916 г. 9 ноября.

Милый, дорогой Александръ Арефьевичъ!

Заранѣе поздравляю васъ съ праздниками и Новымъ Годомъ, шлю вамъ сердечныя поздравленія и пожеланія.

Въ этотъ день, 19 дек., я буду цѣлый день вспоминать Васъ, а также и всѣхъ Вашихъ товарищей. Но не думайте, что 25 декабря и 7 января 1917 г. вы будете одни, знайте, что всѣ мы, и я въ частности, думаемъ, помнимъ и любимъ васъ. Я отъ Васъ давно, давно не получала писемъ, здоровы ли Вы и помните ли меня немного? Вамъ я послала письмо, книги и свою карточку—Вы мнѣ напишите, тогда я буду спокойна. Мнѣ бы хотѣлось исполнить какое нибудь порученіе, какую

нибудь Вашу просьбу, или Ваше желаніе, напишите — прошу Васъ очень.

Сейчасъ у насъ время серьезныхъ занятій, и я много, много занимаюсь; въ первыхъ числахъ декабря отправлюсь домой.

Вашей тетѣ я написала письмо, но отвѣта еще не получила, она мнѣ раньше писала, что часто болѣетъ, и потому не всегда точно отвѣчаетъ на письма. Моя подруга, съ которой мы сейчасъ вмѣстѣ живемъ, Маруся, шлетъ Вамъ свой привѣтъ и пожеланія всего самаго лучшаго, что только можно пожелать. Вчера я была въ музыкальной драмѣ «Король забавляется» — мнѣ очень понравилось. Завтра пойду слушать публичную лекцію Бальмонта. Скоро будутъ читать Чириковъ и Мережковскій: «Проблема личности и задачи современной жизни». Мы съ Марусей посѣщаемъ музеи и выставки. Въ скоромъ времени слушаю Собинова. И несмотря на то, что у меня много знакомыхъ, и я все время занята, мнѣ скучно, грустно, и Вы знаете почему. Дорогой Александръ Арефьевичъ, Вы мнѣ напишите — я такъ буду рада получить Ваше письмо, пишите мнѣ чаще и лучше въ Лукьяновъ, письма такъ долго идутъ, что возможно, когда я ихъ получу на Петроградъ — меня тамъ не будетъ, дома же мнѣ ихъ всегда могутъ переслать. Вотъ видите, я Вамъ пишу все, что думаю и все, что со мною происходитъ.

До свиданья, дорогой Александръ Арефьевичъ!

Всѣмъ сердечный привѣтъ!

Вашъ другъ Вѣра Урванцева.

3-ье письмо.

Среда, 1916—28-го декабря. Россія.

Дорогой Александръ Арефьевичъ!

Какъ это больно, еслибъ Вы только знали и повѣрили, а Вы не вѣрите уже мнѣ. Я пишу Вамъ и часто, возможно грѣшу противъ цензуры и Вы потому

не получаете. А отъ Васъ я получила вотъ только сегодня письмо и двѣ открытки. Я уже думала, что Вы забыли меня. Я пріѣхала домой изъ П. и скоро снова отправляюсь туда. Въ это грустное и тяжелое Рождество вспоминаю всѣхъ васъ. Вы упрекаете меня въ нечуткости, хотите стихотвореніемъ Надсона напомнить мнѣ о томъ, о чемъ я думаю всегда. Еслибъ Вы знали, какое горе мнѣ пришлось пережить послѣдніе мѣсяцы! У меня ничего не осталось въ душѣ, кромѣ скуки и усталости! Я не могу Васъ ни ободрить, ни утѣшить, это жестоко? Простите мнѣ, дорогой и милый другъ. Я помню Васъ, думаю о Васъ. Будетъ еще и счастье, жизнь еще не вся ушла, *возможно, мечты о благополучіи нашей Родины не останутся мечтами!*...И мнѣ хотѣлось бы сказать Вамъ многое, спросить Васъ, но не безполезно ли это?

Боже мой, *еслибъ вырваться изъ этого круга тоски!*

Простите меня, дорогой Александръ Арефьевичъ, и не судите, и не думайте очень плохо обо мнѣ.

Вѣра Урванцева.

. . . .

Такъ наша переписка съ нею, сначала такая «общественная», постепенно перешла на личную. Я тогда «жилъ» этой перепиской, все остальное въ жизни плѣннаго мнѣ казалось ничтожнымъ, и поэтому я легко переносилъ всѣ невзгоды и лишенія того времени.

Величайшимъ наслажденіемъ для меня было отвѣчать на эти письма, такъ же, какъ неполученіе ея писемъ меня сильно разстраивало. Я несправедливо упрекалъ ее за молчаніе, но, хотя наши письма не всѣ доходили по назначенію (цензура ихъ уничтожала), но самый процессъ обмѣна мыслями не только отвлекалъ меня отъ мрачныхъ думъ въ плѣну, но, — опять повторяю, — давалъ неизъяснимое наслажденіе!

Не будучи знакомыми, при слабой вѣрятности, когда нибудь встрѣтиться, мы нашли другъ въ другѣ

духовное сродство и возвышенную дружбу на разстояніи.

Постепенно ея письма, сначала такія бодрыя, утѣшающія, стали грустными. Война не щадила и ея. Тяжелыя потери близкихъ и друзей и искренняя любовь къ Родинѣ заставляли чуткую дѣвушку страдать на самой ранней зарѣ ея жизни! Послѣднее письмо опредѣленно говорило, что тамъ въ Россіи не все благополучно.

Дѣйствительно, въ это время (1916-й г. 28-го дек.) Россійская Имперія была накунунѣ переворота.

Упорная борьба Государств. Думы съ бездарнымъ правительствомъ принимала все болѣе рѣзкія формы.

Порядокъ назначенія министровъ при посредствѣ ужасной „нѣмецко—распутинской" среды, окружавшей Императрицу, полное разстройство транспорта и подвоза необходимыхъ для фронта матеріаловъ,— причемъ остановились заводы и фабрики, безработица и продовольственный кризисъ,—все это сильно возбуждало народный гнѣвъ внутри страны, благодаря чему пропаганда нѣмцевъ и Ленина интенсивнѣе развивалась.

Конечно, честная, мыслящая русская молодежь возмущалась этимъ хаосомъ и страдала за свою Родину. Вотъ почему и послѣднія письма В. Н. У-ой, несмотря на ея желаніе насъ ободрить, приникнуты были горькимъ пессимизмомъ... Она сама попала «въ кругъ тоски», изъ котораго трудно вырваться!

К р у г ъ т о с к и! Какъ онъ мнѣ хорошо былъ знакомъ въ плѣну! Вѣдь, именно, отъ этой тоски плѣнные приходили въ отчаяніе—и вотъ 22-го дек. опять въ нашемъ „привиллегированномъ" лагерѣ неумолимая смерть „вырвала изъ круга тоски" вторую жертву!

Было утро. Я сидѣлъ у окна въ своей комнатѣ на 2-мъ этажѣ и писалъ отвѣтъ на послѣднее, полное-

тоски письмо В. Н. Окно выходило на улицу, гдѣ былъ парадный подъѣздъ и та роковая площадка, гдѣ нашелъ себѣ смерть англичанинъ. Неожиданно внизу, на этой площадкѣ, у подъѣзда что-то тяжко грохнулось, задребезжала парадная дверь подъѣзда, и вслѣдъ за этимъ, послѣ небольшой жуткой паузы, раздался по корридору топотъ бѣгущихъ ногъ и отдѣльные возгласы...

Я выскочилъ изъ комнаты и побѣжалъ внизъ на крыльцо. Здѣсь глазамъ моимъ представилось ужасное зрѣлище: на роковой площадкѣ, переполненной сбѣжавшимися офицерами, корчился и изгибался весь окровавленный молодой русскій офицеръ, только что бросившійся съ 4-го этажа!... Прыжокъ для самоубійства былъ крайне неудаченъ: грудная клѣтка, руки и ноги несчастнаго офицера были переломаны въ разныхъ мѣстахъ. Падая съ огромной высоты, онъ со страшной силой ударился о желѣзную баллюстраду крыльца. Это былъ подпор. 6-ой артил. бригады Сергѣй Ильичъ Побыванецъ, красивый молодой офицеръ 24 лѣтъ, (между прочимъ, дважды раненый въ жестокихъ бояхъ подъ Праснышемъ).

Онъ былъ еще живъ, но, видимо, страдалъ ужасно.

Я помню трогательную картину. Прибѣжавшій однимъ изъ первыхъ командиръ 63-й арт. бригады, полковн. П-въ, его главный начальникъ, осторожно поднялъ подпор. Побыванца съ полу и сѣлъ съ нимъ тутъ же на площадкѣ, держа на рукахъ, обнимая его и цѣлуя его помертвѣвшее отъ боли лицо... Слезы ручьемъ текли изъ глазъ стараго полковника... Пораженные этой катастрофой, блѣдные и разстроенные стояли мы около трагически-печальной группы... Почему то въ моемъ воображеніи вмѣсто полковн. П-ва представилась мнѣ родная мать Побыванца, держащая въ своихъ объятіяхъ умирающаго сына и горько рыдающая...

Явился нѣмецкій врачъ, почти всѣ чины комендантуры, кромѣ коменданта. Замѣтна была ихъ общая растерянность. На простыняхъ отнесли несчастную «жертву плѣна» въ пріемный покой. Сюда явился со Святыми Дарами нашъ батюшка и, послѣ «глухой исповѣди», напутствовалъ умирающаго Св.Тайнами на тотъ свѣтъ. Конечно, никакой надежды на спасеніе этого офицера не было, и черезъ пару часовъ, уже не приходя въ сознаніе, подпор. Побыванецъ сковчался буквально на рукахъ плакавшаго полковн. П-ва.

Весь лагерь нашъ былъ потрясенъ этой смертью. Къ трупу самоубійцы приходили многіе плѣнные офицеры, со страннымъ любопытствомъ стараясь посмотрѣть на мертвое лицо покойника... Разговорамъ и толкамъ не было конца. Разсказывали, напр., что еще наканунѣ покойный, какъ будто шутя, сказалъ, что вслѣдъ за лейт. Вилькинзономъ его очередь броситься съ крыши. Затѣмъ «по секрету» называли фамилію еще одного офицера, только что, вотъ сейчасъ, произнесшаго фразу: «3-я очередь моя!»

Нѣкоторые, особенно нервные, офицеры бѣгали изъ комнаты въ комнату, дѣлясь своими впечатлѣніями и волновались словно маніаки, одержимые бредовой идеей... Настроеніе въ лагерѣ становилось нехорошимъ.. Вездѣ говорили о заразительности самоубійства.

Но... наконецъ вспомнили... о Богѣ, «безъ Воли Котораго и волосъ не спадетъ съ головы человѣка»!

Первая панихида по трагически скончавшемся подпоруч. Побыванцѣ совершена была въ нашей возобновленной церкви-чердакѣ. Собрались почти всѣ плѣнные помолиться за его душу.

Я помню, что и англичане, и французы, и бельгійцы стояли съ нами за этой панихидой со свѣчками въ рукахъ (къ этому времени прибыло много свѣчей изъ Россіи для нашей церкви). —Лица молящихся были сосредоточено-молчаливы. Хоръ пѣлъ прекрасно... Скорб-

Тѣло покойнаго подпор. Побыванца въ манежѣ.

Выносъ тѣла подпоручика Побыванца.
Похоронная процессія.

ные напѣвы о упокоеніи души усопшаго и умиляли и въ то-же время волновали душу.

«Помилуй, Господи, раба Твоего, яко Ты, Человѣколюбецъ, прости его, ибо нѣтъ человѣка, который бы жилъ и несогрѣшилъ»... слышатся изъ устъ священника слова молитвы... Я размышлялъ... великъ грѣхъ самоубійства, но, вѣдь, велико и Милосердіе Божіе... Господь оцѣнитъ всѣ страданія на землѣ этого молодого офицера, его любовь къ Родинѣ, раны, полученныя имъ въ бояхъ «за ближняго своего», и тяжкую душевную болѣзнь въ плѣну, приведшую его къ самоубійству...

Хотѣлось плача, умолять Всевышняго «помиловать его душу», успокоить его въ мѣстѣ злачнѣ, мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь и печаль и воздыханіе»... Слова молитвы глубоко западали тогда въ душу...

При пѣніи: «Со святыми упокой, Христе», всѣ молящіеся плѣнные, какъ одинъ, стали на колѣни. Кадильный дымъ съ благоуханіемъ ладана возносится къ Алтарю...

Похороны на завтра. Тѣло покойнаго обряжено и въ закрытомъ гробу выставлено въ манежѣ... Опять цвѣты, вѣнки отъ каждой группы плѣнныхъ, по національностямъ, только добавился еще вѣнокъ отъ нашихъ солдатъ (деньщиковъ).

Пока не похоронили покойнаго, лагерь живетъ особенной жизнью; распорядокъ дня тотъ же, но мысли невольно сосредоточиваются около новой жертвы нашего плѣненія.

24-го окт. повторилась почти та же картина похоронъ, какую мы еще такъ недавно (11-го окт.) видѣли, когда хоронили лейт. Вилькинзона.

Такъ же, какъ и тогда, собрался на плацу весь нашъ лагерь; блестя своими касками, построился нѣмецкій почетный караулъ и администрація лагеря,

причемъ замѣститель коменданта Hauptmann почему-то былъ верхомъ.

Обрядъ отпѣванія и погребенія совершали нашъ священникъ съ хоромъ офицеровъ (управл. В. В. Рябининымъ). Также медленно и высоко колыхался гробъ покойнаго, несомый офицерами и солдатами; на крышкѣ его, взамѣнъ сабли, лежала артиллерійская фуражка; впереди несли вѣнки: русскіе, англійскіе, французскіе и бельгійскіе офицеры.

Еще большая толпа мѣстныхъ жителей встрѣтила погребальную процессію въ мѣстечкѣ, когда она выступила изъ двойныхъ заборовъ съ колючей проволокой и воротъ лагеря.

Трогательно было видѣть въ толпѣ двухъ молоденькихъ нѣмецкихъ «Fräulein», кружевными платочками утиравшихъ слезы на своихъ хорошенькихъ личикахъ... Я тогда невольно задалъ себѣ вопросъ: «Неужели это тѣ самыя нѣмки, которыя еще не такъ давно, при враждебной манифестаціи передъ нашимъ лагеремъ, по нашему адресу потрясали своими кулачками?!»

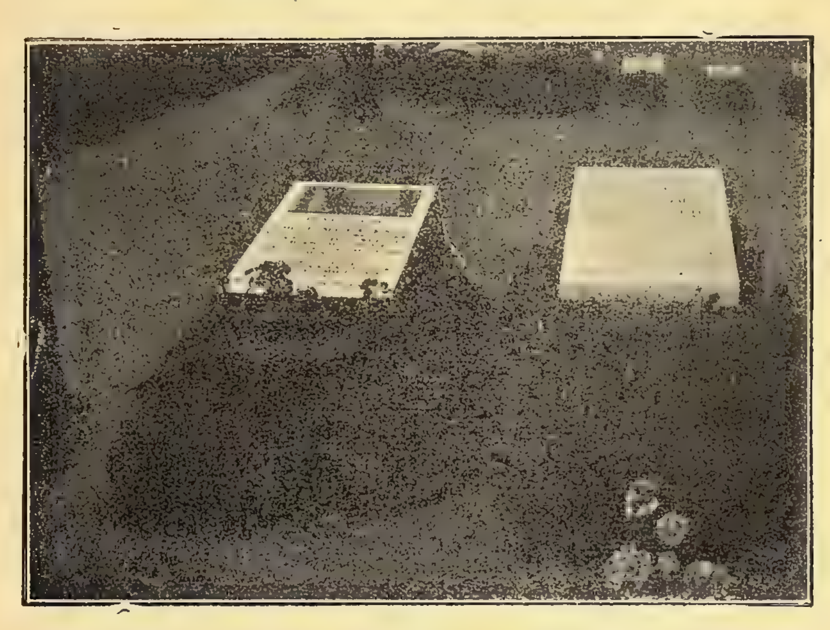
Второй разъ плачущая мольба ко Всевышнему: «Св. Боже, Св. Крѣпкій, Св. Безсмертный, помилуй насъ!» неслась къ Небу и звуки этой мольбы, какъ эхо, далеко разносились по мѣст. Гнаденфрей.

Похоронили подпор. Побыванца на кладбищѣ рядомъ съ англійскимъ лейт. Вилькинзономъ, подъ сѣнью старыхъ деревьевъ, еще болѣе пожелтѣвшихъ за эти двѣ осеннія недѣли... Когда опускали гробъ въ могилу, за оградой три раза разорвался залпъ нѣмецкаго почетнаго караула... «Вѣчная память», какъ заключительный аккордъ отпѣванія, также три раза звучитъ надъ могилой, а глухіе звуки падающихъ въ яму на гробъ комьевъ земли и песку... довершаютъ погребеніе: «земля еси и въ землю отъидеши»!

Такъ выросла вторая могила нашего лагеря на тихомъ Гнаденфрейскомъ кладбищѣ! Скоро покрылась

Могила прап. Л. Н. Горбунова.
на кладбищѣ г. Рейхенбахъ.

Могилы англ. лейт. Вилькинзона и подпор. С. И.
Побыванца на кладбищѣ Гнаденфрей.

она такой же бѣлой мраморной доской, какъ и сосѣдняя могила англичанина, а надпись на ней по-русски гласила:

Русскій офицеръ

Подпоручикъ 63-й артил. бригады Сергѣй Ильичъ Побыванецъ.

Родился 7-го окт. 1892 г, † 22 окт. 1916 г.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!

Плѣнные офицеры лагеря Гнаденфрей.

Конецъ I части.

Отзывы печати о книгѣ „На войнѣ“

(въ отрывкахъ)

„L i e t u v o s A i d a s“ (Kaunas) Nr. 101:

„A. A. Uspenskio knyga, kad ir rusų kalba, yra pirma karo dalyvio knyga apie karą Lietuvoje. . .

Autorius tikrosios rusų tarnybos karininkas ir jo kariškoji dalis — 106-asis Ufos pėst. pulkas, — ligi karo visą laiką stovėjęs Lietuvoje; karas jį užtiko Vilniaus krašte Paberžių stovykloje. Šis pulkas priklausė garsiajam XX-am korpusui, kuris labai garbingai, tačiau nereikalingai žuvo Augustavo miškuose. Tame korpuse, deja, žuvo ar vokiečių nelaisvėn pateko daugybė lietuvių, nes beveik visi pirmosios mobilizacijos atsarginiai kariai lietuviai buvo patekę į įvairias šio korpuso dalis. Todėl ne vienas šio korpuso dalyvis lietuvis, beskaitydamas minimą Uspenskio knygą, gali rasti savo žygius ir kančias. . . .

Nuo Simno prasideda tikras karo žygis į Prūsų Lietuvą. Pereina sieną: vis lietuviški pavadinimai, lietuviškos vietos ir nuolatiniai santykiai su vietos gyventojais lietuviais, apie kuriuos autorius gražiai atsiliepia. Gana vaizdžiai aprašytos garsiosios Stalupėnų ir Gumbinės kautynės, pašėlęs sumuštų vokiečių bėgimas ir tolimesnis rusų žygis į... Karaliaučių...

Bet... vokiečiai atitraukia dalį savo jėgų nuo Marnos ir meta jas rusams ant galvų...

Augustavo miškai, ir korpuso likučiai iššovę paskutinį šovinį, durtuvais puola apsupusius juos vokiečius ir, paklojęę per dvi kautynių valandas 7000 savo vyrų, patenka vokiečių nelaisvėn. Autorius dėl savo garbingų žygių gavo iš savo vyriausybės garbingą atlyginimą, bet bene dar di-

desnis atlyginimas ir garbė jam teko jau po karo (1930 m.) iš jo buvusio priešo vieno žymiausiųjų vokiečių karo vadų generolo Gallvitz'o. Jis savo didelėje knygoje mini Allenburgo tilto gynimą, pažymėdamas, kad tas gynimas buvo labai gerai atliktas. O tiltą gynė kaip tik mūsų autorius. Šis gynimas ypatingai vykusiai atvaizduotas.

Autorius, nors ir kadrinis karininkas, nors ir nesigailėdamas savęs kariauja, tačiau karu dažnai biaurisi, žiūri į jį kaip į Dievo rykštę, nelaimę ir nežmonišką dalyką.

(*Переводъ*) «Летувосъ Айдасъ» № 101 gegužės 6 d.

«Книга А.А. Успенскаго, хотя и на русскомъ языкѣ, есть первая книга о войнѣ въ Литвѣ участника войны... Авторъ-офицеръ дѣйствительной службы, и его 106 пѣх. Уфимскій полкъ — до войны все время стоялъ въ Литвѣ; война застала его въ лагерѣ Подбродзе. Этотъ полкъ вошелъ въ составъ XX знаменитаго корпуса, который очень доблестно сражался, пока не погибъ въ Августовскихъ лѣсахъ.

Къ сожалѣнію, въ этомъ корпусѣ погибло, или попало въ плѣнъ къ нѣмцамъ много литовцевъ, п. ч. почти всѣ, 1-й мобилизаціи, запасные военные литовцы были назначены въ части этого корпуса. Поэтому не одинъ бывшій этого корпуса литовецъ, читая упомянутую книгу Успенскаго, можетъ найти и свои дѣйствія и страданія...

Отъ Симно началось настоящее боевое продвиженіе въ Прусскую Литву. Перешли границу: все литовскія названія, литовскія мѣста и постоянныя сношенія съ мѣстными литовцами, о которыхъ авторъ сердечно отзывается. Картинно описаны знаменитые Сталупенскій и Гумбиненскій бои, бѣгство разбитыхъ нѣмцевъ и дальнѣйшее продвиженіе русскихъ къ... Кенигсбергу... Но нѣмцы отрываютъ часть своихъ силъ отъ Марны и бросаютъ ихъ на голову русскимъ... Ав-

густовскіе лѣса... и остатки корпуса, выстрѣливъ послѣдніе снаряды, штыками пробиваютъ себѣ путь среди окружившихъ ихъ нѣмцевъ и, положивъ въ теченіи 2-хъ часовъ болѣе 7000 своихъ бойцовъ, попадаютъ въ плѣнъ... Авторъ за свои боевыя заслуги получилъ почетныя награды, но еще большая награда и прочесть ему воздана его бывшимъ врагомъ, однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ нѣмецкихъ вождей, генерал. ф. Гальвицемъ. Онъ въ своей большой книгѣ («Meine Euhrertatigkeit im Weltkriege 1914—1916») упоминаетъ оборону Алленбургскаго моста, подчеркивая, что эта оборона русскими была очень хорошо выполнена. А мостъ оборонялъ именно нашъ авторъ. Эта оборона была особенно примѣрной. Авторъ, хотя и кадровый офицеръ и воевалъ не жалѣя себя, но все таки войной часто возмущается, смотритъ на нее какъ на «Божію грозу», несчастье и нечеловѣческое дѣяніе».

«Русскій Инвалидъ» № 39, 22—6—32 г. генер.-лейт. Н. А. Алексѣевъ:

«Простымъ яснымъ языкомъ, въ этическо-спокойномъ тонѣ, лишь мѣстами воспламеняясь воспоминаніями о минувшихъ переживаніяхъ въ особо исключительныхъ условіяхъ боевой обстановки, авторъ глубоко интересной книги «На войнѣ» увлекаетъ читателя по пути боевой страды, по которому доблестно шествовалъ родной ему 106-ой п. Уфимской полкъ, отъ перваго дня мобилизаціи, 13 іюня 1914 г. по день гибели полка, 8-го февр. 1915 г. Нѣтъ возможености передать въ краткомъ изложеніи богатыя по содержанію, цѣнныя по фактическому описанію, захватывающія по воспроизводимымъ боевымъ эпизодамъ и бытовымъ картинамъ особой жизни на фронтѣ, эти прекрасныя, отъ первой до послѣдней страницы, воспоминанія А. А. Успенскаго. Ихъ надо прочесть. А начнешь читать - не

оторвешься, пока не закроешь послѣднюю, 226-ю страницу. Съ чувствомъ гордости воспринимаются доблесть и мужество офицеровъ, порывъ и вѣрность присягѣ безподобнаго по качеству кадроваго состава нижнихъ чиновъ, во главѣ съ героями унт-офицерами; много и грустныхъ мыслей навѣваютъ скорбныя страницы этой боевой лѣтописи, въ особенности, послѣдніе трагическіе дни, предшествовавшіе пленѣнію: . . . .
Книга А. А. Успенскаго цѣнный документъ для славной исторіи россійской императорской арміи, интересна въ отношеніи психологическаго матеріала въ ней заключающагося и описанія дѣйствій полковъ, баталіоновъ и ротъ...

Отъ души ей желаемъ возможно широкаго круга читателей.»

Naujoji Romuva, žurnalas Nr. 20—1932-V-15 d. Ats. gen. štabo pulkin. V. Skorupskis.

Mūsų kariuomenės atsargos pulkininkas A. Uspenskis 1932 m. išleido rusų kalba knygą, pavadinęs ją „Kare".

Taip jausmingai ir gyvai gali aprašyti tik tas, kuris pats dalyvavo ir pats išgyveno visus mūšių sunkumus: matė savo akimis užmuštuosius kovos lauke, girdėjo savo ausimis mirštant vaitojančius sužeistuosius. Gaila, kad ta knyga yra parašyta ne mūsų kalba. Aš manau, kad ji bus išversta į mūsų kalbą, nes ji reikalinga mūsų kariuomenei, kad su ja galėtų susipažinti kiekvienas karys. Tie mūšiai, kuriuose autorius aprašo, buvo Rytų Prūsijoje, tai yra su mūsų kaimynine valstybe. O mums vis dėlto pravartu žinoti, kokių principų prisilaikydavo mūsų kaimynas pasauliniame kare, darydamas puolimą su daug geresnėmis techniškomis priemonėmis, negu rusų. Autorius labai aiškiai aprašo, kokią didelę rolę vaidina kariuomenės vadovybė, ypač karo metu, ir įsakymai, gauti laiku (pav., aprašymas, kai jis gavo laiku įsakymą ginti tiltą ties Allenburgu.) Jisai padė-

jo daug darbo gynimui ir sulaukė gerų rezultatų: daug skaitlingesnis priešas su sunkiąja artilerija buvo sustabdytas ilgam laikui ir tuo metu rusų kariuomenė galėjo atsitraukti be nuostolių. Autorius, aprašydamas Allenburgo tilto gynimą, aiškiai vaizduoja, kokią reikšmę turi kariuomenės auklėjimas taikos metu. Karo dalykų žinojimas ir atsakingumas prieš tautą, taip pat geras kariuomenės paruošimas laiduoja gerai išlaikyti egzaminus karo metu; jei ji tų savo privalumų neturi — neišpildo. Kokia sėkla pasėta taikos metu, toks derlius bus nuimtas karo metu. Beveik viskas priklauso kiekvieno mūšio pradžioje mažų vienetų, kurie pradeda kautynes ir kurie žino, ko iš jų norima, kurie turi ryšį su savo kaimyninėmis dalimis ir su kitų ginklų rūšimi. Visa tai autorius gražiai atvaizdavo, aprašydamas Gumbinės mūšį. Tos dalys gerai atliko savo uždavinį, nes buvo taikos metu gerai paruoštos.

Autorius, pats išgyvenęs visus tuos sunkumus, aprašinėdamas nurodė, kokia didelė drausmė buvo kadro kariuomenėje. Pirmuose mūšiuose jai nukentėjus ir ją papildžius rezervais, kurie nebuvo taip puikiai paruošti, kaip kadro kariuomenė, ir, aišku, tos dalys nustojo savo aukštos vertės. Autorius rašo, kad pasaulinio karo patyrimai rodo, kad kariauja visa tauta, todėl laimėjo ta kariumenė, kuri turėjo tiek pat išmiklintą rezervą, kaip kadro kariuomenę. Vienas iš žymiausių vokiečių karo rašytojų Klauzowetz'as, užklaustas, kam reikalingas karas, atsakė: „Karas reikalingas tam, kad vėliau ką nors apie jį parašytume, jį išstudijuotume, kad mokėtume vėl kariauti". Todėl kiekviena knyga, kurioje yra parašyta apie kautynes, kada tos kautynės buvo, kaip aš aukščiau pažymėjau Rytų Prūsijoje ir mūsų teritorijoje, yra reikalinga kariams, kad jie, susipažinę su tomis klaidomis, kurios buvo padarytos, jų pas mus nekartotų.

Gyventi galima geriausiai išmokti bestudijuojant praėjusius įvykius (Non scholae, sed vitae discimus — ne mokyk-

lai, bet gyvenimui mokomės). Skaitydamas tą knygą, jauti, kad autorius yra riteriškos sielos, nes jo knygoje garbingai aprašyti tie kariai, kurie pildo savo uždavinius su entuzijazmu. Jis pažymi, net ir buvusio priešo didvyriškumą. Aprašydamas tragiškas kautynes Augustavo miškuose XX rusų korpuso, kuris, matydamas prieš akis mirtį, ėjo atlikti savo uždavinio. Bet neturėdamas karo priemonių, jis negalėjo pasipriešinti gerai ginkluotam ir daug skaitlingesniam priešui — jie pateko nelaisvėn. Visus tuos belaisvius surinkęs, vokiečių generolas, vokiečių grupės vadas, pasakė: „Lenkiu galvą prieš jūsų drąsą. Jūs buvote apsupti iš visų pusių, bet drąsiai atlikote savo uždavinį, nors ir žinodami, kad mirsite, norėdami pralaužti frontą. Bet jums nepasisekė. Patekote nelaisvėn. Tačiau jūs vis dėlto atlikote savo riterišką darbą!" Įvykiai pasaulinio karo metu, rodo, kad riteriškumas, kuris dar gyvuoja nuo viduramžių, buvo visose kariuomenėse, ir nebus pamirštas, kokiai kariuom. egzistuos. „Gloria victis", sakydavo romėnai prieš Kristaus gimimą. Kodėl, mano nuomone, kiekvienam kariui ir piliečiui pageidaujama perskaityti tą knygą, kad jis žinotų 1914—1915 metais įvykusias Rytų Prūsijoje ir Lietuvoje karo baisybes.

P. S. Uspenskis yra mūsų kariuomenės atsargos pulkininkas, įstojęs jon savanoriu. Ji buvo viršininkas Baltgudžių dalių, kurios organizavosi pirmose mūsų Nepriklausomybės dienose. Be to, jis dirbo mūsų karo mokslo srityje.

(Переводъ) **Отст. полковникъ нашей арміи Успенскій издалъ на русскомъ языкѣ книгу „На войнѣ". Такъ живо и съ такимъ чувствомъ могу написать книгу только тотъ, кто самъ участвовалъ и самъ переживалъ всѣ ужасы боя: своими глазами видѣлъ стоны убитыхъ на полѣ боя и своими ушами слышалъ умирающихъ, раненыхъ. Жалко, что эта книга написана не на нашемъ языкѣ. Я думаю, что она будетъ переведена на литовскій языкъ, потому что она нужна**

нашей арміи, чтобы съ нею могъ познакомиться каждый воинъ. Тѣ бои. которые описываетъ авторъ, происходили въ Восточн. Пруссіи, т. е. въ сосѣднемъ съ нами государствѣ. Поэтому намъ необходимо знать, какихъ принциповъ придерживался въ бояхъ нашъ сосѣдъ во всемірной войнѣ, будучи технически во много разъ лучше обезпеченъ, чѣмъ русскіе. Авторъ подчеркиваетъ, какую огромную роль играетъ управленіе войскомъ, особенно въ военное время, и приказы получаемые во время; послѣднее доказываетъ примѣромъ, когда авторъ своевременно получилъ приказъ оборонять мостъ у Алленбурга, что очень помогло самой оборонѣ моста и дало хорошіе результаты: во много разъ многочисленнѣе противникъ съ тяжелой артиллеріей былъ остановленъ на сутки, благодаря чему часть русской арміи могла отступать безъ особыхъ потерь.

Авторъ, описывая оборону Аленбургск. моста, ясно рисуетъ, какое значеніе имѣетъ воспитаніе арміи въ мирное время. Знаніе военнаго дѣла и сознаніе отвѣтственности передъ родиной, а также хорошее снаряженіе арміи помогаютъ хорошо выдержать экзаменъ въ военное время. Если армія этихъ свойствъ не имѣетъ, экзамена не выдерживаетъ. „Что посѣешь въ мирное время, то и пожнешь въ военное.“

Вначалѣ каждаго боя почти все зависитъ отъ маленькихъ единицъ, которыя начинаютъ бой, которыя знаютъ, чего отъ нихъ требуютъ и которыя имѣютъ связь съ сосѣдними частями и другими родами оружія. Все это авторъ красиво изобразилъ, описывая Гумбиненскій бой. Эти части хорошо выполнили свое заданіе (экзаменъ), пч. въ мирное время были хорошо подготовлены. Авторъ, самъ переживъ всѣ тяжести войны, описывая ихъ, говоритъ, какая большая дисциплина была въ русской кадровой арміи; потомъ же, послѣ большихъ потерь въ первыхъ

бояхъ, армія была пополнена запасными, которые уже не были такъ хорошо обучены, какъ, кадровые и ясно, что эти части не имѣли того высокаго значенія. Авторъ пишетъ, что опыты всемірной войны доказали, что воюетъ весь народъ, поэтому побѣждаетъ та армія, резервы которой по своимъ качествамъ не уступаютъ кадрамъ.

Одинъ изъ знаменитыхъ нѣмецкихъ писателей Генер. Клаузовитцъ, спрошенный «зачѣмъ нужна война», отвѣтилъ: «война нужна для того, чтобы потомъ объ ней мы писали и ее изучали, а это нужно для того, чтобы потомъ могли мы опять воевать». Поэтому, каждая книга съ описаніями боевъ, особенно когда эти бои были въ Вост. Пруссіи и на нашей территоріи, нужна всѣмъ военнымъ, чтобы они, познакомившись съ тѣми ошибками, которыя были сдѣланы, у насъ ихъ не повторили бы.

Лучше всего мы можемъ поучиться жить, изучая прошлыя событія (Non scholae, sed vitae discimus— «не для школы, а для жизни учимся»). Читая книгу: «На войнѣ», чувствуешь рыцарскую душу автора, потому что въ его книгѣ съ особымъ почетомъ вспоминаются тѣ воины, которые исполняли свои боевыя задачи съ энтузіазмомъ. Онъ отмѣтилъ рыцарство даже и бывшаго врага. Описаны трагическіе бои въ Августовск. лѣсахъ русскаго XX-го корпуса, который видя передъ глазами смерть, стремился до конца выполнить свою задачу, но не имѣя патроновъ и снарядовъ, онъ уже не могъ преодолѣть хорошо вооруженнаго и гораздо болѣе многочисленнаго врага, и попалъ въ плѣнъ. И вотъ, собравъ всѣхъ плѣнныхъ, нѣмецкій генералъ (команд. арміей) сказалъ: «склоняю голову передъ вашей храбростью, вы были окружены со всѣхъ сторонъ, но храбро исполнили свою задачу: хотя и знали, что погибните, пробивая фронтъ... Это вамъ не удалось, вы попали въ плѣнъ, но вы выполнили свой рыцарскій долгъ!»

Такія событія во время Великой войны указываютъ, что рыцарство, родившееся въ средніе вѣка, живетъ во всѣхъ арміяхъ и не будетъ забыто, пока существуютъ арміи. Итакъ, по моему, каждому воину и штатскому совѣтую прочитать эту книгу, чтобы они знали объ ужасахъ войны 1914—15 г. г., происходившихъ въ Вост. Пруссіи и Литвѣ».

«Сегодня» (Рига) — 12 мая 1932 г. Nr. 132. Р. Вельскій въ статьѣ: «Гибель мира» о книгѣ русскаго офицера «На войнѣ»:

. . . . . «Но если бы кто-нибудь захотѣлъ услышать дѣйствительно правдивый голосъ, представить себѣ истинную, неподрумяненную картину минувшей войны, тому можно было бы порекомендовать книгу А. А. Успенскаго: «На войнѣ». Это не романъ, это — не литература. Въ честныхъ и точныхъ воспоминаніяхъ Успенскаго приведены только факты, — тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе. Нужно прочесть хотя бы страницы, описывающія бой у Герритена, у Скроблиненской рощи, у Махарце, февралскій отходъ съ боями, затѣмъ полное окруженіе нѣмцами XX-го корпуса и его гибель, чтобы трагическое зрѣлище войны потеряло все романтическое обаяніе и встало во всей страшной своей наготѣ, безчеловѣчности, въ своемъ свирѣпомъ ослѣпленномъ ужасѣ».

«Литовскій Курьеръ» (Kaunas) 6/IV 32 г. Nr. 10 генер.-лейт. Б. Н. Адамовичъ:

«Есть сильныя ощущенія, которыхъ, не переживъ ихъ, нельзя себѣ представить; они, какъ и всѣ ощущенія, аналогичны другимъ, менѣе сильнымъ и уже пережитымъ, но эту аналогичность мы уясняемъ себѣ лишь позже, когда новое ощущеніе уже испытано и успѣло поразить своею кажущейся несравнимостью. Таковы ощущенія боя.

Молодежь часто ставитъ вопросъ, что читать, что-

бы представить себѣ и ощутить напередъ впечатлѣнія боя? Я отвѣчаю: представить себѣ и ощутить напередъ впечатлѣнія боя невозможно, это можно понять лишь только испытаніемъ, — кто не былъ въ бою, тотъ представить себѣ его не въ силахъ. Можно лишь приблизиться къ представленію воспріятіемъ впечатлѣній людей, бывавшихъ въ бояхъ, и потому и читать надо не батальныя картины и даже не психологическія раскрытія тайниковъ души человѣческой, нарисованныя и продуманныя небывавшими въ бояхъ художниками, писателями и мыслителями, а сырыя, но подлинныя, записи личныхъ переживаній, сдѣланныя участниками боевъ. — Таковы, для примѣра: записки Андрея Тимофеевича Болотова — рядового офицера въ Семилѣтней войнѣ; таковы походныя «Записки артиллериста» — Ильи Тимофеевича Радожицкаго, о которыхъ Пушкинъ писалъ: «Возьмите эту книгу; она не отличается блестящимъ слогомъ и замашками опытнаго писателя, но все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ»; таковы же «Севастопольскіе разсказы» и «Казаки» Толстаго, разсказы Гаршина изъ Турецкой войны 77—78 г. г. очерки и разсказы участника Японской войны «Эль—Эсъ» (Л. Соловьевъ). »Воспоминанія Кавказскаго Гренадера» — Конст. Серг. Попова и писанія Петра Ник. Краснова.

Къ этимъ записямъ съ натуры и записямъ личныхъ переживаній прибавилась еще одна книга: «На войнѣ — Вост. Пруссія — Литва 1914—15 г.», воспоминанія офицера 106 п. Уфимскаго полка Александра Арефьевича Успенскаго.

Ее смѣло можно рекомендовать тѣмъ, кто хочетъ представить себѣ и понять впечатлѣнія боя: «все въ ней живо и вездѣ слышенъ очевидецъ».

Кто, не пережившій самъ этихъ впечатлѣній, могъ бы съ такою же эпической простотой, безъ оттѣненій, и какъ бы не замѣчая самъ цѣны своихъ свидѣтельствъ, разбросать въ своемъ разсказѣ такія знакомыя и по-

нятныя «бывалымъ» записи...... и все это почти безропотно, съ сознаніемъ долга, съ поражающимъ покорностью припѣвомъ: „вѣчная память“ послѣ записей о гибели того или другаго героя и съ вѣрной подсознательной оцѣнкой войны: «какое зло», «жестокая», «Божья гроза“.

Такъ вотъ, я совѣтую молодежи читать такія книги, чтобы понять впечатлѣнія боя.

Мнѣ лично дорога эта книга, какъ разсказъ о страдѣ «Виленцевъ» по гарнизону и по училищу, но думаю, что это не сдѣлало пристрастнымъ мой отзывъ».

Mūsų Žinynas (Kaunas) 1932 m. Nr. 86 XXII t.:

Mūsų kariškoje spaudoje ats. pulk. Uspenskis iki šiol buvo žinomas, kaipo autorius 1926 metais išleistos knygelės „Kaip turi būti mokomi kareiviai šaudyti. Praktiški patarimai kuopų ir būrių vadams“ ir 1925 metais išspausdinto „Karo Archyve“ straipsnio, „1-as gudų pulkas Gardine ir kaip jis tapo lenkų nuginkluotas“.

Dabar išleistoji atsiminimų knyga — pirmoji autoriaus „trilogijoj“. Antrame tome bus aprašytas gyvenimas vokiečių nelaisvėje („Vplienu“), trečiame — tarnyba mūsų kariuomenėje („V Litvie“).

...Pulkas visą laiką veikė arba Lietuvoje arba lietuvių apgyventoje Rytprūsių dalyje.

...Autorius duoda mums daug įdomesnių smulkmenų iš kautynių, smulkmenų pastebėtų ir užrašytų kuopos vado — šio svarbiausio ratuko karo mechanizme. Jis ne tik matė kautynes iš tolo, jis pats jose dalyvavo, pats kentėjo šaltį ir badą, buvo sužeistas. Atsiminimai parašyti labai vaizdingai, gyva kalba. Ypač pavyko autoriui „Allenburgo tilto gynimas“ (V skiltis) ir paskutiniosios IX ir X skiltys, kur kalbama apie XX korpo ir 27 pėst. divizijos (iš III korpo) atsitraukimą ir apsupimą. Knygos pabaigą pulk. Uspenskis rašęs, prisilaikydamas pulko „karo veiksmų dienyno“ (šį dienyną turi savo rankose).

...Knyga patartina perskaityti visiems, kas moka rusiškai. Iš josios galima pasimokyti.

...Laukiame ir tolimesnių tomų pasirodymo.

(Переводъ) «Мусу Жинияасъ» № 86:

«Въ нашей военной печати отст. полковн. Успенскій до сего времени извѣстенъ, какъ авторъ изданной въ 1929 г. книжки «Какъ должны быть обучаемы стрѣльбѣ солдаты. Практическіе совѣты командирамъ ротъ и взводовъ» и въ 1925 г. напечатанной въ «Каро Архивѣ» его статьи «1-й бѣлорусскій полкъ въ Гродно и разоруженіе его поляками». Изданная теперь книга воспоминаній — первая часть «трилогіи» автора. Во 2-й части будетъ описана жизнь въ плѣну у нѣмцевъ, («Въ плѣну»); въ 3-й служба въ нашей арміи («Въ Литвѣ).

..... Полкъ все время дѣйствовалъ или въ Литвѣ или въ части Вост. Пруссіи, населенной литовцами...

..... Авторъ даетъ намъ много самыхъ интересныхъ подробностей боя, подробностей замѣченныхъ и записаныхъ командиромъ роты, этого важнѣйшаго колесика въ механизмѣ боя.

Онъ не только видѣлъ бои издали, онъ самъ въ нихъ участвовалъ, самъ терпѣлъ холодъ и голодъ и былъ раненъ. Воспоминанія написаны очень картинно, живымъ языкомъ. Особенно удалась автору V глава «Оборона Алленбургскаго моста» и послѣднія IX и X главы, гдѣ говорится объ отступленіи и окруженіи XX корпуса и 27-й дивизіи. Заканчивая книгу, полк. Успенскій придерживается «дневника боевыхъ дѣйствій» полка (этотъ дневникъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ)....

Совѣтуемъ книгу перечитать всѣмъ, кто знаетъ по русски. Изъ нея можно поучиться.

Ждемъ появленія дальнѣйшихъ томовъ.

«Послѣднія Новости» (Парижъ № 3991) въ статьѣ «Трагедія XX-го корпуса»:

«Авторъ — кадровый офицеръ, командиръ роты. Влюбленъ въ родную армію, въ полковое знамя, во всю романтику войны.... Для него полкъ — дорогая семья и его записки исторія своего Уфимскаго полка, который раздѣлилъ въ Августовскихъ лѣсахъ участь XX-го корпуса.

Это — впечатлѣнія своего ротнаго участка, страшная боевая жизнь и подвиги 200 людей, которые составляли 16-ую роту.... Авторъ честно и просто описываетъ и свои не очень пріятныя переживанія въ моментъ разрыва нѣмецкихъ «чемодановъ» и подвигъ командира пулеметной команды, который даже съ тяжелой раной въ животъ, не желалъ бросить своихъ пулеметовъ; вылазку германцевъ, похитившихъ русскій пулеметъ и хохотъ своихъ солдатъ подъ ураганнымъ огнемъ.

Война кажется ему порой „Божьей грозой". Гдѣ-то, въ далекихъ штабахъ звенятъ телефонные звонки и слышатся благодушные разговоры объ обреченной на гибель ротѣ, а ротный командиръ, негодуя на путанныя, а иногда неумныя распоряженія этихъ штабовъ, считаетъ ниже достоинства русскаго офицера покинуть порученный ему постъ, и съ горстью солдатъ отбиваетъ жестокія атаки. Мужество русскаго солдата вызываетъ его полное восхищеніе. А знамя есть нѣчто такое, что нужно беречь до послѣдней капли крови, зашивать въ случаѣ нужды, въ подкладку шинели, или закапывать въ укромномъ мѣстѣ.

Самыя страшныя страницы посвящены трагическимъ событіямъ въ Августовскихъ лѣсахъ, когда Уфимскій полкъ, въ составѣ разбитаго XX корпуса ген. Булгакова, безъ единаго патрона, пытался прорвать желѣзное кольцо нѣмецкихъ войскъ".

«Эхо» (Каунасъ). 6-IV-32 г. № 94.
Книжная полка. Полк. Успенскій. «На войнѣ»

«Участникъ перваго акта великой трагедіи — мировой войны — кадровый русскій офицеръ, не мудрствуя лукаво, описалъ свои боевыя впечатлѣнія — простымъ, но увлекательннымъ языкомъ обрисовалъ начало кровавой бойни, развернувшейся на Литовской землѣ.

Это не мемуары, не претенціозная литература, а нѣчто въ родѣ живого протокока событій. А такъ какъ авторъ пишетъ только по личнымъ наблюденіямъ, «протоколъ» пріобрѣтаетъ подкупающую искренность и жизненность.

Книга интересна и для широкаго читателя. Но она особенно цѣнна и важна для молодого офицерства, неучаствовавшаго въ великой драмѣ 1914—1918 года. Въ военныхъ кругахъ „На войнѣ“ нашло надлежащую оцѣнку“.

Сегодня (Рига) № 91

Писатель С. Р. Минцловъ:

Тяжелыя воспоминанія будитъ эта небольшая, безыскусственная книжка, шагъ за шагомъ развертывающая трагедію, постигшую въ Августовскихъ лѣсахъ 20-й корпусъ и знаменитую 27-ую пѣхотную дивизію, отличавшуюся еще въ 1812 году подъ командою Невѣровскаго на поляхъ Бородина и затѣмъ въ Турецкую компанію.

Авторъ командовалъ ротой въ 106 уфимскомъ пѣхотномъ полку. Надо очень любить свой полкъ и сжиться съ нимъ воедино, чтобы такъ тепло писать о немъ. Въ книжкѣ не найдете ни слова осужденія и укора тѣмъ, кто привелъ дивизію къ катастрофѣ; авторъ нигдѣ не вдается въ безполезныя разсужденія и разборы боевъ—онъ только шагъ за шагомъ описываетъ то, что самъ видѣлъ и пережилъ.

Такъ же просто разсказываетъ онъ о службѣ полка, самъ не подозрѣвая того, что и онъ самъ и товарищи его, офицеры и нижніе чины—герои, на кото-

рыхъ съ чувствомъ удовлетворенія останавливается взглядъ читателя.

Жуткое чувство испытываешъ съ авторомъ въ занесенныхъ снѣгомъ мрачныхъ Августовскихъ лѣсахъ, гдѣ нѣмцы, какъ охотники волка, окружили и загономъ разстрѣливали остатки геройскаго корпуса, утопавшаго въ сугробахъ, безъ пушекъ, безъ патроновъ и на однихъ штыкахъ пробивавшагося къ Гродно. Только одинъ день этого боя, вѣрнѣе избіенія, устлалъ крестный путь героевъ семью тысячами убитыхъ, сплошнымъ чернымъ пластомъ улегшихся на протяженіи всего двухъ километровъ.

Авторъ воздвигъ скромный памятникъ своей дивизіи и будущій историкъ Великой Войны его не забудетъ. А рядовой читатель съ интересомъ прочтетъ книгу „На войнѣ", содержащую не мало штриховъ изъ военнаго быта». *С. Минцловъ.*

„Bangos" (Kaunas) Nr. 6 1932-II-26 d.:

...„Knygoj yra labai įdomių vietų"... „Allenburgo tilto gynimas ir kautynės Augustavo miškuose aprašytos meistriškai. Žmogus rašė krauju".

(*переводъ*) ...Въ книгѣ есть очень интересныя мѣста. Оборона Алленбургскаго моста и бои въ Августовскихъ лѣсахъ описаны живо, мастерски. *«Человѣкъ писалъ кровью»!*

Аналогичныя рецензіи дали газеты: «Вѣстникъ союза офицеровъ участниковъ войны № 11», «Pedieja Bridi» № 61 (Riga), «Часовой», «Россія и Славянство», «Naujas Žodis» и др.

Содержаніе I части „Въ плѣну“.

БИБЛІОТЕКА
М. С. П.
„ЗЕМГОР“

Сшит. 1

Стр 76 порвана в остальном
книга исправна.

